

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

**Психология. Педагогика.
Филология. Искусствоведение. Культурология**

Научный журнал

Том 2, № 3

2016

**СЕВАСТОПОЛЬ
2016**

«Гуманитарно-педагогическое образование» – научный журнал, в котором освещаются актуальные вопросы теории и практики психологии, педагогики, филологии, культурологии и искусствоведения. В статьях журнала публикуются результаты научных исследований по общей и прикладной психологии, педагогике, методике преподавания славянских и иностранных языков, технике перевода, культурологии и искусствоведению.

Материалы журнала предназначены для специалистов системы образования и преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов гуманитарно-педагогических вузов. Журнал выходит 4 раза в год. Издаётся с сентября 2015 г. Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN (ISSN 2413-1180), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС 77-64136 от 25.12.2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВА Ирина Николаевна, канд. психол. наук, доцент (Севастополь) – главный редактор; БЕССАРАБОВА Елена Витальевна, канд. техн. наук (Севастополь); БУЛГАКОВ Александр Владимирович, д-р психол. наук, профессор (Москва) – редактор психол. рубрики; ВАСИЛЕНКО Ирина Юрьевна, канд. психол. наук, доцент (Севастополь) – редактор психол. рубрики; ГОЛОВКО Ольга Николаевна, д-р пед. наук, доцент – редактор пед. рубрики (Севастополь); ГУРА Лидия Михайловна, канд. пед. наук, доцент (Севастополь); ДЕМИР Бахар, д-р филол. наук, профессор (Эрзурум, Турция); КАРАЯНИ Александр Григорьевич, д-р психол. наук, профессор (Москва); КЛЕПИКОВА Татьяна Георгиевна, канд. пед. наук, доцент (Севастополь); КОЛЯДА Екатерина Михайловна, д-р искусствоведения, профессор (Санкт-Петербург); КРУПНОВ Александр Иванович, д-р психол. наук, профессор (Москва); МОРЯ Лилия Анатольевна, канд. филол. наук, доцент – редактор филол. рубрики (Севастополь); МОСКАЛЕНКО Ольга Александровна, канд. филол. наук, доцент (Севастополь); МУРОВАННАЯ Нонна Николаевна, канд. пед. наук, доцент (Севастополь); НОВИЧИХИНА Марина Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор (Воронеж); ОЩЕПКОВ Алексей Романович, д-р филол. наук, профессор (Москва); ПОЧТОВЕНКО Наталья Константиновна – отв. секретарь (Севастополь); САМОЙЛЕНКО Наталья Борисовна, д-р пед. наук, доцент (Севастополь); САРАЕВА Надежда Михайловна, д-р психол. наук, профессор (Чита); СМIRНОВА Татьяна Васильевна, канд. искусствоведения, доцент – редактор рубрик по искусствоведению и культурологии (Севастополь); ТЯЛЛЕВА Ирина Алексеевна, канд. пед. наук, доцент – редактор филол. рубрики (Севастополь); ШТЕЦ Александр Александрович, д-р пед. наук, доцент (Севастополь); ХВОРОВА Людмила Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор (Тамбов); ХРАБРОВА Валерия Евгеньевна, канд. пед. наук, доцент – редактор пед. рубрики (Севастополь).

EDITORIAL BOARD

AVDEEVA I.N., PhD (Psychology), Associate Professor – Chief Editor (Sevastopol); BESSARABOVA E.V., PhD (Technical Sciences) (Sevastopol); BULGAKOV A.V., Doctor of Science (Psychology), Professor – Editor of the Section of Psychology (Moscow); VASILENKO I.Yu., PhD (Psychology), Associate Professor – Editor of the Section of Psychology (Sevastopol); GOLOVKO O.N., Doctor of Science (Pedagogics), Associate Professor – Editor of the Section of Pedagogical Sciences (Sevastopol); GURA L.M., PhD (Pedagogics), Associate Professor (Sevastopol); DEMIR B., Doctor of Science (Philology), Professor (Erzurum, Turkey); KARAYANI A.G., Doctor of Science (Psychology), Professor (Moscow); KLEPIKOVA T.G., PhD (Pedagogics), Associate Professor (Sevastopol); KOLYADA E.M., Doctor of Science (Art), Professor (Saint Petersburg); KRUPNOV A.I., Doctor of Science (Psychology), Professor (Moscow); MORYA L.A., PhD (Philology), Associate Professor – Editor of the Section of Philology (Sevastopol); MOSKALENKO O.A., PhD (Philology), Associate Professor (Sevastopol); MUROVANAYAN N.N., PhD (Pedagogics), Associate Professor (Sevastopol); NOVICHIKHINA M.E., Doctor of Science (Psychology), Professor (Voronezh); OSHCHEPKOVA A.R., Doctor of Science (Philology), Professor (Moscow); POCHTOVENKO N.K. – Executive Secretary (Sevastopol); SAMOILENKO N.B., Doctor of Science (Pedagogics), Associate Professor (Sevastopol); SARAIEVA N.M., Doctor of Science (Psychology), Professor (Chita); SMIRNOVA T.V., PhD (Art), Associate Professor – Editor of the Art and Culture Section (Sevastopol); TYALLEVA I.A., PhD (Philology), Associate Professor – Editor of the Section of Philology (Sevastopol); SHTETS A.A., Doctor of Science (Pedagogics), Associate Professor (Sevastopol); KHVOROVA L.E., Doctor of Science (Philology), Professor (Tambov); KHRABROVA V.E., PhD (Pedagogics), Associate Professor – Editor of the Section of Pedagogical Sciences (Sevastopol).

Учредитель и издатель

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Адрес издателя: ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Формат – 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура – Times New Roman. Усл. печ. л. – 10

Тираж – 65 экз. Бесплатно. Подписано в печать 30.09.2016 г.

Изготовлено с готового оригинал-макета на полиграфической базе редакционно-информационного издательского центра

«Медиацентр» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Адрес типографии: ул. Курчатова 7, Севастополь, 299015, Российская Федерация

© ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016

© Авдеева И. Н., идея и концепция

Содержание

Психология

Бессонова Т. И. Анализ феномена истинного добровольчества (волонтёрства) в психологической науке	5
Васюра С. А. Специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности	16
Кондрашихина О. А., Кондрашевская Л. Г. Проактивный и реактивный подходы к отдыху как факторы совладания с профессиональными стрессами	25
Сараева Н. М. Субъектность студентов с разной мотивацией учебно-профессиональной деятельности	33

Педагогика

Червинская О. Ю., Калинин М. В. К проблеме содержания дошкольного образования в области ознакомления детей с родным городом	42
---	----

Филология и лингвистика

Kuzmenko A. N. Singular “They” in Gender Neutral Language	49
Samoilenko N. B. Cultural Studies in Globalizing World	54
Твердохлеб О. Г. Предикативное употребление компаратива с незнаменательной связкой «быть» в акмеистической поэзии С. М. Городецкого	59

Искусствоведение

Коляда Е. М. Страницы крымской жизни М. И. Петипа. К вопросу о развитии курортных парков в Крыму	66
--	----

Культурология

Козлов М. Н. Мировоззренческие представления и верования поздних язычников Древней Руси (на примере Збручского культового центра)	75
---	----

Contents

Psychology

Bessonova T.I. Analysis of the Phenomenon of the True Volunteering in Psychological Science ..	5
Vasyura S.A. Spetsifik of Communicative Activity of Teenagers of a Different Floor and Gender Orientation	16
Kondrashikhina O.A., Kondrashevskaya L.G. Proactive and Reactive Approach to the Rest as Factors of Coping With Professional Stress	25
Saraeva N.M. The Subjectivity of Undergraduate Students with Different Motivation for Educational Professional Activity	33

Pedagogy

Chervinskaya O.Yu., Kalinchuk M.V. On the Problem of the Content of Pre-School Education for Children in the Field of Acquaintance with the Native City	42
---	----

Philology and Linguistics

Kuzmenko A.N. Singular “They” in Gender Neutral Language	49
Samoilenko N.B. Cultural Studies in Globalizing World	54
Tverdokhlebo O.G. Predicative Use of Comparative with Nonsignificant Copula “to be” in Poetry of S.M. Gorodetsky	59

Art

Kolyada E.M. Pages of the Crimean Life of M.I. Petipa. To the Question About Resorts Parks in the Crimea	66
--	----

Culture

Kozlov M.N. Ideological Views and Beliefs of the Later Pagans of Ancient Russia (On the Example Zbrutsky Cult Center)	75
---	----

Анализ феномена истинного добровольчества (волонтерства) в психологической науке

Татьяна Ивановна Бессонова

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация*

Статья поступила 23.08.2016

Аннотация. В статье изложены результаты анализа теоретических и научно-исследовательских источников, расширяющих наши знания о феномене волонтерства в плоскости традиций отечественной и зарубежной психологической науки. Систематизированы теоретические определения и базовые теории, касающиеся психологического содержания добровольческой (волонтерской) деятельности и личности добровольца, сформулированы рабочие определения истинного добровольчества. Изучены социально-психологические условия истинного добровольчества и психологические детерминанты активного поведения добровольца. Впервые обобщены сведения об исследованиях психологов, активно разрабатывающих и курирующих социально значимые волонтерские проекты. Автором, практиком с 20-летним стажем добровольческой деятельности, подготовлено теоретическое обоснование психологической программы воспитания истинных студентов-добровольцев для общества.

Ключевые слова: добровольчество (волонтерство), истинное добровольчество (волонтерство), доброволец (волонтер), добровольческая деятельность, добровольческая активность, добровольческая мотивация, ценности добровольчества, просоциальное поведение.

Для цитирования: Бессонова, Т. И. Анализ феномена истинного добровольчества (волонтерства) в психологической науке / Т. И. Бессонова // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 5–15.

Об авторе: Т. И. Бессонова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая и прикладная психология и педагогика» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: t.bessonova.21@mail.ru.

Постановка проблемы. Проблема добровольчества в современной психологии занимает одно из важнейших мест и, несмотря на это, является малоизученной в аспектах индивидуально-психологических и личностных особенностей волонтеров, их психологических типологий, и тем более мало разработана техника повышения гражданской и социальной активности молодежи, управления и организации волонтерского движения, гражданской взаимопомощи. Её исследование началось более 100 лет тому назад, не прекращается до сих пор, и за это время обосновано несколько моделей волонтерства как в исторической плоскости, так и в аспектах разных научных школ. Социология выделила около 30 направлений волонтерской деятельности (социальное, патриотическое, инклюзивное, культурное и др.) и выстроила около 150 видов волонтерства (организованное, неформальное, квазиволонтерство, ситуативное, полуволонтерство, проектное и др.). Социально-психологическая практика по-прежнему опережает научные изыскания и способствует формированию устойчивого комплекса положительных

представлений о добровольце и его добровольческой деятельности в индивидуальном и групповом сознании.

Современных психологов не может не интересовать парадигмальность данного феномена и отношение к нему как специфическому продукту сознания личности, коллективного сознания и культуры, но усваиваемого в той или иной мере отдельными людьми. Существуют затруднения в идентификации волонтеров, что можно объяснить отсутствием стереотипных представлений о добровольчестве в российском обществе в целом. Данный подход определяет необходимость поиска методологических оснований добровольческой деятельности, выделение базовых особенностей российского добровольчества и поиск модели истинного, подлинного волонтерства в условиях складывающейся национальной традиции. Увеличивается значимость добровольческих инициатив, особенно в студенческой среде. Они охватывают все сферы человеческой деятельности будь то работа в рамках неформального образования, в группах поддержки молодежи в тяжёлой жизненной

ситуации или социально незащищённых слоёв населения (детей-сирот, людей с инвалидностью, престарелых, маргиналов); выполнение общественных работ (строительство молодёжных объектов, уборка территорий, дежурство в больницах, хосписах, тюрьмах); организация массовых профилактических акций, экологических десантов или общественно полезных мероприятий (благотворительных концертов, сбора средств в поддержку нуждающихся) и т.д.

По данным «Доклада о человеческом развитии» (2013 г.) Института Гэллага (сегодня он в ведении компании, специализирующейся на психологических и социологических исследованиях по опросам жителей Земли), в Норвегии во всевозможных добровольческих организациях состоит 42% трудоспособного населения, в Соединённых Штатах и Канаде 48%, в Западной Европе показатель достигает 67%, а в России – 12% [20; 24]. Уровень благотворительности оценивался по трём критериям: участие граждан в движении волонтеров, денежные пожертвования и помощь незнакомым людям. Показатели эти явно занижены по причине незнания российской специфики и отсутствия статистики об участии граждан в движении добровольцев. Наша народная мудрость гласит: делать добро спешит, но языком не чешит, т.е. в нашей культуре творить добрые дела надо не для статистики. По направлению «помощь незнакомым людям» российская практика, безусловно, является самой многочисленной. Социально-психологическое исследование, проведенное нами в г. Севастополе, показало, что среди школьной молодёжи в 2013 году этот показатель достигал 67%, среди студенческой молодёжи в 2014 году – 38%, среди профессионального сообщества учителей в 2015 году – 85%. Эти факты особо подчёркивают актуальность исследования по поиску детерминантов истинно бескорыстного добровольчества. В этой плоскости актуальны объяснения шотландского философа-этика XVIII века А. Смита о природе нравственных поступков человека: «Каким бы эгоистичным ни казался человек, в его природе явно заложены законы, определённые законы, заставляющие его интересоваться судьбой других и считать их счастье необходимым для себя, хотя он сам от этого не получает ничего, за исключением удовольствия видеть это счастье... Напротив, мы презираем эгоиста, очерствелая душа которого занята исключительно только собой и относится бесстрастно как к счастью, так и к несчастью своих ближних» [16, с. 44–47].

Современная психологическая наука не стоит в стороне от изучения этого явления и исходит из положения о том, что на формирование личности

человека оказывает значительное влияние то общекультурное и ментальное пространство, охватывающее знания, ценности, нормы, в которое включён индивид. Уже в 20-х гг. XX в. появились психологические направления, для которых эти идеи стали центральными (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.). В поле зрения психологов были различные феномены *общественных отношений* (социальных, нравственных, религиозных и т.п.), изучаемых кроме психологии множеством других наук. Это, безусловно, относится и к нашему феномену волонтерства. Так, действующие в разные эпохи социокультурные нормы – в данном случае нравственного поведения – влияли на чувства тех, кто оказывал помощь ближним, и на их динамику. Однако просто наличие гуманной общественной среды прямо не приводит к формированию личности, ориентированной на добро. Детерминанты могут определяться на уровне как данной способности, так и других особенностей личности: индивидуальных ценностей, креативности, эмоционального статуса, настроения, отношения к человеку, которого постигло то или иное несчастье. Область эмпирического изучения может быть рассмотрена с позиций как психоанализа, так и гуманистической психологии. В первом случае речь идёт о некой генетической предрасположенности некоторых индивидов к оказанию помощи другим или о наших скрытых желаниях, которые могут быть реализованы через добровольческую практику. Вторые положения объясняют наши смыслы порогами нравственности и воспитанности через их истинный, пассивный или отсутствующий характер.

Цель статьи. Социальная практика добровольчества (волонтерства), безусловно, будет иметь тенденцию роста, так как число социальных и психологических проблем людей постоянно растёт. Отсюда возникает научная необходимость изучать мотивированные действия подлинных добровольцев (волонтеров), их психологические характеристики и особенности направленности личности. Нас интересуют детерминанты истинного добровольчества и его результат – эффективное волонтерство. Безусловно, реальные результаты этой деятельности имеют конкретные культурные смыслы. В ходе проведенного нами исследования выявлено, что требуется систематизация и упорядочивание теоретических определений добровольчества (волонтерства), выделение фундаментальных теорий, расширяющих представление о данном феномене, анализ деятельности тех, кто подлинно бескорыстно служит людям и человечеству.

В качестве первого теоретического основания

нами будет рассмотрен данный феномен в плоскости разных школ психологии и разных социально-психологических практик, в том числе и собственной, которые используют принципиально разные методы, принимаемые одной школой и отвергаемые другой, но позволяющие обогатить понимание этого общественно-психологического явления. Вторым значимым основанием является исследование добровольчества как вида человеческих взаимоотношений через нормы и ценности, переживания и размышления, желания и стремления, т.е. через собственное «психологическое орудие» (Л.С. Выготский), с помощью которого доброволец овладевает своими психическими процессами, выполняя тот или иной вид волонтерской деятельности. Некоторые базовые теории могут объяснить психологическую природу феномена истинного добровольчества. Третьим значимым основанием могут быть представления о данном феномене, который уже является предметом эмпирического (опытного) изучения в социальной психологии (например, в аспектах исследования особенностей межличностного общения и передачи опыта, специфики социально-психологического подхода к пониманию личности добровольца; соотношения личности и группы волонтеров; содержания процесса социализации, его уровней и механизмов). Вызывает интерес Я-концепция добровольца, социальная идентичность и жизненное самоопределение, изменение социальных установок в условиях разных направлений деятельности, личностные и ситуативные детерминанты просоциального поведения, социально-психологические качества личности волонтера.

Особенность многих социально-психологических явлений в том, что они имеют некую эволюционную цикличность и завершённость. При отсутствии надёжной стратегии государственной идеологии именно добровольчество может стать долговременной основой воспитания молодого поколения, которое не приемлет фальши и искусственности. Практическая значимость работы заключается в том, что добровольцы вырастают, становятся чиновниками, педагогами, психологами, у них появляются свои дети, и понятый психологический механизм истинного, подлинного добровольчества поможет выстроить реальные значимые и для индивида, и для общества программы и проекты поддержки и помощи. Авторское лонгитюдное исследование 2006–2016 гг. позволяет обобщить некоторые материалы, дать рабочие определения, выстроить гипотезы и подготовить теоретическое обоснование психологической программы воспитания и самовоспитания истинных добровольцев.

Анализ теоретических и научно-исследовательских источников. Российская научная традиция предполагает, что исторический, социальный, системный и педагогический подходы позволяют рассмотреть добровольчество как целостное культурно-историческое явление русской ментальности и православной духовности, предметной общественной и частной благотворительности, корни которых уходят в историю филантропии и меценатства, становления институтов общественного призрения и социальной защиты, развития традиций бескорыстного служения гражданам и Отечеству. Данные научные подходы по числу представленных научных материалов, диссертационных исследований, статей достаточно разработаны в российской науке. Но всегда были и будут наиболее востребованными психологические исследования, объясняющие мотивацию людей к добровольческой деятельности, активность субъекта этой деятельности и особенности возрастных характеристик добровольцев с акцентом на их личностные позиции и внутриличностные механизмы.

В «Иллюстрированном толковом словаре живого великорусского языка» российским этнографом и лексикографом В.И. Далем (1868) слово «волонтер» толкуется как «повольщина, доброволец, вольнослужащий; причисленный на своём иждивении и по своей воле, в военное время, к войску, но не вступивший в службу» [5, с. 101]. В 1920 году во Франции близ Вердена был осуществлен первый проект волонтерского лагеря с участием немецкой и французской молодёжи, в рамках которого волонтеры восстанавливали разрушенные первой мировой войной фермы. Денег за свою работу волонтеры не получали, но были обеспечены проживанием, питанием и медицинским страхованием – этот принцип организации волонтерского труда сохранился и по сей день. С этого времени понятие «волонтер» стало символом идеи социального служения обществу. Выдающийся языковед и славист М. Фасмер в середине прошлого века (1950) в «Этимологическом словаре русского языка» отмечает, что слово «волонтер» произошло от французского *volontaire*, которое в свою очередь произошло от латинского *voluntarius*; прочие формы, вероятно, из английского *volunteer*, и рассматривает волонтера как солдата-добровольца. Старинными формами слова «волонтер», отмечает М. Фасмер, являются такие понятия, как волентир, волунтер, имеющие отношение к военной службе в России [17, с. 31]. Таким образом, изначально термины «волонтер» и «волонтерство» рассматривались исключительно в военном контексте. В 80-х годах прошлого века в

психологических словарях Европы и Америки появились формулировки, имеющие обобщённый характер: «Волонтёр – это помощник или социальный работник, заботящийся об окружающих...» [7, с. 37]. В современных отечественных психологических словарях нет понятия «волонтёр» [3; 21]. Отечественная психологическая наука, как и другие гуманитарные области знания, использует понятие из юридических словарей и федеральных законов, где слово «волонтёр» является синонимом слова «доброволец». «Добровольцы, в свою очередь, это – 1) в международном праве лица, добровольно вступающие в действующую армию одной из воюющих стран...; 2) граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации... Под филантропией, меценатством и волонтерством понимается частное и добровольное дело конкретного человека, получающего удовлетворение от своего чувства альтруизма, осуществление им благотворительной деятельности по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или некоммерческим организациям, в том числе благотворительным организациям, имущества, включая денежные средства, и (или) объектов интеллектуальной собственности, наделяния правами владения, пользования и распоряжения любыми объектами права собственности, предоставлении услуг, оказанию иной поддержки, в том числе защиты, покровительства и безвозмездного труда» [4; 26].

В целом для психологической науки поиск базовых понятий является актуальным, и сегодня отечественные и зарубежные определения не противоречат друг другу, но отражают некоторую культурную традицию по уточнению объекта деятельности и конкретизации его результатов. Как нам кажется, это связано с тем, что в определениях зарубежных авторов (М. Дарли, П. Джордан, С. Линч, Д. Майерс, С. Маккарлей, М. Олчман, К. Роджерс и др.) выделены черты, присущие самому феномену, и установлена их связь с интересами отдельных людей. Отечественные определения психологов (Ю.Н. Давыдов, С.В. Михайлова, Н.А. Потапова, И.Б. Роднянская, Н.В. Ходырева и др.) чаще трактуют добровольчество в контексте социальной значимости и позитивного характера деятельности. Психологи М. Олчман, П. Джордан в своём пособии «Добровольцы – ценный источник» пишут: «Кто может стать волонтером? Чаще всего ответ на этот вопрос таков: им может быть взрослый человек, умелый и ответственный, который может посвятить

свое время и умение добровольному труду. Каждый может стать волонтером, в любой сфере общественной жизни, где есть необходимость» [12, с. 56]. Российский психолог Н.А. Потапова делает вывод о том, что «волонтеры – это люди, привлекаемые к общественно полезным мероприятиям государственными структурами, специалистами или церковью, занятые добровольным и безвозмездным трудом, в свободное от основной деятельности время, направленным на пользу другим людям, организациям и обществу в целом» [13, с. 139]. Л.А. Кудринская, классифицируя мотивы добровольческой деятельности, указывает на то, что мотивы напрямую связаны с направлением добровольчества [8]. В зарубежной психологии преобладают исследования о процессуальном характере волонтерской деятельности; о таких функциях волонтерства, как направленная социализация молодежи (С. Линч, С. Маккарлей); о ключевых мотивах волонтеров, носящих альтруистический и вместе с тем прагматический характер (М. Олчман, П. Джордан) [11; 12]. Авторы многочисленных западных исследований (В. Виллиген, П. Моэн, Ф. Янг и др.) эмпирически доказывают связь между добровольческой активностью и улучшением состояния психического и физического здоровья человека, удовлетворением жизнью, повышением самооценки, снижением уровня депрессии, стресса [11; 12; 22; 23]. Исследования в данной области в настоящее время являются актуальными и для российской психологической науки (Е.С. Азарова, У.П. Косова, Н.В. Самоукина, Н.В. Тарабрина и др.). Зарубежный подход не включает в группы волонтеров молодых людей младше 18 лет.

Объяснить эти различия можно ещё и тем, что большинство зарубежных исследователей – это психологи и социологи в одном лице, имеющие большой опыт волонтерской деятельности. Например, в свободное от преподавания и научной работы время Д. Майерс основал Мичиганский Центр общественного содействия, оказывающий помощь малоимущим семьям. К. Роджерс со студенческих лет приобщился к волонтерской деятельности вначале в христианском студенческом обществе, а затем, будучи директором психотерапевтического центра при Чикагском университете, проводил волонтерские сессии для студентов, родителей и педагогической общественности. Учёные психологи П. Джордан и М. Олчман уже в течение 20 лет курируют волонтерские проекты по поддержке подростков в тяжёлой жизненной ситуации. Исследование О. Акинтолы посвящено деятельности волонтеров в ЮАР, где учёная в составе волонтерского отряда оказывала на дому помощь людям, больным

СПИДом. В отечественной социально-психологической практике всё больше психологов (Е. Буглак, О. Кликунова, О. Фетисова и др.) разрабатывают проекты и программы для добровольцев в социально-психологических лабораториях, созданных на общественных началах, в университетах (Забайкальский государственный университет, Курский государственный университет, Крымский федеральный университет, Петрозаводский государственный университет, Севастопольский государственный университет и др.). В течение 10 лет в Гуманитарно-педагогическом институте Севастопольского государственного университета были реализованы психологические программы и проекты, расширяющие представления о феномене истинного добровольчества. Разработан и адаптирован психологический блок подготовки добровольцев в школе волонтеров университета, начиная от базового, общего для всех, уровня к профилированию более 30 современных направлений волонтерской деятельности. Реализован и продолжает развиваться ресурсный диагностический и методический центр добровольческих студенческих инициатив. Нами основан Центр общественного содействия семьям, воспитывающим детей с инвалидностью, общественный центр родительского просвещения, школа юных психологов, в которой за десятилетие оказана помощь 500 старшеклассникам и их родителям. Формы работы в рамках данных программ – анкетирование, социально-психологический тренинг, мини-лекции, семинары, мастер-классы, супервизия, индивидуальная работа (беседы, консультация). Истинные волонтеры-выпускники продолжают практику помощи как долгосрочную и в формальных, и в неформальных объединениях.

Теоретические основы истинного добровольчества могут быть объяснены с помощью некоторых базовых теорий. Так, целый ряд учёных считает, что желание помогать людям является одним из основных побуждений, имеющих генетические корни. В частности, представители эволюционной теории (Ч. Дарвин, Л. Гринберг, Дж.Ф. Раштон) и их последователи в психологии отмечают, что безвозмездная работа совершается под влиянием генетической потребности приносить реальную пользу, изменять себя и общество [12]. В нашей истории достаточно примеров династий духовного и социального служения людям и Отечеству (Ананьевы, Демидовы, Зимины, Сотниковы, Фальц-Фейны, Черновы и др.)

В 1960–1970 гг. гуманистические и экзистенциальные теории заложили основы для объяснения особенностей феномена волонтерства. Философия

экзистенциализма в качестве своего основного понятия оперирует экзистенцией, или человеческим существованием. Человек осознаёт свою сущность не в обычной, будничной обстановке, а в особых пограничных ситуациях (нищета, война и другие бедствия). Главные свойства этого существования – совесть, забота, добродетель и др. С точки зрения гуманистической психологии, суть волонтерства объясняется довольно просто: деятельность истинных добровольцев богата смыслом, организованным системой высших ценностей и позитивных мотивов [18]. Теории социальной активности зарубежных (Г. Салливана, К. Роджерса, Э. Фромма, К. Левина, А. Маслоу, Г. Тэджфела, Д. Тернера и др.) и отечественных (А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, В.Н. Мясищева, Л.И. Божович, А.В. Петровского, М.И. Лисиной, К.А. Абульхановой-Славской, Г.М. Андреевой, Н.А. Фофоновой, С.А. Потаповой, Н.А. Мелющенко и др.) гуманистов гласят, что только самоактуализированные люди проявляют заботу о благополучии человечества. Теория потребностей К. Левина объясняет наличие регуляторов поведения человека – квазипотребностей, которые социально обусловлены и имеют динамические характеристики [12]. При этом исследователь подчёркивал отличие квазипотребности, возникшей в данный момент, от устойчивых потребностей (например, потребность к труду). Д. Маккланд [12] выдвинул свою теорию потребностей, достаточно близкую теории А. Маслоу. Она заключается в том, что поступками человека движут три основных рычага: власть, успех и причастность. Причастность ведёт к заботе. В рамках теории А. Маслоу о потребностях человека есть утверждение о том, что не у каждого человека есть потребность в самоактуализации [10]. Те, у кого она есть, являются носителями таких ценностей, как любовь, добро, забота, помощь, красота, истинный альтруизм. Г. Мюррей в своём перечне мотивов ввёл для деятельности по оказанию помощи особый базовый мотив, назвав его потребностью в заботливости [12]. Е.С. Азарова условно разделяет мотивы волонтеров на компенсаторные мотивы, мотивы выгоды, мотивы личностного роста, идеалистические и мотивы расширения социальных контактов [1]. Чем более устойчивы альтруистические мотивы человека, тем шире круг людей, которым он, сочувствуя, помогает [9]. Можно заключить, что волонтерская деятельность, как и другие виды деятельности, детерминирована не одним, а несколькими мотивами, причём эти мотивы неоднозначны и разноплановы, но это даёт право утверждать, что они полностью соответствуют определённым видам добровольче-

ской деятельности.

В гуманистическом психоанализе Э. Фромма [21] выделены типы социальных характеров: рецептивный, эксплуататорский, стяжательный, рыночный и плодотворной ориентации. Последний является необходимым условием для формирования социальной активности личности добровольца и его новых социальных отношений, проникнутых любовью, заботой о ком-то. Вопрос о специфике социальной активности молодёжи с учётом социальной среды прослеживается в культурно-исторической теории Л.С. Выготского. По утверждению учёного, человек на каждом этапе своего становления переживает от общества основные нормы, ценности, культуру, историю данного общества [21]. На практике доказано: чем больше человек взаимодействует с социальными институтами, тем более продуктивно проходит процесс его социализации и формирование социальной активности. Считается также, что данные люди имеют ярко выраженные регуляторы поведения – квазипотребности, высокий творческий потенциал, они непосредственны, независимы, мотивированы на благотворительность, способны к сочувствию, обладают высокой культурой доверия.

Теория доверия – одна из базовых теорий, используемых сегодня для понимания волонтерства. В её разработке активное участие принимали как отечественные, так и зарубежные психологи: С.Н. Айзенштадт, Э. Аронсон, Е.В. Ашлапова, А.В. Белянин, Д. Бирн, Л. Бос, М. Бубер, П. Бурдье, А. Дж. Вейджет, В.П. Зинченко, И.В. Калинин, Дж. Колеман, И.С. Кон, Р. Кочюнас, Р.М. Крамер, В.Н. Куницына, Д. Левис, Н. Луман, Л.А. Микешина, Б.З. Мильнер, Э. Пратканис, К.Р. Роджерс, Дж.Б. Роттер, Т.П. Скрипкина, Г.У. Солдатова, Э. Эриксон и др. По мнению исследователей, доверие относится к важнейшим социально-психологическим явлениям, определяющим особенности социального взаимодействия, его эффективность и успешность совместной деятельности. Российский психолог Т.П. Скрипкина пишет: «Без доверия человек лишается возможности познавать и преобразовывать мир... В целом доверие выступает средством гармонизации отношений человека одновременно с миром и с самим собой... Поскольку доверие является одновременно явлением социальным и личностным, связанным, с одной стороны, с относительной устойчивостью и целостностью личности, а с другой – с её изменением и развитием, т.е., в конечном счёте, с особенностями её социализации...» [15, с. 234–236]. Э. Эриксон под доверием подразумевал доверие к самому себе и чувство неизменной расположенности к себе других людей [21]. Безусловно, истинное добро-

вольчество включает психологическую культуру доверия.

Теория филантропии (благотворительности) наполняется психологическим смыслом только в современных исследованиях. К описанию психологического механизма феномена благотворительности исследователи чаще всего обращаются в ходе изложения других проблем, например, особенностей мотивации и поведенческих стратегий благотворителей, содержания благотворительной деятельности как ценности, которая измеряется искренностью душевного порыва. Исследование мотивации благотворителей (С.В. Алещенок, С.А. Потапова и др.) позволило выделить две их группы: самостоятельную, отдельную мотивацию благотворительности (т.е. тогда, когда человек занимается благотворительностью ради неё самой) и мотивацию, производную от каких-либо иных, сторонних мотивов (например, практической пользы, PR и т.п.). С.В. Алещенок, С.А. Потапова в качестве ведущей мотивации добровольческой деятельности называют солидарность и ответственность за проблемы в обществе [13, с. 127]. О.В. Решетников подчёркивает, что ведущие мотивы благотворительной добровольческой деятельности должны отвечать следующим требованиям: иметь социально значимый позитивный характер, широкую распространённость среди добровольцев, отвечать общечеловеческим ценностям, сохранять индивидуальные различия добровольцев, способствовать развитию добровольческой деятельности, реализации её целей и задач [14]. В то же время теория филантропии позволяет исследовать феномен добровольчества в плоскости православного учения о милосердии. Славянская традиция предполагала творить добро, не требуя ничего взамен. В исследованиях мотивации отечественных благотворителей (социологи И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон) часто высказывается мнение, что те, кто склонен к филантропии в силу внутренних своих ценностей и особенностей характера, не слишком заинтересованы в публичном признании и благодарности. Филантропы-волонтеры – это российский тип истинного волонтерства, которого нет в европейских зарубежных традициях, как и многочисленных синонимов слову «филантропия» – человечность, отзывчивость, сочувствие, гуманность, милосердие. Теория благотворительности непосредственно связана с изучением таких личностных категорий морального сознания, как долг и совесть, честь и достоинство, благо и ответственность, добро и справедливость (А.Г. Асмолов, Д.Н. Узнадзе, Л. Колберг).

Теория сочувствия (Т.П. Гаврилова, В.В. Зеньковский, В.П. Кузьмина, Н.Н. Обозов, И.М. Юсупов,

С. Бек, З. Фрейд, В. Штерн) выделяет социальные эмоции, побуждающие к помощи другому. Способность к сочувствию является одной из фундаментальных характеристик личности. Здесь необходимо выделить эмпатийный подход К. Гиллиган, которая утверждала, что принцип заботы, лежащий в основе морального сознания личности, ориентирует её на сочувствие и сопереживание другому человеку [11]. Как вторая форма эмпатии, более высокая форма эмпатического отреагирования, это социальное чувство даёт возможность человеку поставить себя на место другого человека, оказать ему помощь. Среди отечественных исследований наиболее значимыми, на наш взгляд, по описанию эмпатического процесса сочувствия для практики добровольчества являются разработки Е.А. Ичаловской, А.Б. Орлова, И.М. Юсупова [19]. Исследователи утверждают, что стадия сочувствия у добровольцев характеризуется большей степенью осознанности и произвольности. Последующее развёртывание процесса, происходящее благодаря сильному сочувствию, актуализирует сначала внутреннее, а затем и реальное содействие – оказание помощи. Последнее звено выходит за рамки эмпатического процесса, вызывая положительные сдвиги в эмоционально-мотивационной сфере субъекта эмпатии, и оказывает большее влияние на объект эмпатии. Б.П. Ильин отмечает, что «проявление просоциального поведения связано с двумя мотивами: морального долга и морального сочувствия» [6, с. 331]. Исследование психологического механизма сочувствия и сострадания как естественного свойства человека даёт основания предположить, что доброволец – это, прежде всего, активно сочувствующий человек, который старается помочь не только на словах, но и на деле. Нам близка точка зрения Л.П. Стрелковой и С.Б. Борисенко, которые помимо сопереживания и сочувствия выделили ещё одну форму эмпатии – содействие [19]. Этот вид эмпатии связан с уровнем развития нравственного сознания человека и качеством его социального опыта. Способность к сочувствию-содействию может быть фундаментальной характеристикой личности истинного добровольца. Результаты последних исследований свидетельствуют о том, что одни люди регулярно демонстрируют большую отзывчивость, чем другие, и что влияние гендера или личностных качеств может зависеть от ситуации. По итогам исследования Д. Джордж, Ф. Моэна были сделаны выводы о том, что женщины выражают больше сочувствия и тратят на оказание помощи больше времени [12, с. 161; 22]. Таким образом, сочувствие добровольца – это особая способность понимать,

сопереживать и проникаться чувствами других людей. Среди добровольцев тоже есть своя градация: одни люди более способны к сочувствию, другие – менее. В добровольческом студенческом отряде нашего вуза 89% добровольцев девушки и женщины-преподаватели.

Теория альтруизма в социальной психологии предлагает нам несколько подходов к объяснению психологического механизма просоциального поведения личности добровольца (М. Снайдер, А. Омото, Д. Клэри, М. Шаллер, Р. Чалдини, Б.П. Ильин, Л.З. Левит) [6; 9; 11; 25]. По О. Конту, альтруизм – нравственный принцип поведения, означающий способность осуществлять бескорыстные действия в интересах других людей. Очень часто проявление милосердия и филантропии трактуют как альтруизм. Как качества людей, рассматриваемые в духовной плоскости, у них много общего. В отличие от ситуационных факторов и настроения, личностные качества не являются детерминантами альтруизма. Данные, полученные при проведении личностного тестирования, имеют слабые прогностические возможности при определении склонности к альтруизму (Д. Гэллап, Ф. Эллиот, Л.З. Левит) [9]. Исследования социальных психологов позволили выделить основные отличительные особенности, которые только в комплексе присущи именно альтруистическому поведению: безвозмездность, жертвенность, ответственность, приоритетность, свобода выбора, удовлетворение. Достаточно широко исследована мотивация альтруизма. В иерархии индивидуальных мотивов А. Маслоу существует такой фактор, как самореализация. Одним из её аспектов является альтруизм. Доминирующий альтруистический мотив порождает и соответствующие ему специфические эмоциональные переживания, носящие характер устойчивого эмоционального реагирования, что согласуется с данными, полученными в исследованиях Л.И. Божович, Б.И. Додонова, Я.З. Неверова. Б.П. Ильин отмечает, что «...человек с моральным сочувствием проявляет альтруизм в связи с идентификационно-эмпатическим слиянием, отождествлением, сопереживанием, но иногда не доходит до действия. Его альтруистические проявления неустойчивы» [6, с. 388]. В ходе эволюции альтруизм стал частью культурной системы, но может быть достоверно определён только в континуумах: «индивидуализм-коллективизм», «альтруизм-эгоизм», «интернальность-экстернальность», так как слабо рефлексировано на индивидуальном уровне. Как показали недавние отечественные исследования [9], проведённые с помощью методов выборки переживаний (ESM), между показателями эгоизма («польза, выгода для

себя») и альтруизма («польза, выгода для других») в повседневной активности испытуемых практически всегда существуют положительные корреляции. Альтруизм истинного добровольчества особенно характерен для людей старшего возраста, обладающих богатым жизненным опытом. Они могут видеть в нём смысл своей жизни (Л.И. Анцыферова, Н.Ф. Шахматова) [2]. Религиозность прогнозирует долгосрочный альтруизм (Д. Гэллап, Ф. Эндрю) [11], который проявляется в безвозмездном участии в различных социальных мероприятиях и программах и в финансовых пожертвованиях. Подлинный бескорыстный долгосрочный альтруизм – это основа истинного долгосрочного добровольчества.

Указанные выше теоретические и эмпирические труды расширяют наши представления о феномене истинного добровольчества как средства и условия развития личности.

Выводы. Итак, в рамках данной статьи мы приняли попытку обобщить теоретические и экспериментальные работы, объясняющие феномен истинного добровольчества в психологической науке. В настоящей работе мы принимаем понятия «волонтерство» и «добровольчество» как синонимичные, а вот понятие «истинное добровольчество (волонтерство)» в психологических исследованиях встречается очень редко. В целом психологическая наука рассматривает волонтерство как целостное явление самореализации, взаимодействия и общения личности. Зарубежный подход к данной проблеме всегда был социальным, т.е. более прагматичным, с обоснованием приоритетности ценности волонтерства для самих волонтеров. Российский социально-психологический подход, деятельностный и личностно ориентированный, с каждым годом включает всё новые и новые теории, изучающие психологические механизмы социального феномена добровольчества (волонтерства), приоритетности ценности волонтерства как для общества, так и для личности добровольца. Для зарубежной науки феномен истинного волонтерства не представляет общественный интерес в отличие от российской национальной традиции.

По нашему мнению, доброволец (волонтер) – это мотивированный человек, деятельность которого имеет осознанную эгоистическую и альтруистическую направленность, рационально поставленную цель, определённую гуманистическими ценностями и идеалами. Для истинного добровольчества значимы ценности доверия, сочувствия, филантропии, социальной активности, альтруизма. Мотивация истинного добровольца позволяет сознательно бескорыстно оказывать помощь нужда-

ющимся людям и социальным объектам и получать только нематериальное вознаграждение.

Истинное добровольчество (волонтерство) – это и общественная идея социального служения, и духовная традиция российского общества, и потребность человека получать удовольствие от труда на благо нуждающимся людям. Эти рабочие определения могут быть обоснованы с учётом многолетней независимой практики автора и началом государственно-общественной организации добровольческой деятельности в России (I Всероссийский форум добровольцев прошёл в Сочи 13–16 февраля 2015 года).

Феноменология добровольчества может быть изучена через интроспекцию авторского опыта: автор – волонтер с 20-летним стажем, с 2006 года по 2016 год возглавляет студенческий проект «Школа волонтеров» в Гуманитарно-педагогическом институте Севастопольского государственного университета, организует мастер-классы по написанию социальных волонтерских проектов, проводит социально-психологические исследования, вместе со студентами разработал и реализовал через социальные службы города Севастополя по запросам государственных социальных служб и общественных организаций более 30 проектов помощи и поддержки всем слоям населения, находящимся в тяжёлой жизненной ситуации. Наше исследование подтвердило положения и выводы базовых теорий, объясняющих феномен истинного добровольчества.

Анкетирование студентов-гуманитариев в 2006 году (выборка составляла 100 человек) и в 2015 году – 100 человек – выявило следующие особенности и отличия мотивации к добровольчеству. В 2006 году мотивы сострадания составляли 29%, а в 2016 – 11%. Возросла социально-политическая мотивация с 21% до 65%. Мотивы решения своих собственных проблем и амбиций увеличились с 7% до 61%. Отмечается их широкий диапазон: здесь и приобретение профессионального опыта, и расширение социальных связей как полезных для будущей профессиональной деятельности, и др. Окружающим доверяли в 2006 году 70% волонтеров, в 2015 году – 25%. Желание помогать нуждающимся стабильно – 64% и 63%, как и проводить свободное время с пользой для себя – 3%. Причём данные обстоятельства не являются отрицательными, так как способствуют большей самоактуализации и заинтересованности в волонтерской деятельности. Необходимо отметить появление новых мотивов – мотива креативности и мотива веселья. Наше исследование подтверждает, что социальная ориента-

ция мотивации волонтерского поведения у молодежи значительно преобладает над мотивацией на результат. Для подкрепления внутренней мотивации к добровольчеству и поддержки решимости стать истинным добровольцем личность должна пройти образовательную школу волонтера. Это техническая основа формирования долгосрочных команд добровольцев. Для общества это серьезная школа новых истинных политиков, для которых интересы людей всегда будут на первом месте.

Таким образом, теоретический анализ проблемы добровольчества в работах ученых-психологов показал, что данный феномен многогранен и знание его психологических особенностей позволит органи-

зовать практику истинного бескорыстного, подлинного долгосрочного волонтерства как основы и способ самореализации личности и снять многие проблемы, связанные с отбором и подготовкой добровольцев. Вместе с тем проведенное исследование не претендует на исчерпывающее решение поставленной проблемы. Дальнейшего изучения требуют вопросы, связанные с исследованием мотивации истинных добровольцев на разных этапах социализации, особенностей личностных характеристик в зависимости от половозрастной принадлежности, особенностей системы личностных конструктов добровольцев, уровня образования и т.д., что станет предметом дальнейшей разработки автора.

Список литературы

1. Азарова, Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности : дис... канд. психол. наук / Елена Станиславовна Азарова. – Хабаровск, 2008. – 192 с.
2. Анцыферова, Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 5–17.
3. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. – 672 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 703 с.
5. Даль, В. И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Белый город, 2006. – 640 с.
6. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.
7. Кордуэлл, М. Психология А–Я. Словарь-справочник / М. Кордуэлл ; пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
8. Кудринская, Л. А. Благотворительность и спонсорство в современном российском обществе: опыт теоретического анализа / Л. А. Кудринская // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2009. – № 6 (82). – С. 73–77.
9. Левит, Л. З. Счастье, эгоизм, альтруизм: парадоксы взаимодействия / Л. З. Левит // Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – № 7. – С. 10–19.
10. Маслоу, А. Мотивация и личность : пер. с англ. / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
11. Майерс, Д. Социальная психология. Интенсивный курс / Д. Майерс. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2000. – 512 с.
12. Олчман, М. Добровольцы – ценный источник : учебное пособие [Университет Джона Хопкинса] / М. Олчман, П. Джордан. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 336 с.
13. Потапова, Н. А. Волонтерство как феномен самореализации личности : сб. науч. тр. / Н. А. Потапова // Вестник МГОУ. – № 3. – 2007. – М. : Изд-во МГОУ. – С. 95–140.
14. Решетников, О. В. Организация добровольческой деятельности / О. В. Решетников. – М. : РГСУ, 2005. – 60 с.
15. Скрипкина, Т. П. Психология доверия : учебное пособие / Т. П. Скрипкина. – М. : АКАДЕМА 2009. – 265 с.
16. Смит, А. Теория нравственных чувств или опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных / Адам Смит. – М. : Республика, 1997. – 352 с.
17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 562 с.
18. Франкл, В. Человек в поисках смысла : пер. с англ. и нем. / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
19. Юсупов, И. М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Ильдар Масгудович Юсупов. – СПб., 1995. – 19 с.
20. Юревич, А. В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. / А. В. Юревич, Д. В. Ушаков // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 30–44.

21. Психология личности : словарь-справочник / за ред. П. П. Горностая, Т. М. Титаренко. – К. : Рута, 2004. – 320 с.
22. Moen, Phyllis, Donna Dempster-McClain, and Robin M. Williams, Jr. Social Integration and Longevity: An Event History Analysis of Women's Roles and Resilience // *American Sociological Review*, 1989, P. 54(4):635–647.
23. Young, Frank W., Nina Glasgow. Voluntary Social Participation and Health // *Research on Aging*, 1998, P. 20:339–362.
24. Всемирный индекс благотворительности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
25. Логвинов, И. Н. Молодёжное волонтерство: психология добровольца / И. Н. Логвинов, М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 3506–3510. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://e-koncept.ru/2015/85702.htm>.
26. Федеральный закон Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 135 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (с изменениями от 21 марта, 25 июля 2002 г., 4 июля 2003 г., 22 августа 2004 г., 30 декабря 2006 г., 30 декабря 2008 г., 23 декабря 2010 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/104232/>.

Analysis of the Phenomenon of the True Volunteering in Psychological Science

T.I. Bessonova

*Sevastopol State University
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation*

Received 23.08.2016

Abstract. The article presents the results of theoretical analysis and research sources that enhance our knowledge about the phenomenon of volunteering in the plane of the traditions of Russian and foreign psychology. Systematized theoretical definitions and basic theory, expanding the understanding of the psychological content of the volunteer work and personality volunteer formulated operational definitions of true volunteering. Studied the social and psychological conditions of the true volunteering and psychological determinants of behavior of the active volunteer. For the first time summarized information about psychological research, is actively developing and supervising volunteer socially important projects. The author, a practitioner with 20 years of experience volunteering, prepared theoretical foundation of psychological education program of true student volunteers to society.

Keywords: volunteering, the true volunteering, volunteer, volunteer activities, volunteer motivation, values of volunteering, pro-social behavior.

For citation: Bessonova T.I. Analysis of the Phenomenon of the True Volunteering in Psychological Science. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 5–15 (in Russ.).

About author: T.I. Bessonova, PhD (Psychology), Associate Professor of the Department “General and Applied Psychology and Pedagogics” of the Institute of Humanities and Pedagogics of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, 13 Gagarina St., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: t.bessonova.21@mail.ru.

References

1. Azarova E.S. *Psikhologicheskie determinanty i effekty dobrovol'cheskoj deyatel'nosti*. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological Determinants and Effects of Voluntary Activity. Cand. Diss. (Psychology)]. Khabarovsk, 2008. 192 p.
2. Antsyferova L.I. Contact Moral Consciousness with the Moral Human Behavior. *Psikhologicheskij zhurnal*, 1999, vol. 20, no. 3, pp. 5–17 (in Russ.).
3. *Bol'shoj psikhologicheskij slovar'* [A Significant Psychological Dictionary. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko, eds.]. St. Petersburg, Prain- Evroznak Publ., 2004. 672 p.
4. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary. A.Ya. Sukharev, V.D. Zor'kina, V.E. Krutskikh, eds.]. Moscow, INFRA Publ., 2000. 703 p.
5. Dal' V. I. *Illyustrirovannyj tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Illustrated Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2006. 640 p.
6. Ил'ин Е. П. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg, Piter, 2000. 512 p.
7. Кордехилл М. *Psikhologiya A–YA*. [Psychology AZ. Reference Dictionary. Translated from English K.S. Tkachenko]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2000. 448 p.

8. Kudrinskaya L.A. Charity and Sponsorship in the Modern Russian Society: Experience of Theoretical Analysis. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Psikhologiya. Sovremennost'*, 2009, no. 6(82), pp. 73–77 (in Russ.).
9. Levit L.Z. Happiness, Selfishness, Altruism: Paradoxes of Interaction. *Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2012, no. 7, pp. 10–19 (in Russ.).
10. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1999. 478 p.
11. Majers D. *Sotsial'naya psikhologiya. Intensivnyj kurs* [Social Psychology. Intensive Course]. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2000. 512 p.
12. Olchman M., Dzhordan P. *Dobrovol'tsy – tsennyj istochnik* [Volunteers – a Valuable Source of]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2000. 336 p.
13. Potapova N.A. Volunteering as a Phenomenon of Self-identity: Sb. nauch. tr. *Vestnik MGOU*, 2007, no. 3, pp. 95–140 (in Russ.).
14. Reshetnikov O.V. *Organizatsiya dobrovol'cheskoj deyatel'nosti* [Organizing Volunteer Activities]. Moscow, RGSU Publ., 2005. 60 p.
15. Skripkina T.P. *Psikhologiya doveriya* [Confidence Psychology]. Moscow, AKADEMA Publ., 2009. 265 p.
16. Smit A. *Teoriya нравstvennykh chuvstv ili opyt issledovaniya zakonov, upravlyayushhih suzhdeniyami, estestvenno sostavlyаемymi nami snachala o postupkakh prochikh lyudej, a zatem i o svoikh sobstvennykh* [Theory of Moral Sentiments, or Research Experience of the Laws Governing Judgment, a Natural Part of us First about the Actions of other People, and Then on Their Own]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 352 p.
17. Fasmer M. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language. In 4 vol.]. Moscow, Progress Publ., 1986. 562 p.
18. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.
19. Yusupov I.M. *Psikhologiya ehmpatii (teoreticheskie i prikladnye aspekty). Avtoref. dis. dok. psichol. nauk* [Psychology of Empathy (Theoretical and Applied Aspects). Extended Abstract of Dr. Sci. Diss (Psych.)]. St. Petersburg, 1995. 19 p.
20. Yurevich A.V., Ushakov D.V. Expert Assessment of the Dynamics of the Psychological State of Russian Society: 1981–2011 gg. *Voprosy psikhologii*, 2012, no. 3, pp. 30–44 (in Russ.).
21. *Psikhologiya osobistosti. Za red. P.P. Gornostaya, T.M. Titarenko* [Personality Psychology: Dictionary Directory. P.P. Gornostaya, T.M. Titarenko, eds.]. Kiev, Ruta Publ., 2004. 320 p.
22. Moen Phyllis, Donna Dempster-McClain, and Robin M. Williams, Jr. Social Integration and Longevity: An Event History Analysis of Women's Roles and Resilience. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54(4), pp. 635–647.
23. Young Frank W., Nina Glasgow. Voluntary Social Participation and Health. *Research on Aging*, 1998, vol. 20, pp. 339–362.
24. *The World charity index*. Available at: <http://www.e-/ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 4.07.2016).
25. Logvinov I.N., Logvinova M.I., Logvinova T.I. Molodezhnoe volonterstvo: psikhologiya dobrovol'tsa. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Konsept"*, 2015, T. 13, c. 3506–3510 [Youth Volunteering: Volunteer Psychology. Scientific and methodical electronic journal "Concept", 2015, vol. 13, pp. 3506–3510]. Available at: <http://www.e-koncept.ru/2015/85702.htm> (accessed 20.07.2016).
26. Federal'nyi zakon Rossijskoi Federatsii ot 11 avgusta 1995 g. № 135 «O blagotvoritel'noi deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh» (s izmeneniyami ot 21 marta, 25 iyulya 2002 g., 4 iyulya 2003 g., 22 avgusta 2004 g., 30 dekabrya 2006 g., 30 dekabrya 2008 g., 23 dekabrya 2010 g.). *Informatsionno-pravovoi portal "Garant"* [Federal Law of 11 August 1995 № 135 "On Charitable Activities and Charitable Organizations" (as amended on March 21, July 25, 2002 July 4, 2003, August 22, 2004, December 30, 2006, December 30, 2008 December 23, 2010). Information and Legal Portal "Guarantor"]. Available at: <http://www.base.garant.ru/104232/> (accessed 24.07.2016).

Статью к печати рекомендовали: И. Ю. Василенко, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Общая и прикладная психология и педагогика» Севастопольского государственного университета, e-mail: sevay@ua.fm; В. Н. Ковалёв, кандидат педагогических наук, и.о. декана факультета психологии Филиала Московского государственного университета в г. Севастополе, e-mail: kovaliev_vri@mail.ru.

Специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности

Светлана Александровна Васюра

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ул. Университетская 1, Ижевск, 426034, Российская Федерация*

Статья поступила 26.07.2016

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования коммуникативной активности старших подростков разного пола и гендерной идентичности. Анализируются различия в выраженности потребности в общении, выразительности в общении, удовлетворённости общением у мальчиков и девочек. Рассматривается специфика коммуникативной активности маскулинных, феминных и андрогинных подростков. Выявленные особенности коммуникативной активности подростков с учётом их пола и гендерной идентичности дают возможность практическим психологам использовать эти знания в психологическом сопровождении развития активности в общении школьников, в работе с родителями.

Ключевые слова: коммуникативная активность, пол, гендер, подростки, общение, маскулинность, феминность, андрогинность.

Для цитирования: Васюра, С. А. Специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной ориентации / С. А. Васюра // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 16–24.

Об авторе: С.А. Васюра, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», e-mail: vasyura@inbox.ru.

Постановка проблемы. Происходящие в российском обществе гендерные трансформации – изменения семьи, жизненных стратегий мужчин и женщин затрагивают различные сферы активности в жизнедеятельности молодёжи: экономическую, социальную, коммуникативную. Складывающиеся и поддерживающиеся в процессе общественной коммуникации гендерные стереотипы («мужественность» – активность, сила, власть; «женственность» – пассивность, слабость, подчинение) играют важную роль в гендерной стратификации и передаются индивиду в процессе социализации. Гендер не является простым отражением биологического пола на социокультурном уровне, а представляет собой многоаспектную систему отношений, существующую в процессе общения и социального взаимодействия мужчин и женщин в определённом социокультурном пространстве.

Смена традиционных и принимаемым большинством стереотипов мужчины и женщины, сглаживание строгого дуализма в определении специфики полов проявляются в гендерных изменениях коммуникативной активности современных подростков. Подростковый возраст является значимым периодом в становлении гендерной идентичности личности, в формировании устойчивого образа Я, в развитии коммуникативной активности и способности

к адекватным межличностным отношениям с представителями как своего, так и противоположного пола.

Коммуникативная активность определяется нами как готовность и способность человека к межличностному взаимодействию, к реализации функций субъекта общения. Термин «активность» пришёл из английского языка – «activity», а ранее – из латинского – «actio», означал «деятельность», «деятельное участие в чём-либо». Как научная дефиниция «активность» стала применяться с начала прошлого века, его разработка, прежде всего, связана с именами А.Ф. Лазурского, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Берштейна. В пермской научной психологической школе начиная с В.С. Мерлина категория «активность» рассматривается в русле психологии активности субъекта как категория, которая в совокупности с генетическими и средовыми факторами позволяет построить картину развития психики и поведения человека.

В отечественной психологии в качестве оппозиции активности рассматривается реактивность (Н.А. Берштейн, Г.В. Суходольский и др.), пассивность (Б.А. Вяткин, И.А. Джидарьян, А.И. Крупнов и др.). Человек проявляет разные виды активности – моторную, эмоциональную, интеллектуальную, коммуникативную, социальную и пр., они анализируются

ются с позиций разных подходов, создаётся практический инструментарий для их диагностики. Проблема коммуникативной активности возникает в контексте психологических исследований личности, общения.

Исследования представителей пермской психологической школы, основанной В.С. Мерлиным, направлены на выявление психологической структуры коммуникативной активности, определение индивидуальных стилей коммуникативной активности человека. Ведётся поиск детерминант активности и факторов её развития, а также половозрастных и гендерных аспектов [11]. В связи с этим специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности является актуальной проблемой, требующей детального изучения.

Несмотря на наличие психологических исследований, посвящённых изучению гендерных особенностей активности в общении и коммуникативных качеств личности (Т.П. Авдулова, Д.В. Воронцов; И.В. Грошев, В.А. Лабунская, О.А. Тырнова и др.) [1; 4; 5; 8; 9; 10], существуют некоторые противоречия и ограничения при анализе заявленной проблемы. Во-первых, наблюдается многообразие трактовок гендера, а в проводимых психологами эмпирических исследованиях гендерных особенностей общения и активности личности – методологическая нечёткость. Во-вторых, эта проблема в разных аспектах больше представлена в педагогических, лингвистических, сексологических, чем в психологических исследованиях (Е.А. Каркищенко, И.С. Кон и др.) [7]. В-третьих, психологами не ставилась задача исследования специфики коммуникативной активности старших подростков с учётом факторов пола и гендера. Имеются лишь фрагментарные исследования отдельных аспектов коммуникативной активности мальчиков и девочек подросткового возраста. Таким образом, актуальность исследуемой проблемы определяется как тенденциями развития научного знания в области гендерной, возрастной психологии и психологии активности, так и существующими потребностями социальной практики.

Цель статьи – теоретический анализ проблемы и результатов эмпирического исследования особенностей коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности.

Понятия «пол» и «гендер» в психологической науке иногда употребляются как синонимы, их различие имеет принципиальное значение. Пол – термин, который обозначает те анатомо-биологические особенности (в основном репродуктивной системы), на основе которых люди определяются как мужчины и женщины. Гендер рассматривается

в современной науке как культурная метафора, как стратификационная категория, как социальная конструкция. Первый из вышеперечисленных аспектов анализа проблемы гендера широко применяется в культурологических исследованиях – мужское и женское определяются как элементы культурно-символических рядов (мужское – духовное, божественное; женское – греховное, телесное). Второй аспект анализа представлен в социологических исследованиях, гендер рассматривается как категория, на основе которой строятся и поддерживаются иерархические отношения в социуме. Третий аспект отражён в теории социального конструирования гендера Л. Бергера – Т. Лукмана и применяется в психологических и психолого-педагогических исследованиях. В этом аспекте гендер мыслится системной характеристикой социального порядка, постоянно воспроизводящейся в структурах сознания и в структурах действия. Гендерная идентичность в данном ракурсе представляет собой базовую структуру личностной идентичности, продукт и результат конструирования субъектом себя и социальной реальности. Она главным образом задаётся распространённой в обществе системой гендерных ролей, которые усваивает ребёнок в ходе социализации. Маскулинная гендерная роль предписывает мужчинам быть активными, доминантными. А феминная гендерная роль предполагает эмоциональность, чувствительность к интересам других людей, заботливость женщин.

Гендерная идентичность – отождествление себя с той или иной гендерной группой, признание преимущественного сходства с мужчинами или женщинами. Проблема формирования гендерной идентичности ярко проявляется в период полового созревания. Подросток чрезмерно заинтересован вопросами пола, общения с представителями своей и противоположной гендерной группы. На конструирование подростком гендерной идентичности оказывает влияние глобальная тенденция ослабления гендерной поляризации в обществе, где зависимой переменной является степень социального, гендерного и сексуального соответствия структурно-нормативным правилам жизни, стереотипам. Чем выше данное соответствие, тем больше вероятность, что способ конструирования гендерной идентичности будет схож с другими в одной гендерной группе. Снижение гендерной поляризации создаёт предпосылки ослаблению степени соответствия традиционным гендерным стереотипам, к вариативности путей создания и проявления своего Я.

Современные подростки, общаясь с окружающими как непосредственно, так и опосредованно – в



Рисунок 1 – Коммуникативная активность подростка в аспектах пола и гендера

киберпространстве, не только проявляют коммуникативную активность, но и реализует её в плане гендерных репрезентаций. Проанализировав ряд психологических исследований [1; 4; 8], мы выделили факторы, влияющие на коммуникативную активность подростков (рисунок 1), определяющие её особенности в связи с полом и гендерной идентичностью.

Несомненно, коммуникативная активность подростка определяется отношением к себе как к юноше или девушке, опытом общения, гендерной и коммуникативной компетентностью. Но работы психологов (Т.П. Авдулова, Т.А. Араканцева и др.) не дают развёрнутого ответа на вопрос, каковы особенности коммуникативной активности мальчиков и девочек подросткового возраста, в том числе с учётом их гендерной идентичности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили подходы к проблеме коммуникативной активности (А.А. Бодалёв, С.А. Васюра, А.И. Крупнов), положения психологии половых (Б.Г. Ананьев, И.В. Грошев, И.С. Кон) и гендерных различий (Т.А. Араканцева, С. Бем, Д.В. Воронцов).

Исследованием охвачено 180 чел. – учащихся 9-х классов школ г. Ижевска (85 мальчиков и 95 девочек, 15–16 лет).

Эмпирическое исследование осуществлялось с помощью методики С. Бэм, методики изучения активности в общении А.И. Крупнова, Л.В. Жемчугова, методики коммуникативных установок А.Н. Ивашова, Е.В. Заики [6]. Статистическая обработка данных проводилась с применением U-критерия Манна–Уитни, критерия углового преобразования Фишера, использовался пакет статистических программ SPSS 17.0 for Windows.

Описание методик. Методика С. Бэм. Методика была предложена С. Бэм в 1974 году для диагностики гендерного статуса личности, позволяет определить тип личности: маскулинный, феминный, андрогинный. Опросник С. Бэм построен на основе мнения экспертов о том, какие качества считаются желательными для мужчин и женщин. Опросник содержит 60 утверждений (качеств), на каждое из которых испытуемый отвечает «да» или «нет», оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств. Содержание качеств, входящих в измерение маскулинности (М) характеризует уверенность в себе, независимость, стремление к конкуренции, ориентацию на преобразование ситуации, активность. Качества, входящие в измерение феминности (F), включают черты, связанные с заботой о людях, умением уступать, ориентацией на оценку других. В ходе обработки результатов по данной методике определялся индекс IS.

$$IS = (F - M) * 2,322$$

Методика изучения активности в общении А.И. Крупнова, Л.В. Жемчуговой состоит из 35 вопросов, выявляющих операционально-динамические параметры активности в общении и диагностирует: потребность в общении, инициативность в общении, лёгкость вступления в контакт, широту круга общения, устойчивость в общении, выразительность в общении. Испытуемому необходимо выразить степень своего согласия или несогласия по каждому пункту. Опросник также содержит контрольную шкалу, которая оценивает уровень социальной желательности. Обработка результатов осуществляется через подсчёт набранных баллов по каждой шкале опросника.

Методика изучения коммуникативных устано-

вок А.Н. Ивашова, Е.В. Заики. В основу методики положено представление о трёхкомпонентной структуре коммуникативных установок, включающей в себя: 1) собственные позиции в общении, с которых человек строит взаимоотношения со своими партнёрами, 2) предпочитаемые позиции других людей, с которыми человеку удаётся установить глубокие взаимоотношения, 3) степень глубины взаимоотношений, на которую человек ориентирован в общении. Каждый из этих трёх компонентов коммуникативных установок может быть рассмотрен с учётом модальности: а) реальное состояние: каковы они в действительности на сегодняшний день и б) желаемое состояние: какими человек предпочитает их видеть для себя в будущем, в идеале. С точки зрения трансактного анализа, позиция в общении (как собственная, так и партнёра) характеризуется, во-первых, ведущим эго-состоянием и, во-вторых, ведущим типом общения личности. В работах Э. Берна и его последователей развито представление о трёх эго-состояниях: Ребёнок, или Дитя (Д), Родитель (Р) и Взрослый (В), – рассматриваемых как последовательные ступени формирования зрелой личности, каждая из которых соотносится со специфическими, присущими ей мотивами и способами общения. При этом каждое из эго-состояний в зависимости от особенностей своей структуры и генезиса может порождать различные типы общения.

На основе имеющихся в литературе по трансактному анализу описаний разновидностей поведения Ребёнка, Родителя и Взрослого авторы методики пришли к выводу, что во всех этих случаях речь идёт о преобладании одного из четырёх типов общения: 1) гармоничного, которому свойственна естественность, энергичность и внимание к индивидуальности партнёра, 2) формального, характеризующегося преобладанием нормативности, аналитичности и тенденции к деиндивидуализации партнёра, 3) отгороженного, которому присущи низкая продуктивность, анэнергичность и невнимание к партнёру, и 4) конфликтного, связанного со склонностью к аффектам и неадекватному поведению, нередко граничащему с патологическим.

Авторами методики выделено 12 коммуникативных установок образующихся при сочетании одного из эго-состояний и стилей общения. Экспериментально-диагностический материал методики – 12 карточек с кратким описанием основных позиций в общении и бланки со шкалой глубины взаимоотношений. Процедура обследования включает в себя ряд этапов:

1. Ранжирование карточек по степени похожести на себя.

2. Отнесение к каждой карточке по 1–2 хорошо знакомых человека.
3. Оценка достигнутой на настоящий момент степени глубины взаимоотношений с каждым из указанных лиц.
4. Оценка желаемой в идеальном будущем степени глубины взаимоотношений с партнёрами.

Дизайн исследования. Эмпирическое исследование осуществлялось как сравнительный анализ коммуникативной активности: а) мальчиков и девочек; б) маскулинных, феминных и андрогинных подростков.

Анализ результатов эмпирического исследования. На первом этапе осуществлено сравнительное исследование показателей коммуникативной активности с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни для изучения значимых различий между показателями мальчиков и девочек. Достоверно значимые различия были выявлены в уровне выраженности таких показателей коммуникативной активности мальчиков и девочек, как: потребность в общении ($p \leq 0,01$), выразительность в общении ($p \leq 0,01$). У девочек выше потребность в общении, они более выразительны в общении. Полученные нами данные соотносятся с данными А.В. Визгиной и С.Р. Пантилеева, которые выявили, что женщины ориентированы на межличностное общение и связанное с этим стремление обратить на себя внимание, понравиться [3]. Как отмечает Т.А. Араканцева, девочки в большей степени ориентированы на достижение благополучных отношений с окружающими, чем мальчики [2].

Что касается выразительности в общении, по нашим данным, она выше у девочек. Эти данные согласуются с результатами исследований О.А. Тырновой, проведённых на выборке юношеского возраста. Как утверждает О.А. Тырнова, юноши строже контролируют проявление своих эмоций, чем девушки [10]. И.В. Грошев в своих исследованиях показал, что у женщин преобладают такие свойства, как: лёгкость общения, навыки общения, общительность, уживчивость, понимание, что также соотносится с установленными нами данными, полученными на подростковой выборке.

Далее все подростки ($n=180$) были разделены на маскулинных, феминных и андрогинных с помощью методики С. Бэм. Больше всех в выборке оказалось андрогинных подростков – 81%, маскулинных – 10%, феминных – 9% соответственно. В группе маскулинных преобладают мальчики, а в группе феминных – девочки. Таким образом, в маскулинной и феминной группах преобладают гендерно типичные субъекты.

Таблица 1 – Различия реальных и идеальных коммуникативных установок (позиций в общении) мальчиков и девочек

Позиция в общении	Выборка		φ	p
	Мальчики	Девочки		
Реальные коммуникативные установки				
Гармоничный Взрослый	9 (7,6%)	29 (27,4%)	4,058	p≤0,01
Формальный Взрослый	18 (15,3%)	5 (4,7%)	2,742	p≤0,01
Гармоничный Ребёнок	34 (28,8%)	11 (10,4%)	3,557	p≤0,01
Гармоничный Родитель	10 (8,5%)	28 (26,4%)	3,639	p≤0,01
Идеальные коммуникативные установки				
Формальный Взрослый	30 (33%)	9 (9,4%)	4,108	p≤0,01
Гармоничный Родитель	9 (9,9%)	32 (33,3%)	4,033	p≤0,01
Гармоничный Ребёнок	23 (25,3%)	15 (15,6%)	1,654	p≤0,05
Конфликтный Взрослый	7 (7,7%)	2 (2,1%)	1,852	p≤0,05
Гармоничный Взрослый	3 (3,3%)	21 (21,9%)	4,162	p≤0,01

Выявлялись значимые различия показателей коммуникативной активности андрогинных, маскулинных и феминных подростков с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни. Достоверно значимые различия были выявлены между показателями коммуникативной активности андрогинных и феминных подростков, а именно: андрогинные подростки более инициативны в общении ($p \leq 0,05$), им легче устанавливать контакты с другими людьми ($p \leq 0,01$), чем их феминным сверстникам. Возможно, проявляя инициативу в общении, андрогинные подростки реализуют более гибкие стратегии коммуникативной активности, демонстрируя как маскулинные, так и феминные характеристики. Кроме того, полученные различия можно объяснить противоречивым отношением самих девочек к феминным качествам в связи большой ценностью инструментальности в современной культуре, предполагающей ориентацию на конкуренцию, индивидуализм, уверенность в себе, т.е. маскулинность. Достоверно значимых различий показателей коммуникативной активности при сравнении групп андрогинных и маскулинных, групп маскулинных и феминных выявлено не было.

Далее было проведено исследование ведущих коммуникативных установок подростков разного пола. В результате исследования было выявлено, что у мальчиков наиболее часто встречаются коммуникативные установки, которые заключаются в «сборе фактов, хладнокровном расчёте и взвешивании, планировании заранее, обладании «железной» логики, умении держать себя в руках» (позиция в общении – формальный Взрослый) – 15,3% мальчиков; общаясь, мальчики «оригинальничают, острят, играют, используют уловки в своих интересах, притворяются и фантазируют» (позиция в общении – гармоничный Ребёнок) – 28,8% мальчиков.

В целом в выборке мальчиков выявлены все двенадцать позиций в общении.

У девочек чаще встречаются следующие коммуникативные установки: во «взаимном договоре, творческом союзе, сопереживании и понимании других, обмене мыслями и чувствами» (позиция в общении – гармоничный Взрослый) – 27,4% девочек; в «опеке другого, готовности оказать поддержку, тревоге за других, доброжелательном и доступном объяснении, сглаживании конфликтов» (позиция в общении – гармоничный Родитель) – 26,4% девочек. Они соответствуют социальным кодам демонстрации приверженности целям и ценностям своей гендерной группы. В выборке девочек не выявлена такая позиция в общении, как отгороженный Родитель. По-видимому, данная позиция в общении не соответствует социально желательной модели общения девочек.

Результаты сравнительного анализа коммуникативных установок мальчиков и девочек с применением критерия углового преобразования Фишера (Ф) представлены в таблице 1 (в таблице показаны только значимые различия).

Как видно из таблицы 1, выборки мальчиков и девочек значимо отличаются по четырём из двенадцати коммуникативных установок (позиций в общении), рассматриваемых в реальном плане (реальное Я). Различий в коммуникативных позициях мальчиков и девочек, включающих отгороженный и конфликтный стили общения, не выявлено. Позиции гармоничный Взрослый и гармоничный Родитель чаще встречаются у девочек, а позиции формальный Взрослый и гармоничный Ребёнок – у мальчиков. Следует отметить, что выявленные различия вполне соответствуют гендерным стереотипам, в частности, представители мужского пола менее эмоциональны и более формальны в общении,

чем представители женского пола. Кроме того, полученные результаты, а именно: у девочек, помимо позиции Взрослый, доминирует позиция Родитель, а у мальчиков – позиция Ребёнок – могут быть обусловлены гетерохронностью развития мальчиков и девочек подросткового возраста. Рассматривая полученные в выборках мальчиков и девочек данные относительно их ведущих эго-состояний в общении, можно констатировать, что имеются основы для взаимодополнительных, бесконфликтных транзакций представителей двух полов (Взрослый – Взрослый), (Ребёнок – Родитель).

Установлены идеальные коммуникативные установки у подростков разного пола. Мальчики предпочитают в будущем в идеале обладать такими позициями в общении, как формальный Взрослый (33%) и гармоничный Ребёнок (25,3%). Кроме того, некоторые мальчики-подростки хотели бы иметь позицию конфликтный Взрослый (7,7%), а именно обладать непоколебимой системой взглядов, логически обосновывать свои предубеждения в ходе общения. Мальчики не считают идеальной такую позицию в общении, как конфликтный Ребёнок.

Девочки хотели бы сохранить свои коммуникативные установки и проявлять их в дальнейшем, а именно позиции в общении гармоничный Взрослый (21,9%) и гармоничный Родитель (33,3%). В качестве идеальных позиций девочками не выбираются три позиции, связанные с отгороженным стилем общения – Ребёнок, Взрослый, Родитель. Следует отметить, что доминирующие модели женского поведения не содержат отгороженных позиций, поэтому к подобным коммуникативным установкам девочки не стремятся.

Мальчики и девочки отличаются по пяти позициям в общении, если рассматривать их идеальное Я. Достоверных различий между мальчиками и девочками в идеальных позициях в общении, включающих отгороженный стиль, не обнаружено. Иметь в будущем позиции – формальный и конфликтный Взрослый, гармоничный Ребёнок – предпочитают больше мальчики, чем девочки. Девочки тяготеют к таким коммуникативным установкам, как гармоничный Родитель, гармоничный Взрослый.

Далее было проведено сравнительное исследование ведущих коммуникативных установок маскулиных, феминных и андрогинных подростков. Для обработки данных исследования использован критерий углового преобразования Фишера (ф).

Различия были выявлены в представленности таких коммуникативных установок (реальное Я) у подростков, как формальный Ребёнок ($p \leq 0,01$), конфликтный Родитель ($p \leq 0,01$), формальный

Взрослый ($p \leq 0,01$). Эти коммуникативные установки больше выражены у феминных подростков. Феминные подростки больше, чем их андрогинные сверстники, стремятся соблюдать правила и нормы в общении, ориентируются на авторитеты, чувствительны к похвалам и упрекам, полагаются на других. Таким образом, феминные подростки, по сравнению с андрогинными, используют конформные, компромиссные, децентрированные формы проявления коммуникативной активности.

Достоверно значимые различия у маскулиных и андрогинных подростков были выявлены в представленности таких коммуникативных установок (реальное Я), как конфликтный Родитель ($p \leq 0,01$), формальный Взрослый ($p \leq 0,01$). Эти коммуникативные установки больше представлены в выборке маскулиных подростков. Установлено, что в общении маскулиные подростки больше, чем андрогинные, настойчиво ищут недостатки, категорически требуют послушания, часто отстаивают свой авторитет, не терпят возражений, а также собирают факты, хладнокровно рассчитывают и взвешивают, заранее планируют, обладают «железной» логикой, умеют держать себя в руках. Таким образом, маскулиные подростки по сравнению с их андрогинными сверстниками в общении, способны конкурировать, соперничать и конфликтовать с партнёром, что соответствует конструкту маскулинности.

В группе маскулиных и андрогинных подростков сравнительный анализ показал выраженность таких коммуникативных установок (идеальное Я), как гармоничный Родитель ($p \leq 0,01$), конфликтный Родитель ($p \leq 0,03$), формальный Взрослый ($p \leq 0,01$). Эти коммуникативные установки больше выражены у маскулиных подростков.

В идеале, маскулиные подростки по сравнению с их андрогинными сверстниками хотят оставаться такими же, какими они себя видят сейчас (настойчиво ищут недостатки, категорически требуют послушания, часто отстаивают свой авторитет, не терпят возражений, а также собирают факты, хладнокровно рассчитывают и взвешивают, заранее планируют, обладают «железной» логикой, умеют держать себя в руках).

Значимые различия были выявлены в представленности таких коммуникативных установок (идеальное Я) у феминных и андрогинных подростков, как гармоничный Родитель ($p \leq 0,01$). Эта коммуникативная установка больше выражена у феминных подростков. Итак, феминные подростки, по сравнению с андрогинными, хотят опекать других людей, всегда быть готовыми оказать поддержку, тревожиться за других, доброжелательно и доступ-

Таблица 2 – Сравнительный анализ удовлетворённости общением мальчиков и девочек*

Показатель	Уровень	Выборка		φ	p
		Мальчики	Девочки		
Удовлетворённость общением	Высокий	11 (12,9 %)	18 (23,4%)	1,748	p≤0,04
Удовлетворённость общением	Низкий	16 (18,8%)	7 (9,1%)	1,805	p≤0,03

*В таблице представлены только значимые различия

но объяснять, сглаживать конфликты. Все вышеперечисленные качества развиваются преимущественно у девочек и являются своеобразными эталонами женственности, феминности.

Далее был осуществлён сравнительный анализ удовлетворённости общением мальчиков и девочек с помощью критерия углового преобразования Фишера (φ). Перед этим данные мальчиков и девочек были дифференцированы с учётом высоких, средних и низких показателей удовлетворённости общением (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, девочки больше удовлетворены общением, чем мальчики. Полученные данные соотносятся с рядом психологических исследований. В частности, Т.А. Араканцева отмечает, девочки в большей степени ориентированы на достижение благополучных отношений с окружающими, а мальчики – на достижения в сфере деятельности [2]. И.В. Грошев подчёркивает тот факт, что женщины в большей мере ориентированы на межличностное общение, у женщин ценностью является сама по себе способность к общению [5]. Удовлетворённость общением может рассматриваться как интегральный показатель коммуникативной активности подростков, а среди влияющих на неё факторов следует указать ожидаемую от партнёров коммуникативную активность. Прогнозы удовлетворённости общением мальчиков и девочек возможны на основе измеренных аспектов их коммуникативной активности – реальных и идеальных коммуникативных установок.

Был осуществлён сравнительный анализ удов-

летворённости общением маскулиных, феминных и андрогинных подростков с помощью критерия углового преобразования Фишера (φ).

Как видно из таблицы 3, удовлетворённость общением андрогинных подростков выше, чем у их маскулиных и феминных сверстников. Можно полагать, что андрогинные подростки, проявляя как маскулиные, так и феминные характеристики в ходе реализации коммуникативной активности, не испытывают психологического дискомфорта, способны к более оптимальному общению с людьми и удовлетворены им. Таким образом, для андрогинных подростков более характерна субъективная реализованность своей коммуникативной активности в ходе межличностного общения по сравнению с маскулиными и феминными сверстниками.

Полученные в ходе исследования данные могут быть полезны психологам, педагогам, социологам, которые занимаются гендерными исследованиями. Результаты исследования могут послужить основой для разработки новых подходов к развитию коммуникативной активности подростков, опирающихся не на усреднённые психолого-педагогические принципы, а учитывающие факторы пола и гендера. Полученные данные могут быть полезны родителям, педагогам и психологам, конфликтологам, работающим в сфере образования, для повышения их гендерной компетентности, а также для коррекции поведения подростков в сторону оптимизации межличностных отношений как со сверстниками своего и противоположного пола, так и с родителями и учителями.

Таблица 3 – Сравнительный анализ удовлетворённости общением андрогинных, феминных и маскулиных подростков*

Показатель	Уровень	Выборка		φ	p
		Андрогинные подростки	Феминные подростки		
Удовлетворённость общением	Высокий	36,4%	14,3%	1,764	p≤0,03
Удовлетворённость общением	Высокий	Андрогинные подростки	Маскулиные подростки	1,918	p≤0,02
		36,4%	10%		

*В таблице представлены только значимые различия

Выводы.

1. Коммуникативная активность подростков имеет специфику в связи с половой принадлежностью. Мальчикам свойственна меньшая потребность в общении, они менее выразительны в общении, чем девочки.
2. Коммуникативная активность подростков имеет специфику в связи с гендерной идентичностью. Эмпирическим путём подтверждено, что у андрогинных подростков по сравнению с феминными сверстниками выше степень выраженности коммуникативной активности по таким показателям, как инициативность в общении и лёгкость установления контактов.
3. Выявлены различия в преобладании реальных и идеальных коммуникативных установок у мальчиков и у девочек подростков. Мальчикам свойственны такие позиции: гармоничный стиль общения, эго-состояние Ребёнок и формальный стиль общения, эго-состояние Взрослый. Девочкам присущи такие позиции: гармоничный стиль общения, эго-состояние Взрослый и гармоничный стиль общения, эго-состояние Родитель. Девочки чаще используют гармоничный стиль общения в сочетании с эго-состояниями Взрослый и Родитель, а мальчики этот стиль проявляют в сочетании с эго-состоянием Ребёнок. В идеале коммуникативные установки мальчиков, в отличие от девочек, могут реализоваться в формальном типе общения, эго-состоянии Взрослый, а также в конфликтном типе общения, эго-состоянии Взрослый и гармоничном типе общения, эго-состоянии Ребёнок. Девочки, по сравнению с мальчиками больше стремятся к установкам, заключающимся в гармоничном типе общения в сочетании с эго-состоянием Родитель или Взрослый.
4. Выявлены различия в преобладании реальных и идеальных коммуникативных установок у подростков, принадлежащих к тому или иному гендеру. Так, позиции в общении формальный Ребёнок, конфликтный Родитель и формальный Взрослый характерны для феминных подростков. Позиции в общении конфликтный Родитель, гармоничный Родитель, формальный Взрослый больше выражены у маскулинных подростков, чем у андрогинных. В идеале феминные подростки по сравнению с андрогинными хотели бы придерживаться такой позиции в общении, как гармоничный Родитель.
5. Установлены различия в удовлетворённости общением у мальчиков и девочек. У девочек выше удовлетворённость общением.
6. Выявлены различия в удовлетворённости общением у маскулинных, феминных и андрогинных подростков. У андрогинных подростков выше удовлетворённость общением, чем у их маскулинных и феминных сверстников.

Список литературы

1. Авдулова, Т. П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве [Электронный ресурс] / Т. П. Авдулова // Психологические исследования : электрон. науч. журнал. – 2009. – № 5(7). – Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения 14.01.2016).
2. Араканцева, Т. А. Гендерная социализация ребенка в семье / Т. А. Араканцева. – М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2011. – 138 с.
3. Визгина, А. В. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин / А. В. Визгина, С. Р. Пантеев // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 91–100.
4. Воронцов, Д. В. Гендерная психология общения : монография / Д. В. Воронцов. – Ростов н/Д, 2008. – 208 с.
5. Грошев, И. В. Психофизиологические различия мужчин и женщин: монография / И. В. Грошев. – М. ; Воронеж, 2005. – 464 с.
6. Ивашов, А. Н. Методика исследования коммуникативных установок личности / А. Н. Ивашов, Е. В. Заика // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 162–166.
7. Каркищенко, Е. А. Гендерные стереотипы: дискурсивные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Каркищенко Елизавета Александровна. – М., 2013. – 26 с.
8. Лабунская, В. А. Психология затруднённого общения: теория, методы, диагностика, коррекция / В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус. – М. : Академия, 2001. – 288 с.
9. Садовникова, Т. Ю. Образ отца и гендерная идентичность подростков / Т. Ю. Садовникова, Г. А. Живитченко // Журнал практического психолога. – 2014. – № 3. – С. 125–140.
10. Тырнова, О. А. Психологические различия в проявлениях общительности у юношей и девушек / О. А. Тырнова // Комплексные исследования свойств личности: научная школа А. И. Крупнова / Сб. науч. ст. – М. : РУДН, 2009. – С. 86–102.
11. Vasyura, S. Psychology of Male and Female Communicative Activity / S. Vasyura // The Spanish Journal of Psychology. – 2008. – Vol. 11. – № 1. – Pp. 289–300.

Spetsifik of Communicative Activity of Teenagers of a Different Floor and Gender Orientation

S.A. Vasyura

Udmurt State University
1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russian Federation

Received 26.07.2016

Abstract. Results of research of communicative activity of the senior teenagers of a different floor and gender identity are given in article. Distinctions in expressiveness of need for communication, expressiveness in communication are analyzed, satisfactions with communication at boys and girls. We consider the specifics of communicative activity masculine, feminine and androgynous teenagers. The revealed features of communicative activity of teenagers taking into account their floor and gender identity give the chance to practical psychologists to use this knowledge in psychological escort of school students, in work with parents.

Keywords: communicative activity, floor, gender, teenagers, communication, maskulinity, femininity, androgyny.

For citation: Vasyura S.A. Spetsifik of Communicative Activity of Teenagers of a Different Floor and Gender Orientation. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 16–24 (in Russ.).

About author: S.A. Vasyura, PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department “General Psychology” of Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russian Federation, e-mail: vasyura@inbox.ru.

References

1. Avdulova T.P. Gender Socialization and Structure of Communication Alone. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 5(7) (in Russ.). Aviable at: <http://psystudy.ru> (accessed 14.01.2016).
2. Arkantseva T.A. *Gendernaya sotsializatsiya rebenka v sem'e* [Gender Socialization of the Child in the Family]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2011. 138 p.
3. Vizgina A.V., Pantileev S.R. Personality Manifestation in the Self-Description of Men and Women. *Voprosy psikhologii*, 2001, no. 3, pp. 91–100 (in Russ.).
4. Vorontsov D.V. *Gendernaya psikhologiya obshcheniya* [Gender Communication Psychology]. Rostov-on-Don, 2008. 208 p.
5. Groshev I.V. *Psikhofiziologicheskie razlichiya muzhchin i zhenshchin* [Psychophysiological Difference Between Men and Women]. Moscow, Voronezh, 2005. 464 p.
6. Ivashov A.N., Zaika E.V. Methods of Researches of Communicative Personality Settings. *Voprosy psikhologii*, 1991, no. 5, pp. 162–166.
7. Karkishenko E.A. *Gendernye stereotipy: diskursnye sredstva formirovaniya i reprezentatsii v kommunikativnom povedenii podrostkov. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Gender Stereotypes: Discursive Means of Formation and Representation in the Communicative Behavior of Teenagers. Extended Abstract of Cand. Sci. Diss. (Philol.)]. Moscow, 2013. 26 p.
8. Labunskaya V.A., Menjeritskaya U.A., Breus E.D. *Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya : teoriya, metody, diagnostika, korrektsiya* [Psychology of Difficult Communication: Theory, Methods, Diagnostic, Correction]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 288 p.
9. Sadovnikova T.U. The Imagine of the Father and Gender Identity of Teenagers. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2014, no. 3, pp. 125–140 (in Russ.).
10. Tyrnova O.A. Psikhologicheskie razlichiya v proyavleniyakh obshchitel'nosti u yunoshei i devushek [Psychological Differences in Forms of Sociability in Boys and Girls]. *Trudy RUDN "Kompleksnye issledovaniya svoystv lichnosti: nauchnaya shkola A.I. Krupnova"* [Proc. of Russian University of Peoples' Friendship "A Comprehensive Researches of Personality Traits: Scientific School of A.I. Krupnov"]. Moscow, RUPF Publ., 2009, pp. 86–102.
11. Vasyura S. Psychology of Male and Female Communicative Activity. *The Spanish Journal of Psychology*, 2008, vol. 11, no. 1, pp. 289–300.

Статью к печати рекомендовали: И. Ю. Василенко, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Общая и прикладная психология и педагогика» Севастопольского государственного университета, e-mail: sevay@ua.fm.

Проактивный и реактивный подходы к отдыху как факторы совладания с профессиональными стрессами

Оксана Александровна Кондрашихина

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, г. Севастополь, 299053, Российская федерация*

Лариса Григорьевна Кондрашевская

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, г. Севастополь, 299053, Российская федерация*

Статья поступила 05.07.2016

Аннотация. В статье рассматриваются два вида организации отдыха – проактивный и реактивный. Показывается, что преобладание проактивного подхода к организации отдыха в некоторой степени снижает уровень выраженности профессионального стресса. Раскрывается значимость и реактивного способа отдыха. Результаты исследования говорят о том, что степень конструктивности совладающего со стрессом поведения схожа у представителей проактивного и смешанного (проактивного и реактивного) типов отношения к отдыху. Тем не менее, профиль совладающего поведения имеет существенные различия у испытуемых с преобладанием проактивного подхода и испытуемых с наличием смешанного типа отношения к отдыху и наполнен различными стратегиями, что говорит о различных подходах к совладанию с профессиональным стрессом у работников с проактивным и реактивным подходом к отдыху.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, стресс, проактивный, реактивный, отдых, совладание.

Для цитирования: Кондрашихина, О. А. Проактивный и реактивный подходы к отдыху как факторы совладания с профессиональными стрессами // О. А. Кондрашихина, Л. Г. Кондрашевская / Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 25–32.

Об авторах: О. А. Кондрашихина, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая и прикладная психология и педагогика» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, 299028, e-mail: okskon66@mail.ru; Л. Г. Кондрашевская, слушатель Института дополнительного профессионального образования Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», наб. Корнилова 1, 299011, e-mail: loric.kondr@gmail.com.

Постановка проблемы. В результате непрекращающегося повышения темпа жизни, скорости, с которой изменяются социально-экономические условия, увеличения информационных нагрузок и требований к психическим ресурсам человека всё острее встают проблемы профилактики стресса, а также поддержания необходимого психического и физического здоровья. Всё больше времени человек проводит работая, так как рабочее время не исчисляется только тем промежутком, в который он находится на рабочем месте. Таким образом, трудовой стресс становится неотъемлемой частью жизни современного работника.

Современные исследователи выделяют различные факторы конструктивного преодоления профессионального стресса. К внутренним факторам относят локус-контроль, самооценку и социальную

поддержку, личный опыт успешности совладания, усвоенные в родительской семье образцы разрешения кризисных жизненных ситуаций, социально-психологическую компетентность, уровень нервно-психической устойчивости и темперамент, базовые особенности когнитивного и социального развития человека, которые определяют то, что именно он считает стрессонесущим, а также такой внутренний ресурс, как стиль жизни, включающий отсутствие вредных привычек, наличие времени для отдыха, питание, сон. Внешние ресурсы совладания – это уровень жизни, образование, материальная обеспеченность как для проживания, так и для восстановительного отдыха, социальная поддержка [2; 3].

Одним из ресурсов совладания с профессиональными трудностями является полноценный отдых, который способствует восстановлению фи-

зических сил и психической активности, эмоционального баланса и мотивационного оптимума. Время отдыха – время, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению. Временными видами отдыха являются: перерывы в течение рабочего дня, ежедневный отдых, выходные дни (еженедельный непрерывный отдых), нерабочие праздничные дни, отпуск [1]. Однако отдых даётся современному перегруженному работой профессионалу весьма сложно: невротический сверхконтроль, неспособность отпустить ситуацию ни на какой промежуток времени, фиксация на работе, неумение переключаться на другой вид деятельности, защитные реакции, актуализирующие разнообразные мотивировки очередного отложенного отдыха приводят к накоплению напряжения и эмоциональному выгоранию.

Недостаточное осознание людьми значимости и необходимости отдыха негативно сказывается на их качестве жизни, приводит к развитию синдромов хронической усталости и выгорания. Поэтому очень важно осознавать всю серьёзность последствий недостатка внимания к сфере отдыха как для здоровья сотрудников, так и для эффективной работы организаций. Результаты различных исследований (А.С. Кузнецова, М.С. Лузянина, Н.М. Филина [4; 5; 6]) показывают, что можно выделить как минимум два вида отдыха (рекреационной, восстановительной активности), которые по-разному влияют на восстановление физических и психоэмоциональных ресурсов личности.

Цель статьи изучить роль проактивного и реактивного подходов к организации отдыха в конструктивном преодолении профессионального стресса.

Анализ исследований по проблеме. В психологии прошлое столетие ознаменовалось тем, что были разработаны концепции труда, имеющие целью повышение его производительности (концепция научного менеджмента, социологическая теория научной организации труда, административная теория и синтетическая концепция управления), в которых к отдыху относились лишь с точки зрения восстановления сил после трудовой активности, отдых рассматривался как необходимый компонент трудовой деятельности. В настоящее время понятия труд и отдых изучаются как самостоятельные, не обязательно связанные друг с другом измерения бытия человека, которые, тем не менее, вносят свой вклад в удовлетворённость жизнью и обеспечивают определённый уровень её качества (А.С. Кузнецова, М.С. Лузянина) [5]. Оптимальная самоорганизация отдыха в современной психологии рассматривается

как психологический ресурс поддержки работоспособности, оптимизации функционального состояния и сохранения здоровья современных профессионалов. Отдых выступает как инструментальная ценность для поддержания работоспособности и как самоценность, ценность терминальная. Однако декларируемая ценность отдыха не всегда приобретает характер побудительного фактора, способствующего целенаправленной рекреации.

Тип отношения к отдыху определяет разные подходы к его организации: проактивный и реактивный. Проактивный подход к организации отдыха основан на осознании необходимости своевременного и эффективного восстановления ресурсов, что предполагает целенаправленную опережающую организацию отдыха. Проактивность в данном случае может быть понята как принцип, согласно которому отдых должен быть представлен в рефлексивных структурах человека как специальная деятельность, осознанная и направленная на обеспечение возможностей для полноценной и эффективной реализации разных видов активности и, прежде всего, профессиональной деятельности человека [5; 6].

По оценке А.С. Кузнецовой, для реактивного подхода, напротив, характерно представление о физиологических и психологических ресурсах как самовосполняемых и не зависящих от произвольной активности человека, а отдых воспринимается как вынужденный перерыв в работе, обусловленный либо организационно заданной необходимостью соблюдения рабочих перерывов, либо явным отсутствием возможности продолжать работу по причине истощения ресурсов [4].

Методика исследования. Экспериментальное исследование осуществлялось в период с февраля по апрель 2016 года. В исследовании приняло участие 26 человек (5 мужчин, 21 женщина), являющихся слушателями группы последипломного образования Севастопольского государственного университета. Средний возраст обследованных – 35,5 лет. Профессиональный состав респондентов достаточно разнообразен, но при этом преобладающими являются 2 типа профессий (по классификации Е.А. Климова) – «человек – человек» и «человек – знаковая система». По сведениям, предоставленным опрошенными, 35% из них работают в сфере профессий, предметом труда которых является взаимодействие с людьми, 65% респондентов в процессе своей профессиональной деятельности оперируют различными данными. Особенности профессиональной деятельности участников эксперимента предполагают достаточно высокую степень самостоятельности при планировании и реализации ра-

бочей активности, что послужило главным объединяющим признаком для выборки.

Методики исследования:

1. Анкета отношения к труду и отдыху, предназначенная для выявления особенностей организации режима работы и отдыха, отношения профессионалов к отдыху, субъективной оценки его эффективности.
2. Шкала отношения к отдыху Ragheb и Beard (в адаптации М.М. Абдуллаевой), предназначенная для определения отношения к отдыху.
3. Опросник «SACS» (С. Хобфолл), направленный на определение ведущих моделей поведения, индекса конструктивности поведения преодоления.
4. Шкала психологического стресса PSM-25, предназначенная для измерения феноменологической структуры переживания стресса.
5. Методика «Оценка профессионального стресса» (опросник Вайсмана).

Гипотезой исследования явилось предположение о меньшей подверженности профессиональным стрессам работников с проактивным подходом к организации отдыха.

Результаты исследования. Данные анкетирования показали, что нормированным является рабочий день для 11 респондентов из 25 (44%). При этом все опрошенные (независимо от того, является их рабочий день нормированным или нет) посвящают работе примерно одинаковое количество часов за определённый период времени. К тому же содержание работы всех респондентов предполагает достаточно высокую степень гибкости и свобо-

ды в самостоятельной организации своего рабочего времени: опрошенные могут сами выбрать оптимальное время для перерыва и отдыха, а также последовательность выполнения рабочих задач.

В результате обработки опросника «Отношение к отдыху» были получены баллы по каждому компоненту отношения к отдыху. Данные о распределении респондентов по уровням каждого компонента представлены на рисунке 1.

Из рисунка 1 видно, что 76,92% испытуемых обладает высоким уровнем развития когнитивного компонента отношения к отдыху, данные представители выборки имеют представления о значимости отдыха, о его связи с такими понятиями, как здоровье, счастье и работа, осведомлены относительно ценности досуга для развития межличностных отношений. Высоким уровнем развития аффективного компонента обладает 38,46% респондентов, средним – 57,69% опрошенных, низким – 3,85%. Это свидетельствует о том, что 96,15% анкетированных испытывают в основном положительные эмоции в отношении отдыха, осознают его значимость для психоэмоциональной сферы личности, планирование отдыха вызывает у них положительные эмоции. Что касается поведенческого компонента, то было выявлено, что высоким уровнем его развития не обладает ни один из респондентов. 88,46% представителей всей выборки на достаточном (однако не на высоком) уровне вербализируют свои намерения относительно выбора отдыха, а также действия в прошлом, настоящем и будущем относительно досуга, обладают навыками организации своего отдыха, достаточно рефлексированным

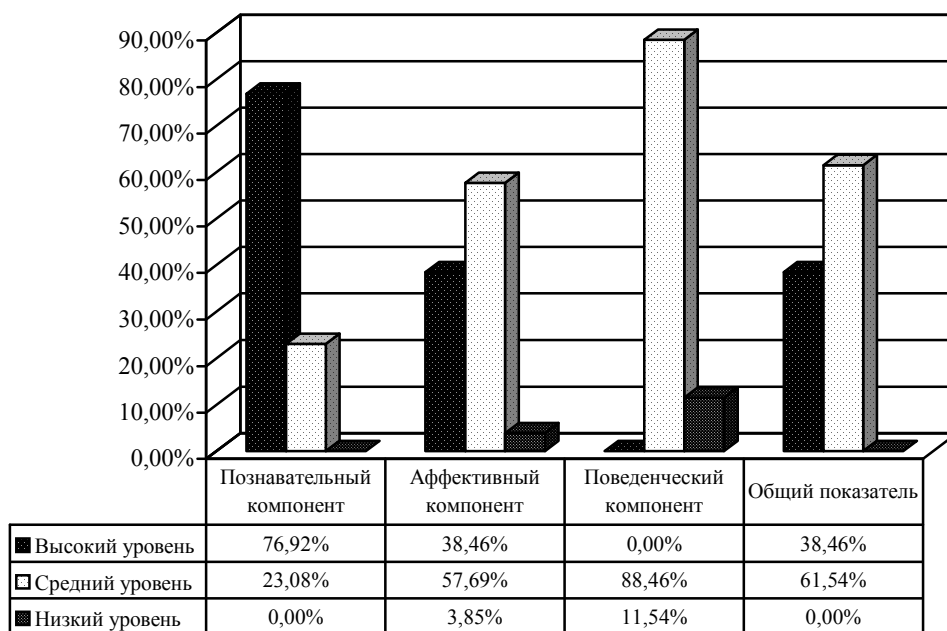


Рисунок 1 – Распределение выборки по компонентам отношения к отдыху

Таблица 1 – Сравнительный анализ субъективного отношения к отдыху в двух подгруппах респондентов

Утверждения анкеты	Распределение ответов	
	в 1-ой группе (%)	во 2-й группе (%)
Оперативное отслеживание динамики функционального состояния для предупреждения неблагоприятных состояний	отслеживают – 70 не отслеживают – 30	отслеживают – 50 не отслеживают – 50
Согласие с высказыванием «Отдых является процессом, доставляющим удовольствие»	100	87
Согласие с высказыванием «Отдых является процессом, нужным для восстановления сил для дальнейшей успешной работы»	70	62
Согласие с высказыванием «Отдых является необходимостью и тратой времени, которой всё-таки нельзя избежать»	0	6
Согласие с высказыванием «После отдыха (в начале рабочего дня, после выходных, отпуска) чувствую, что отдохнул хорошо»	80	75

собственный опыт в этом виде деятельности. Однако 11,54% испытуемых, у которых был диагностирован низкий уровень развития поведенческого компонента отношения к отдыху, не имеют опыта реализации целенаправленной активности по организации собственного отдыха и прибегают лишь к стихийным, реактивным реакциям, связанным с рекреацией, действуя по принципам «отдохну когда-нибудь», «отдохну как-нибудь», «сейчас вообще не до отдыха».

Что касается в целом уровня проактивности в отношении отдыха испытуемых, то было выявлено, что 38,46% опрошенных обладают высоким уровнем развития общего показателя проактивного отношения к отдыху, что позволяет предположить у этих респондентов хорошо сформированный проактивный подход к организации отдыха. Проактивный подход позволяет данным испытуемым, образно говоря, чуть опережать развитие негативных состояний через опережающую регуляцию текущего функционального состояния, тем самым уберегая от чрезмерного влияния профессиональных стрессов и, как следствие, от синдромов хронической усталости и профессионального выгорания. У 61,54% респондентов диагностирован средний уровень проактивности по отношению к отдыху. Для данных испытуемых характерен достаточно высокий компонент реактивности в организации отдыха, хотя и проактивный компонент у них присутствует. Недостаточная проактивность в организации отдыха проявляется в том, что у данных испытуемых наблюдается ярко выраженная значимость сферы профессиональной деятельности (часто в ущерб отдыху), в получении данными работниками только восстановительного эффекта от отдыха, без удовлетворения многих других потребностей (в развитии, эсте-

тической, познавательной). Возможно развитие редукции различных жизненных интересов (менее выраженная ценность семьи, социальных контактов, саморазвития, материального положения), отрицание позитивного значения восстановительной цели отдыха, недостаточно выраженный восстановительный эффект отдыха.

По результатам диагностики испытуемые были разделены на две группы: 1-я группа – те, кто обладает проактивным подходом к организации отдыха (38,46% респондентов), и 2-я группа – те, у которых реактивный компонент сочетается с проактивным (61,54% опрошенных).

Анкета позволила более точно определить значение отдыха для каждого из респондентов выделенных подгрупп. Более подробная информация о сравнении убеждений респондентов по группам представлена в таблице 1.

Помимо указанных, задавались также вопросы в отношении нормированности рабочего времени, времени, отводимого на сон, на отдых помимо сна, количество микроперерывов в течение рабочего времени. Была выявлена высокая схожесть внешних условий представителей обеих групп.

Результаты анкетирования показывают, что представители 1-й группы больше ценят отдых как деятельность, самостоятельно планируемую и реализуемую самим работником с целью сохранения здоровья и успешного профессионального развития, чем представители 2-й группы. К тому же представители 1-й группы больше следят за своим функциональным состоянием в течение рабочего дня для предупреждения неблагоприятных состояний, в то же время как половина представителей 2-й группы не отслеживает такую динамику. Это опять же подтверждает предположение об более осознанном

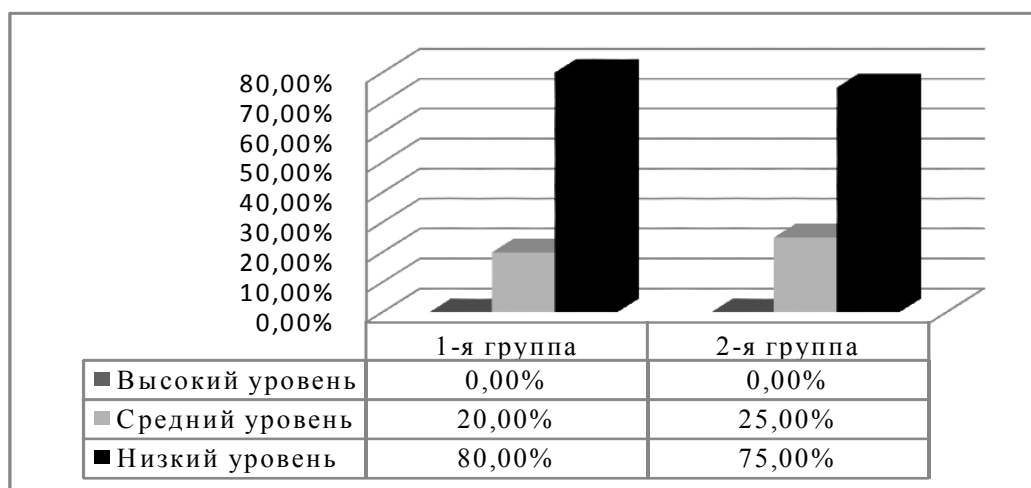


Рисунок 2 – Распределение испытуемых в зависимости от выраженности стрессовых ощущений

понимании представителями 1-й группы необходимости и своевременности восстановления ресурсов, целенаправленной и опережающей организации отдыха, тогда как представители 2-й группы относятся к отдыху как вынужденному перерыву в работе, не зависящему от их воли. Среди представителей 1-й группы больше по сравнению с 2-й группой согласных с утверждением, что отдых является процессом, нужным для восстановления сил для дальнейшей успешной работы, кроме того, представители 1-й группы более часто отмечают у себя восстановление физических сил после перерыва в работе. И это при том, что время, отводимое на сон и на отдых помимо сна, в двух подгруппах приблизительно одинаково.

Для того, чтобы исследовать наличие стрессовых ощущений у испытуемых, был использован опросник PSM-25. С его помощью были измерены стрессовые ощущения в соматических, поведенче-

ских и эмоциональных проявлениях. Был рассчитан интегральный показатель психической напряжённости (ППН) как сумма всех ответов. Сравнительный анализ стрессовых ощущений данной выборки респондентов представлен на рисунке 2. Из рисунка 2 видно, что низкий уровень соматических, поведенческих и эмоциональных проявлений стресса несколько чаще встречается у сторонников проактивного отдыха, нежели реактивного. Однако различия крайне незначительны.

Для того, чтобы измерить уровень профессионального стресса, воспользуемся методикой «Оценка профессионального стресса». Результаты представлены на рисунке 3.

Считается, что чем ниже значение итогового показателя (минимальное значение 15 баллов, максимальное – 75 баллов), тем ниже уровень профессионального стресса. Из рисунка 3 видно, что 70% респондентов 1-й группы имеют показатель про-

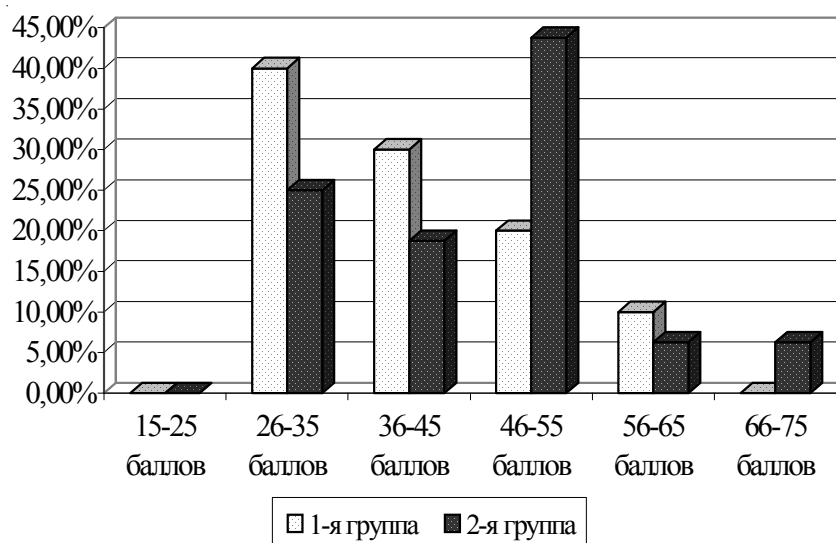


Рисунок 3 – Сравнительные результаты уровня профессионального стресса

Таблица 2 – Степень выраженности преодолевающих моделей поведения

Модели преодолевающего поведения	Степень выраженности в 1-й группе (%)			Степень выраженности во 2-й группе (%)		
	высокая	средняя	низкая	высокая	средняя	низкая
Ассертивные действия	30,00	40,00	30,00	18,75	43,75	31,25
Вступление в социальный контакт	10,00	70,00	20,00	12,50	50,00	37,50
Поиск социальной поддержки	40,00	50,00	10,00	43,75	50,00	6,25
Осторожные действия	10,00	70,00	20,00	25,00	68,75	6,25
Импульсивные действия	40,00	60,00	0,00	37,50	50,00	12,50
Избегание	30,00	50,00	20,00	43,75	37,50	18,75
Непрямые действия	10,00	80,00	10,00	12,50	56,25	31,25
Асоциальные действия	30,00	50,00	20,00	12,50	31,25	56,25
Агрессивные действия	40,00	30,00	30,00	37,50	31,25	31,25

фессионального стресса до 45 баллов, в то время как такие же показатели имеют 43,75% респондентов 2-й группы. Это доказывает несколько большую подверженность профессиональному стрессу респондентов 2-й группы. Однако верификация различий при помощи критериев Манна-Уитни и углового преобразования Фишера не зафиксировала их статистическую значимость.

Важным механизмом формирования стрессоустойчивости личности является использование ею конструктивных способов преодоления, совладания со стрессовыми ситуациями. Для психологической оценки стратегий совладания со стрессом был использован опросник «SACS».

Было выявлено, что высокой степенью конструктивности выбранных моделей преодолевающего поведения обладает около 80% испытуемых обеих подгрупп, что позволяет данным испытуемым рассматривать кризисные ситуации как новый опыт, полезный для будущей жизни и профессиональной карьеры, модели их поведения характеризуются активностью, просоциальностью и гибкостью. Однако сам профиль преодолевающего поведения различается в двух группах.

Из таблицы 2 видно, что у испытуемых с достаточно сформированным проактивным подходом к организации отдыха высокая степень выраженности таких моделей преодолевающего поведения, как поиск социальной поддержки (40%), импульсивные действия и агрессивные действия, достаточно часто встречаются ассертивные действия и асоциальные действия – почти у трети опрошенных. Что касается той части опрошенных, которым ещё не удалось достаточно сформировать проактивный подход к организации отдыха, то такие модели поведения, как избегание, поиск социальной поддержки, получили высокую степень выраженности почти

у половины представителей этой группы (43,75%). Также характерны для этой части выборки импульсивные действия и агрессивные действия – 37,5% испытуемых.

Значительные различия в выраженности моделей преодолевающего поведения между двумя группами были получены для следующих моделей: ассертивные действия, осторожные действия, избегание, асоциальные и агрессивные действия. Полученные данные могут свидетельствовать о более выраженной активной позиции преодоления стрессовых ситуаций у испытуемых 1-й группы, что выражается в последовательном отстаивании собственных интересов, открытом декларировании своих целей и намерений, но с учётом интересов окружающих (преобладание ассертивных действий у испытуемых первой группы). Респонденты 2-й группы склонны к пассивным моделям преодоления, длительному обдумыванию всех возможных вариантов решения, уходу от решения проблемы, избеганию риска, стремлению отдалиться от конфликтной ситуации, отложить решение возникшей проблемы – модель преодоления – избегание и осторожные действия.

Интересным является то, что модель поведения асоциальные действия чаще выбиралась респондентами 1-й группы. Это может означать, что опрошенным из 1-й группы в большей степени свойственен эгоцентризм, стремление удовлетворять собственные желания, не считаясь при этом с желаниями других людей, к тому же их действия характеризуются тенденцией выходить за социально допустимые рамки и ограничения. Но более тщательный анализ данных, полученных в результате диагностики, показал, что высокая степень выраженности этой модели может быть объяснена ситуативными факторами. Так, именно у тех респондентов 1-й груп-

пы, которые имели средние показатели психической напряжённости (по опроснику PSM-25), то есть у них был диагностирован средний уровень психической напряжённости, проявилась и стратегия агрессивных действий. Это позволяет нам утверждать, что эта часть опрошенных могла пребывать в ситуациях стресса, что и сказалось на их ответах.

Выводы. Таким образом, в результате исследования было показано, что преобладание проактивного подхода к организации отдыха оказывает некоторое влияние на уровень выраженности профессионального стресса. Однако это влияние не является ярко выраженным.

Степень конструктивности совладающего со стрессом поведения схожа у представителей проактивного и смешанного (проактивного и реактивного) типов отношения к отдыху. В то же время профиль стратегий совладающего поведения имеет существенные различия у испытуемых с преобладанием проактивного подхода и испытуемых с наличием смешанного типа отношения к отдыху. Так, те респонденты, которые показали хорошо сформированный проактивный подход к организации отдыха, обладают большим набором моделей преодолевающего поведения, чем респонденты с недостаточно выраженным проактивным подходом к отдыху. Они чаще пользуются такой конструктивной стратегией преодолевающего поведения, как асертивные действия. Однако у них выражена также стратегия асоциальных действий. Что касается респондентов с недостаточно сформированным проактивным подходом к организации отдыха, то они чаще выбирали такие модели поведения, как избегание, осторожные действия. Модели неконструктивного преодоления: импульсивные действия, непрямые действия, агрессивные действия – респондентами обе-

их групп выбирались приблизительно одинаково.

Гипотеза исследования подтвердилась лишь на уровне некоторых тенденций.

Полученные результаты могут быть связаны как с организационными факторами: небольшой выборкой испытуемых, наличием в ней представителей только двух типов профессий, так и с более сущностными. Так, несомненно, наличие подгруппы, которая бы использовала в своей жизнедеятельности только реактивный подход к организации отдыха, сделала бы экспериментальные данные более весомыми и информационными. Кроме того, возможно, реактивный вид отдыха (бессознательно-рефлекторный, физиологически необходимый, релаксационный) является не менее значимым, чем проактивный (социально-специфичный, рекреационный) вид. И наиболее благоприятным вариантом является оптимальное совмещение данных двух видов отдыха. И хотя, конечно, реактивные формы организации отдыха присутствуют на рефлекторном уровне у представителей первой группы, однако их фиксация на осознанной, целеполагающей организации собственной рекреации, подчёркивание значимости именно этого вида отдыха не всегда является оптимальной.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в работе результаты могут быть использованы практическими психологами организаций для оптимального регулирования времени труда и отдыха работающих людей с целью уменьшения влияния профессиональных стрессов на работников, а также в ходе проведения психологического информирования населения, с тем чтобы привить культуру осмысленного и ответственного отношения к своему отдыху, как залогом не только физического, но и психического здоровья.

Список литературы

1. Абдуллаева, М. М. Семантика представлений о работе и отдыхе в образе мира профессионалов / М. М. Абдуллаева // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 16 (702). – С. 181–195.
2. Кожевникова, О. А. Профессиональный стресс: причины возникновения, возможности профилактики и коррекции / О. А. Кожевникова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 37 (19). – С. 273–277.
3. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т. Л. Крюкова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 5. – С. 184–188.
4. Кузнецова, А. С. Актуальные направления психологических исследований отдыха в контексте разработки проблемы психологической саморегуляции профессионала / А. С. Кузнецова // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России» – М. : Инсайт – 2005. – С. 236–238.
5. Кузнецова, А. С. Проактивный подход к организации отдыха как ресурс конструктивного преодоления профессионального стресса / А. С. Кузнецова, М. С. Лузянина, Н. М. Филина // Материалы III Международной научно-практической конференции «Психология стресса и совладающего поведения», г. Кострома, 26–28 сентября 2013 г. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – Т. 2. – С. 115–116.
6. Кузнецова, А. С. Психологические проблемы планирования и организации отдыха: проактивный и реактивный подход / А. С. Кузнецова, М. С. Лузянина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2014. – № 2. – С. 16–30.

Proactive and Reactive Approach to the Rest as Factors of Coping With Professional Stress

O.A. Kondrashikhina

Sevastopol State University 33, Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation

L.G. Kondrashevskaya

Sevastopol State University 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation

Received 05.07.2016

Abstract. The article deals with two types of recreation – proactive and reactive. It is shown that the prevalence of a proactive approach to the organization of leisure in some degree reduces the severity of occupational stress. Reveals the importance and reactive way of recreation. Results of the study suggest that the degree of constructive coping with stress behavior is similar to the representative of the proactive and mixed (proactive and reactive) types of relationship to rest. Nevertheless, the profile of coping behavior has significant differences in subjects with a predominance of the proactive approach and subjects with the presence of mixed type of relationship to rest and is filled with a variety of strategies, which suggests different approaches to coping with professional stress in workers with proactive and reativnym approach to recreation.

Keywords: professional activity, stress, proactive, reactive, recreation, coping.

For citation: Kondrashikhina O.A., Kondrashevskaya L.G. Proactive and Reactive Approach to the Rest as Factors of Coping With Professional Stress. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 25–32 (in Russ.).

About authors: O.A. Kondrashikhina, PhD (Psychology), Associated Professor of the Department “General and Applied Psychology and Pedagogics” of the Institute of Humanities and Pedagogics of Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, 13 Gagarina Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: okskon66@mail.ru; L.G. Kondrashevskaya, a Student of the Institute of Additional Trade Education of Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, 1 Kornilova Emb., Sevastopol, 299011, Russian Federation, e-mail: loric.kondr@gmail.com.

References

1. Abdullaeva M.M. Semantics Concepts of Work and Rest of the World in the Image of Professionals. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, no. 16 (702), pp. 181–195 (in Russ.).
2. Kozhevnikova O.A. Professional Stress: Causes, Possible Prevention and Correction. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, no. 37 (19), pp. 273–277 (in Russ.).
3. Kryukova T.L. Psychology of Coping Bhavior: the Crrtent Sate and the Psychological, Socio-cultural Perspectives. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2013, no. 5, pp. 184–188 (in Russ.).
4. Kuznetsova A.S. Topical Areas of Psychological Research in the Context of the Development of Leisure Problems of Psychological Self-Professional. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Prikladnaya psikhologiya kak resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sovremennoi Rossii”* [Proceedings of interregional scientific-practical conference “Applied psychology as a resource for social and economic development of modern Russia”]. Moscow, Insait Publ., 2005, pp. 236–238 (in Russ.).
5. Kuznetsova A.S., Luzyanina M.S., Filina N.M. A Proactive Approach to Recreation as a Resource of Constructive Professional Stress. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya”* [Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference “Psychology of Stress and Coping”]. Kostroma, Kostroma State University named Nekrasov Publ., 2013, vol. 2, pp. 115–116 (in Russ.).
6. Kuznetsova A.S., Luzyanina M.S. Psikhologicheskie problemy planirovaniya i organizatsii otdykha: proaktivnyi i reaktivnyi podkhod [Psychological Problems of Planning and Organization of Leisure: Proactive and Reactive Approach]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Collection of Papers “Bulletin of Moscow University. Series no. 14: The Psychology”]. Moscow, MSU Publ., 2014, no. 2, pp. 16–30.

Статья рекомендована к печати Е. Б. Шихматовой, кандидата психологических наук, доцента кафедры общей психологии Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», e-mail: elena_2008@pochta.com.

УДК 159.9.072.

Субъектность студентов с разной мотивацией учебно-профессиональной деятельности

Надежда Михайловна Сараева

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
ул. Александро-Заводская 30, Чита, 672039, Российская Федерация

Статья поступила 02.08.2016

Аннотация. В статье обоснована актуальность разработки проблемы субъектности в контексте теории и практики профессиональной подготовки специалиста в системе вузовского образования. Цель статьи – представить материалы эмпирического изучения связи показателей субъектности и мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов, выполненного в рамках проекта, который посвящён анализу становления субъектности человека на разных этапах онтогенеза. Методологическую основу исследования составляет экпсихологический подход к развитию психики (В.И. Панов). Параметрами изучения субъектности являются локус контроля личности, зависимость-независимость в учебной деятельности и другие психологические характеристики. Метод изучения показателей субъектности студентов – тестирование. Обсуждаются результаты диагностики 76 студентов 2–4 курсов обучения Забайкальского государственного университета. Установлено, что опрошенные студенты более склонны интерпретировать свою жизнь и всё происходящее в ней с точки зрения внешнего (экстернального) локуса контроля. Преобладающая часть студентов оценивают себя как независимых в учебной деятельности. Выявлены множественные связи между показателями субъектности (по параметрам, выделенным для оценки) и уровнем учебной мотивации студентов. У студентов с высоким уровнем субъектности отмечается более высокий уровень мотивации учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: субъектность, студенты, учебная мотивация, учебно-профессиональная деятельность, корреляция показателей.

Для цитирования: Сараева, Н. М. Субъектность студентов с разной мотивацией учебно-профессиональной деятельности / Н. М. Сараева // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 33–41.

Об авторе: Н. М. Сараева, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Теоретическая и прикладная психология» Института социальных наук, психологии и педагогики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Забайкальский государственный университет», ул. Бабушкина 129, Чита, 672007, Российская Федерация, e-mail: saraiewa@mail.ru.

Постановка проблемы. В условиях многих и разнообразных вызовов, обращённых к современному обществу, возрастают требования к субъектности человека, его способности брать на себя ответственность за свой жизненный путь, за реализацию своих возможностей. Наибольшую остроту проблема субъектности приобретает, когда речь идёт о молодёжи, с которой связываются главные надежды позитивного общественного развития. Значимой составляющей этой социальной группы является студенческая молодёжь – основной социальный ресурс страны, люди, чьи возможности преобразования есть важная часть человеческого капитала.

За последние десятилетия многое изменилось в вузовской подготовке специалиста, изменились и требования к профессионализму. Если раньше он заключался в умении использовать полученные в вузе знания, быстро приобрести профессиональный опыт, овладеть необходимыми технологиями про-

фессиональной деятельности, то сегодня от профессионала требуется успешность, конкурентоспособность, высокая эффективность, достижение которых при прочих равных условиях невозможно без обладания развитыми субъектными свойствами: самостоятельностью, мобильностью, стрессоустойчивостью и другими.

Однако существуют противоречия между требованиями к уровню субъектности студентов и степенью реальных проявлений у них этого интегративного свойства; между возросшими требованиями к субъектности будущих специалистов и запаздывающей практикой формирования, развития субъектности в процессе обучения в вузе.

Отсюда сохраняющаяся актуальность разработки проблемы субъектности в контексте теории и практики профессиональной подготовки специалиста в системе вузовского образования.

Как объект изучения субъектность студентов

привлекала и привлекает к себе внимание психологов и педагогов. Однако сущность субъектности понимается ими по-разному и, соответственно, выделяются разные критерии и показатели субъектности, определения уровня, стадии развития или становления её у студентов. Отсюда и различные выводы по результатам исследований. Это можно увидеть в некоторых исследованиях, выполненных за последние годы в рамках разработанных ведущими отечественными психологами теоретико-методологических подходов к проблеме субъектности [8; 9; 10; 11; 12; 16].

Нами субъект понимается как человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности, продуктивно решающий поставленные перед ним задачи (С.Л. Рубинштейн [15], К.А. Абульханова [1], Б.Г. Ананьев [3], Л.И. Анцыферова [4], А.В. Брушлинский [7]).

В Психологическом институте РАО группой учёных, в которую включён и автор статьи, под руководством В.И. Панова и на основе разработанной им экпсихологической модели выполнено исследование становления субъектности человека на разных этапах онтогенеза. В рамках этого проекта нами проведено эмпирическое изучение субъектности студентов.

Одной из задач исследования являлось определение возможных связей субъектности студентов с мотивацией учебно-профессиональной деятельности.

Известно, что мотивация определяет многие характеристики произвольной активности человека, от её направленности и интенсивности до продуктивности, качества и уровня достижений [6; 13]. В полной мере это относится к ведущей деятельности студента. В ряде исследований установлено, что успешность учебно-профессиональной деятельности студента определяется, с одной стороны, уровнем его мотивации, а с другой стороны, уровнем его субъектности [6; 7; 10; 13]. Но обучение и учение всегда осуществляются в конкретных социально-экономических, образовательных и иных условиях, меняющихся в нашей стране от года к году достаточно быстро и существенно. Потому характер и содержание связей уровня субъектности современных студентов и их учебной мотивации также нуждаются в конкретизации и уточнении.

Цель статьи – представить результаты эмпирического исследования, посвящённого решению названной выше задачи.

Методологические основы исследования заданы экпсихологическим подходом к развитию психики (В.И. Панов). В рамках этого подхода

активность, деятельность, субъект (как носитель активности и «исполнитель, деятель» деятельности), его субъектность есть разные формы обретения психической активностью действительной формы своего существования во взаимодействии со средой. Развитие любого вида психической активности человека рассматривается как континуум, на одном полюсе которого она имеет спонтанную нецеленаправленную и произвольную форму, а на другом полюсе – форму целесообразной, осознанной и произвольной деятельности субъекта. В процессе развития индивид из обладателя активности становится субъектом деятельности. Становление субъектности индивида, превращение индивида в субъекта какой-либо деятельности происходит в процессе овладения ею [14].

Эмпирическая база исследования. Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет». В статье приведены результаты одного из этапов исследования (третьего), в котором приняли участие 76 студентов 2–4 курсов. Средний возраст испытуемых – $20,6 \pm 1,7$ (min – 18, max – 24 г.).

Изучалась субъектность студентов в учебно-профессиональной деятельности. В качестве параметров диагностики субъектности на данном этапе выступали: автономность в учебной деятельности, локус контроля, характеристики, определяемые с помощью шкал опросника УРСЛ – уровня развития субъектности личности М.А. Щукиной [17].

Метод и методики исследования – тестирование. Метод представлен такими методиками, как опросник уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера в модификации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда, автономности-зависимости личности в учебной деятельности Г.С. Прыгина, уже названный опросник УРСЛ – уровня развития субъектности личности М.А. Щукиной. Мотивация студентов изучалась с помощью методики изучения мотивов учебной деятельности в модификации А.А. Реана, В.А. Якунина.

Методы математико-статистической обработки данных – анализ описательной статистики, коэффициент линейной корреляции Спирмена.

Результаты исследования.

Прежде всего, представим полученные данные, характеризующие субъектность студентов. Результаты опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК) представлены в таблице 1.

Опрошенные студенты имеют низкие показатели по шкалам общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в семейных, межличностных отношениях. Но значительная

Таблица 1 – Количество студентов (в %) с показателями уровня субъективного контроля

Шкалы опросника УСК	Высокие показатели	Средние показатели	Низкие показатели
Общая интернальность (Ио)	18	16	66
Интернальность в области достижений (Ид)	42	30	28
Интернальность в области неудач (Ин)	26	12	62
Интернальность в семейных отношениях (Ис)	22	22	55
Интернальность в области производственных отношений (Ип)	82	13	5
Интернальность в межличностных отношениях (Им)	26	25	49
Интернальность в отношении здоровья и болезни (Из)	49	30	21

часть респондентов имеет высокие показатели по шкалам интернальности в области достижений, в области производственных отношений (особенно), интернальности в отношении здоровья и болезни. По результатам опросника можно говорить о том, что студенты в данной выборке более склонны интерпретировать свою жизнь и всё происходящее в ней с точки зрения внешнего (экстернального) локуса контроля.

Заметим, что показатели субъектности студентов по опроснику УСК отличались на разных этапах проведения исследования. На первом этапе большая часть студентов имела высокие показатели интернальности. Правда, низкие показатели по всем шкалам опросника УСК имели более трети опрошенных. Достаточно большое число студентов (почти половина) не осознают своей субъектности в области межличностных отношений, здоровья и болезни. Невысок их показатель общей интернальности.

На данном этапе большая часть опрошенных признала уровень своей интернальности низким. Мы затрудняемся объяснить разницу в количестве студентов, имеющих различные показатели по шкалам опросника УСК на разных этапах исследования. Вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Для дальнейшей обработки результатов выборка студентов была разбита на 4 кватили по признаку «общий уровень развития субъектности». В I кватиль вошли студенты с низким уровнем раз-

вития свойств субъектности, во II кватиль – студенты со средним, ближе к низкому, уровнем развития субъектности, в III кватиль – студенты, со средним, ближе к высокому, уровнем развития субъектности, в IV кватиль – студенты с высоким уровнем развития субъектности.

Анализ автономности-зависимости личности в учебной деятельности показал, что 47% студентов имеют автономный тип поведения, 28% – неопределённый и 25% – зависимый тип.

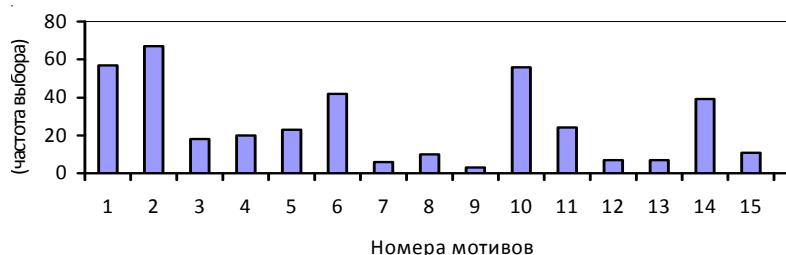
Согласно полученным данным, самое большое число «автономных» в учебной деятельности студентов находится в группе с высоким уровнем развития субъектности (IV кватиль) – 78%. А наибольшее число «зависимых» – в группе с низким уровнем развития субъектности (I кватиль) – 52%. Студентов с неопределённым типом поведения также больше всего в группе с низким уровнем развития субъектности (I кватиль) – 38%.

Опросник для диагностики УРСЛ – уровня развития субъектности личности М.А. Щукиной – построен в рамках подхода, который предполагает наличие в поведении каждого человека и субъектных, и объектных тенденций (Б.Г. Ананьев, Л.В. Алексеева, Е.Н. Волкова, Ю.А. Коржова), в частности на основе модели субъект-объектных атрибутов Л.В. Алексеевой [2] (таблица 2).

Разработанный М.А. Щукиной опросник позволяет измерять суммарный показатель, характеризующий общий уровень развития субъектности лич-

Таблица 2 – Модель субъект-объектных атрибутов Л.В. Алексеевой

№	Атрибуты субъектности	Атрибуты объектности	Буквенные обозначения
1	активность	реактивность	А-Р
2	автономность	зависимость	А-З
3	целостность	неинтегративность	Ц-Н
4	опосредствованность	непосредственность	О-Н
5	креативность	репродуктивность	К-Р
6	самоценность	малоценность (ничтожность)	С-М



1 – стать высококвалифицированным специалистом; 2 – получить диплом; 3 – успешно продолжить обучение на последующих курсах; 4 – успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»; 5 – постоянно получать стипендию; 6 – приобрести глубокие и прочные знания; 7 – быть постоянно готовым к очередным занятиям; 8 – не запускать предметы учебного цикла; 9 – не отставать от сокурсников; 10 – обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности; 11 – выполнять педагогические требования; 12 – достичь уважения преподавателей; 13 – быть примером сокурсникам; 14 – добиться одобрения родителей и окружающих; 15 – избежать осуждения и наказания за плохую учебу; 16 – получить интеллектуальное удовлетворение.

Рисунок 1 – Мотивы учебно-профессиональной деятельности студентов

ности, а также шесть показателей соответственно шкалам опросника.

По результатам опросника УРСЛ определено, что 4 студента в выборке имеют высокие показатели развития субъектности по трём шкалам. И три студента имеют показатели низкого уровня развития субъектности также по трём шкалам. Большая часть опрошенных студентов в своём развитии субъектности находятся в континууме между «субъектностью – объектностью» (М.А. Щукина, Л.В. Алексеева), проявляя свойства как объекта, так и субъекта жизнедеятельности.

Небольшое количество испытуемых с низким уровнем субъектности и принадлежность большей части обследованных к типу «автономных» участников учебно-профессиональной деятельности даёт возможность делать положительные прогнозы относительно становления субъектности студентов.

Результаты изучения мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов с помощью методики А.А. Реана, В.Я. Якунина представлены на рисунке 1.

Н.Ц. Бадмаева, к работе которой мы обращаемся, поскольку автор тоже изучала учебную мотивацию забайкальских студентов [5], разделяет все мотивы учебно-профессиональной деятельности студентов на 4 группы: профессиональные, учебно-познавательные (они составляют высокую мотивацию), мотивы престижа и мотивы избегания (их преобладание свидетельствует о низком уровне мотивации).

Согласно диаграмме на рисунке 1, преобладающими мотивами учебно-профессиональной деятельности студентов данной выборки являются: получение диплома, собственное становление как высококвалифицированного специалиста и обеспечение успешности будущей профессиональной деятельности.

Реже студенты называют мотивы группы пре-

стижа: выполнение педагогических требований, достижение уважения преподавателей и стремление быть примером для сокурсников.

У студентов данной выборки преобладают учебно-познавательные мотивы, связанные с учебно-профессиональной деятельностью, в которых проявляется направленность на овладение профессией, усвоение новых знаний, умений и навыков учебной деятельности.

Обратимся к выделенным квартилям по признаку «общий уровень развития субъектности».

В подгруппе студентов с низким уровнем развития субъектности – I квартиль – слабо выражена взаимосвязь субъектности и мотивации учебно-профессиональной деятельности. Однако в некоторых случаях связь, прямая или обратная, определяется (таблица 3).

У студентов, чьи показатели субъектности вошли в первый квартиль, связаны между собой мотивы «успешно учиться, сдавать экзамены на „хорошо“ и „отлично“», «не запускать предметы учебного цикла» и показатели Активности-Реактивности; «добиться одобрения родителей и окружающих» и показатель самооценности-малоценности; мотив «получить интеллектуальное удовлетворение» и показатель креативности-репродуктивности и самооценности-малоценности по УРСЛ.

Связаны, хотя и слабо, показатели мотивов «стать высококвалифицированным специалистом», «выполнять педагогические требования» и показатели автономности-зависимости в учебной деятельности. Связаны показатели мотивов «успешно продолжить обучение на последующих курсах», «не запускать предметы учебного цикла» и интернальности общей, «успешно продолжить обучение на последующих курсах» и интернальности в области производственных отношений; мотив «постоянно получать стипендию» и интернальности в области здоровья.

Таблица 3 – Корреляция показателей мотивации учебно-профессиональной деятельности и субъектности студентов (I квартал)

№ мотива	Мотивы	Коэффициенты корреляции		
По опроснику УРСЛ				
		А-Р	К-Р	С-М
М4	Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»	-,481*		
М8	Не запускать предметы учебного цикла	-,594**		
М14	Добиться одобрения родителей и окружающих			,481*
М16	Получить интеллектуальное удовлетворение		,468*	,501*
По опроснику автономности – зависимости в учебной деятельности				
М1	Стать высококвалифицированным специалистом	-,227		
М11	Выполнять педагогические требования	,321		
По опроснику УСК				
№ мотива	Мотивы	Ио	Ип	Из
М3	Успешно продолжить обучение на последующих курсах	,581**	,525*	
М8	Не запускать предметы учебного цикла	,411*		
М5	Постоянно получать стипендию			,419*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

У студентов со средним, ближе к низкому, уровнем развития субъектности – II квартал – преобладают обратные корреляционные связи (таблица 4).

Судя по представленным данным, чем ниже показатель субъектности, тем выше внешняя мотивация учебно-профессиональной деятельности сту-

дента: успешно учиться на «4» и «5», не отставать от сокурсников, достичь уважения преподавателей, быть примером сокурсникам.

Чем ближе показатели студентов данного квартала к полюсу «зависимость» и «неинтегрированность», тем больше выражены у них мотивы избе-

Таблица 4 – Корреляция показателей мотивации учебно-профессиональной деятельности и субъектности студентов (II квартал)

По опроснику УРСЛ						
№ мотива	Мотивы	А-З	Ц-Н	К-Р	С-М	ОБЩ
М4	Успешно учиться, сдавать экзамены на «4» и «5»	-,389		-,450	-,364	-,523*
М6	Приобрести глубокие и прочные знания	-,548*				-,312
М8	Не запускать предметы учебного цикла			,462*		-,421
М9	Не отставать от сокурсников	-,454	,521*			-,547*
М11	Выполнять пед. требования		-,401	,460*	,571*	-,381
М12	Достичь уважения преподавателей	,539*		,535*		,684**
М13	Быть примером сокурсникам	-,430		,517*		,700**
М14	Добиться уважения родителей и окружающих	-,387		,469*		-,392
М15	Избежать осуждения и наказания за плохую учебу	-,379	,536*	-,305		-,410
М16	Получить интеллектуальное удовлетворение		,457*			
По опроснику автономности – зависимости в учебной деятельности						
М6	Приобрести глубокие и прочные знания	-,381				
М16	Получить интеллектуальное удовлетворение	,497*				
По опроснику УСК						
№ мотива	Мотивы	Ип	Им	Из		
М2	Получить диплом				,533*	
М4	Успешно учиться, сдавать экзамены на «4» и «5»				,478*	
М5	Постоянно получать стипендию				,550*	
М8	Не запускать предметы учебного цикла				,548*	
М13	Быть примером сокурсникам		-,483*		,237	
М14	Добиться уважения родителей и окружающих	,388			,505*	

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Таблица 5 – Корреляция показателей мотивации учебно-профессиональной деятельности и субъектности студентов (III квартиль)

По опроснику УРСЛ							
№ мотива	Мотивы	А-З	Ц-Н	О-Н	К-Р	С-М	Общ
М1	Стать высококвалифицированным специалистом	,248		-,312			,541*
М5	Постоянно получать стипендию	-,371				-,587**	
М6	Приобрести глубокие и прочные знания		,398	,555*			
М8	Не запускать предметы учебного цикла	-,401	,354		-,489*		
М12	Достичь уважения преподавателей	,568*	-,491*				,695**
По опроснику автономности – зависимости в учебной деятельности							
М2	Получить диплом		-,602**				
М7	Быть постоянно готовым к очередным занятиям		,324				
М12	Достичь уважения преподавателей		,309				
М13	Быть примером сокурсникам		-,330				
М16	Получить интеллектуальное удовлетворение		-,341				
По опроснику УСК							
№ мотива	Мотивы	Ид		Ип		Из	
М2	Получить диплом			-,473*			
М6	Приобрести глубокие и прочные знания					-,602**	
М8	Не запускать предметы учебного цикла	-,481*					
М10	Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности	-,470*		-,314			
М14	Добиться одобрения родителей и окружающих			-,458*			

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

гания осуждения и наказания и мотив «не отставать от сокурсников».

У студентов квартиля преобладает показатель «реактивность», и тем выше уровень внешних мотивов: мотив «не запускать предметы учебного цикла», «выполнять требования педагогов», «достичь уважения преподавателей», «быть примером сокурсникам», мотив избегания осуждения за плохую учёбу.

Прямые корреляционные связи имеют показатели интернальности в области здоровья со многими мотивами учебно-профессиональной деятельности студентов.

У студентов со средним, ближе к высокому, уровнем субъектности – III квартиль – выявлены следующие значимые корреляционные связи между показателями субъектности и мотивации учебно-профессиональной деятельности (таблица 5).

Показатели уровня развития субъектности в данном квартиле находятся ближе к полюсу субъектности, а не объектности, по Л.В. Алексеевой. Чем ближе показатель к полюсу «автономность» и «опосредствованность», тем больше выражен у студентов мотив достижения уважения преподавателей и мотив приобретения глубоких и прочных знаний. Чем выше уровень развития субъектности, тем больше проявляется мотив «стать высококвалифициро-

ванным специалистом».

Чем ближе показатели к полюсу «целостности», «креативности» и «самоценности», тем меньше выражены у студентов мотивы «постоянно получать стипендию», «не запускать предметы учебного цикла», «достичь уважения преподавателей».

Чем выше показатели автономности в учебной деятельности, тем меньше проявляется мотив получения диплома, тем меньше стремления быть примером сокурсникам и даже получить интеллектуальное удовлетворение. Но есть желание быть постоянно готовым к очередным занятиям и достичь уважения преподавателей.

Чем ближе к полюсу интернальности показатель в области достижений, тем менее выражены мотив «не запускать предметы учебного цикла» и мотив обеспечения успешности будущей профессиональной деятельности. Чем ближе к полюсу интернальности показатель в области производственных отношений, тем менее выражены мотивы получения диплома и получения одобрения от родителей и окружающих.

По представленным данным можно отчётливо видеть повышение уровня мотивации учебно-профессиональной деятельности с возрастанием субъектности студентов.

Корреляционные связи между показателями вы-

Таблица 6 – Корреляция показателей мотивации учебно-профессиональной деятельности и субъектности студентов (IV квартиль)

По опроснику УРСЛ					
№ мотива	Мотив	А-Р	А-З	С-М	
M5	Постоянно получать стипендию	,499*			
M8	Не запускать предметы учебного цикла	,346	,469*	,391	
M9	Не отставать от сокурсников	,554*	,348	,447	
M13	Быть примером сокурсникам		-,525*	-,464*	
По опроснику автономности - зависимости в учебной деятельности					
M9	Не отставать от сокурсников		-,318		
M10	Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности		-,332		
M14	Добиться одобрения родителей и окружающих		-,318		
По опроснику УСК					
№ мотива	Мотивы	Ип	Ис	Им	Из
M5	Постоянно получать стипендию		,544*		
M7	Быть постоянно готовым к очередным занятиям			,349	
M13	Быть примером сокурсникам		,467*		
M14	Добиться одобрения родителей и окружающих				,331
M16	Получить интеллектуальное удовлетворение	,379			

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

сокого уровня субъектности и мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов (IV квартиль) представлены в таблице 6.

Очевидно, что значимых корреляционных связей между показателями мотивации учебно-профессиональной деятельности и уровнем развития субъектности у студентов IV квартиля меньше по сравнению со студентами других квартилей.

Одно из возможных объяснений может заключаться, на наш взгляд, в том, что высокий уровень субъектности человека не требует множественной и сложной мотивации деятельности. Субъектные характеристики являются надёжным обеспечением выполнения деятельности и при небольшом комплексе достаточно простых и «обыденных» мотивов, как то: «постоянно получать стипендию», «не запускать предметы учебного цикла», «не отставать от сокурсников», «быть примером сокурсникам», «добиться одобрения родителей и окружающих».

У студентов I-го и II-ого квартилей преобладающими являются (по Н.Ц. Бадмаевой) группы учебно-познавательных мотивов и мотивов престижа. В III-ем квартиле преобладает группа мотивов

избегания. В IV-ом квартиле – группа учебно-познавательных мотивов.

Выводы. В эмпирическом исследовании установлено, что существует связь между субъектностью студентов и мотивацией учебно-профессиональной деятельности. Во всех четырёх квартилях показатели мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов коррелируют с показателями субъектности по выделенным для оценки параметрам.

Число значимых корреляционных связей между показателями мотивации учебно-профессиональной деятельности и уровнем развития субъектности у студентов с высоким уровнем субъектности меньше по сравнению со студентами других квартилей, высокий уровень субъектности человека не требует множественной и сложной мотивации деятельности.

У студентов с высоким уровнем субъектности отмечается более высокий уровень мотивации учебно-профессиональной деятельности.

Благодарности. Работа выполняется при поддержке РГНФ (Проект № 14-06-00576 «Становление субъектности на разных этапах онтогенеза: экопсихологический подход»).

Список литературы

1. Абульханова, К. А. О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова. – М. : Мысль, 1973. – 245 с.
2. Алексеева, Л. В. Психологическая характеристика субъекта преступления : дис. ... док. психол. наук : 19.00.06, 19.00.01 / Алексеева Любовь Васильевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 450 с.
3. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – М. : Наука, 1977. – 380 с.

4. Анцыферова, Л. И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода / Л. И. Анцыферова // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред. А. В. Брушлинский [и др.]. – М. : Академический проект, 2000. – С. 27–42.
5. Бадмаева, Н. Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей : монография / Н. Ц. Бадмаева. – Улан-Удэ : ВСГТУ, 2004. – 280 с.
6. Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович. – М. : Педагогика, 1972. – 352 с.
7. Брушлинский, А. В. Субъект: мышление, учение, воображение / А. В. Брушлинский. – М. : МПСИ, 2003. – 408 с.
8. Дунаева, Н. И. Психологическая структура субъектности как личностного свойства студента – будущего социального педагога : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Дунаева Наталья Ивановна. – Сочи, 2006. – 150 с.
9. Исаков, М. В. Показатели и структура субъектности: на материале становления профессиональной субъектности у студентов вузов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Исаков Максим Владимирович. – М. : РГГУ, 2008. – 242 с.
10. Кондратенко, И. В. Фактор субъектности в ходе профессионального самоопределения студентов на завершающем этапе обучения : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Кондратенко Ирина Валерьевна. – М. : МПСУ, 2015. – 128 с.
11. Краснощеченко, И. П. Акмеологическая концепция становления и развития профессиональной субъектности будущих психологов : автореф. ... д-ра. психол. наук : 19.00.13 / Краснощеченко Ирина Петровна. – М., 2012. – 48 с.
12. Крутых, Е. В. Становление субъектности в студенческом возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Крутых Елена Валерьевна. – Краснодар, 2006. – 239 с.
13. Маркова, А. К. Психологические основы управления учебной деятельностью / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1991. – 298 с.
14. Панов, В. И. Экопсихологические предпосылки изучения психической активности / В. И. Панов // Известия Саратовского университета. Серия «Акмеология образования. Психология развития». – 2014. – Выпуск № 3 (11). – С. 2014–2024.
15. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с.
16. Серегина, И. А. Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Серегина Илона Альбертовна. – М., 1999. – 154 с.
17. Щукина, М. А. Психология саморазвития личности: субъектный подход : дис. ... док. психол. наук : 19.00.13 / Щукина Мария Алексеевна. – СПб, 2015. – 355 с.

The Subjectivity of Undergraduate Students with Different Motivation for Educational Professional Activity

N.M. Saraeva

*Transbaikal State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russian Federation*

Received 02.08.2016

Abstract. The article proves how important it is to develop the problem of subjectivity within the context of theory and practice of vocational training of specialists in the system of higher education. The purpose of this article is to provide the results of the empirical study of the connection between the indices of student's subjectivity and motivation for educational professional activity. The study was carried out within the framework of the project which focuses on the analysis of human subjectivity's formation at different stages of ontogenesis. The research was done within the eco-psychological approach towards psyche development (applied by V.I. Panov). The parameters of studying subjectivity are: personal locus of control, dependence/independence in educational activity and other psychological characteristics. The method of studying the indices of students' subjectivity is testing. The article discusses the results of the diagnostics of 76 second-fourth year students at Transbaikal State University. The study found that the interviewed students are more inclined to interpret their life and everything that happens in it from the perspective of external locus of control. Most of the students consider themselves independent in educational activity. The study reveals multiple connections between the indices of subjectivity and the level of students' educational motivation. Students with high levels of subjectivity have higher levels of motivation for educational professional activity.

Keywords: subjectivity, undergraduate students, educational motivation, educational professional activity, correlation between indices.

For citation: Saraeva N.M. The Subjectivity of Undergraduate Students with Different Motivation for Educational Professional Activity. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 33–41 (in Russ.).

About author: N.M. Saraeva, Doctor Science (Psychology), Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology of Transbaikal State University, 129 Babushkin St., Chita, 672007, Russian Federation, e-mail: saraiewa@mail.ru.

Acknowledgements. The work was carried out with the support from Russian Humanitarian Scientific Foundation (project no 14-06-00576 «Formation of Subjectivity at Different Stages of Ontogenesis: the Eco-psychological Approach»).

References

1. Abul'khanova K.A. *O sub''ekte psikhicheskoi deyatel'nosti* [About the Subject of Psychological Activity]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 245 p.
2. Alekseeva, L.B. *Psikhologicheskaya kharakteristika sub''ekta prestupleniya. Diss. dok. psikhol. nauk* [Crime Committer's Psychological Characteristic. Dr. Sci. Diss. (Psykhol.)]. St. Petersburg, 2006. 450 p.
3. Anan'ev B.G. *O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya* [About the Problems of Modern Science of Man]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 380 p.
4. Antsyferova L.I. *Psikhologicheskoe sodержание fenomena sub''ekt i granitsy sub''ektno-deyatel'nostnogo podkhoda. Problema sub''ekta v psikhologicheskoi nauke. Otv. red. A.V. Brushlinskii* [i dr.]. [The Phenomenon of Subject's Psychological Content and the Boundaries of the Subject-activity Approach. In: Brushlinskii A.V., executive ed. [et al.]. The Problem of Subject in Psychological Science]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 27–42.
5. Badmaeva N.Ts. *Vliyanie motivatsionnogo faktora na razvitie umstvennykh sposobnostei* [The Impact of Motivational Factor on the Development of Mental Abilities]. Ulan-Ude, ESSUT Publ., 2004. 280 p.
6. Bozhovich L.I. *Izuchenie motivatsii povedeniya detei i podrostkov* [The Study of Behavior Motivation in Children and Adolescents]. Moscow, Pedagogika Publ., 1972. 352 p.
7. Brushlinskii A.V. *Sub''ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Subject: Mindset, Learning, Imagination]. Moscow, MPSI Publ., 2003. 408 p.
8. Dunaeva N.I. *Psikhologicheskaya struktura sub''ektnosti kak lichnostnogo svoistva studenta - budushchego sotsial'nogo pedagoga. Diss. kand. psikhol. nauk* [Psychological Structure of Subjectivity as a Personal Characteristic of a Student – Future Social Pedagogue. Cand. Diss. (Psykhol.)]. Sochi, 2006. 150 p.
9. Isakov M.V. *Pokazateli i struktura sub''ektnosti: na materiale stanovleniya professional'noi sub''ektnosti u studentov vuzov. Diss. kand. psikhol. nauk* [Indicators and Structure of Subjectivity: on the Material of Professional Subjectivity of University Students. Cand. Diss. (Psykhol.)]. Moscow, 2008. 242 p.
10. Kondratenko I.V. *Faktor sub''ektnosti v khode professional'nogo samoopredeleniya studentov na zavershayushchem etape obucheniya. Diss. kand. psikhol. nauk* [Subjectivity Factor in the Course of Professional Self-Determination of Students at the Final Stage of Education. Cand. Diss. (Psykhol.)]. Moscow, MPSU, 2015. 128 p.
11. Krasnoshchchenko I.P. *Akmeologicheskaya kontseptsiya stanovleniya i razvitiya professional'noi sub''ektnosti budushchikh psikhologov. Avtoref. dis. dok. psikhol. nauk* [The Acmeological Concept of Formation and Development of Future Psychologists' Professional Subjectivity. Extended Abstract of Dr. Sci. Diss. (Psykhol.)]. Moscow, 2012. 48 p.
12. Krutykh E.V. *Stanovlenie sub''ektnosti v studencheskom vozraste. Diss. kand. psikhol. nauk* [Formation of Subjectivity in Undergraduate Student's Age. Cand. Diss. (Psykhol.)]. Krasnodar, 2006. 239 p.
13. Markova A.K. *Psikhologicheskie osnovy upravleniya uchebnoi deyatel'nost'yu* [Psychological Bases of Educational Management]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 298 p.
14. Panov V.I. Eco-psychological Premises for Studying Mental Activity. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»*, 2014, no. 3 (11), pp. 2014–2024 (in Russ.).
15. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Existence and Consciousness. Man and the World]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 512 p.
16. Seregina I.A. *Psikhologicheskaya struktura sub''ektnosti kak lichnostnogo svoistva pedagoga. Diss. kand. psikhol. nauk* [Psychological Structure of Subjectivity as a Teacher's Personal Characteristic. Cand. Diss. (Psykhol.)]. Moscow, 1999. 154 p.
17. Shchukina M.A. *Psikhologiya samorazvitiya lichnosti: sub''ektnyi podkhod. Diss. dok. psikhol. nauk* [The Psychology of Personal Self-Development: the Subjective Approach. Dr. Sci. Diss. (Psykhol.)]. St. Petersburg, 2015. 355 c.

К проблеме содержания дошкольного образования в области ознакомления детей с родным городом

Ольга Юрьевна Червинская

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация*

Марина Витальевна Калининчук

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация*

Статья поступила 13.09.2016

Аннотация. В статье рассматриваются возможности краеведческой работы с дошкольниками в аспекте ознакомления их с родным городом как одного из эффективных средств патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, социально-коммуникативное развитие, региональный компонент содержания знаний о родном городе.

Для цитирования: Червинская, О. Ю. К проблеме содержания дошкольного образования в области ознакомления детей с родным городом / О. Ю. Червинская, М. В. Калининчук // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 42–48.

Об авторах: О. Ю. Червинская, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Дошкольное и начальное образование» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: olga-sgggu@yandex.ru; М. В. Калининчук, студентка 2 курса магистратуры кафедры «Дошкольное и начальное образование» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: marina.kalinchuk@listl.ru.

Постановка проблемы. Патриотическое воспитание – это сложный и длительный процесс, который необходимо начинать с дошкольного возраста. С позиций деятельностного подхода к патриотическому воспитанию дошкольников может выступать краеведческая работа в условиях дошкольной образовательной организации. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) ориентирует педагогов на познавательное развитие детей, в том числе и формирование представлений о родном крае. Вместе с тем содержание краеведческой работы должно предусматривать региональные особенности. Актуальной задачей организационно-методического сопровождения дошкольного образования становится поиск таких средств, которые, с одной стороны, позволят педагогу реализовать задачи ФГОС ДО в области социально-коммуникативного и познавательного развития, а с другой – будут содействовать формированию у дошкольников представлений о

родном городе.

Цель статьи – представить сравнительный анализ содержания примерных образовательных программ в аспекте формирования представлений дошкольников о родном городе, обосновать необходимость регионального компонента в содержании данной образовательно-воспитательной работы.

В разные исторические периоды жизни общество выдвигало своё содержание патриотического воспитания. Сегодня образование призвано обеспечить преемственность поколений, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» подчёркивается, что «система образования призвана обеспечить формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа

и судьбе России» [7, с. 4]. В этом документе также указывается, что для дальнейшего развития системы патриотического воспитания необходима качественная разработка организационно-методического обеспечения для каждого уровня образования. Одной из задач социально-коммуникативного развития в соответствии с ФГОС ДО является совершенствование представлений об объектах окружающего мира, о малой родине и Отечестве [8].

Формирование основ патриотизма начинается закладываться с чувства любви к своей малой родине. Ребёнок познаёт историю и культуру родного края в следующей последовательности: родной дом, родная улица, родной район, родной город, область, таким образом постепенно расширяя границы своего познания. Примерные программы дошкольного образования содержат задачи ознакомления с родным краем и городом. Рассмотрим содержание некоторых из примерных образовательных программ (таблица 1).

Анализ задач по ознакомлению старших дошкольников с ближайшим окружением и родным городом позволил выделить общие для многих программ направления работы: ознакомление детей с названием родного города, его жителями; ознакомление с названиями улиц ближайшего окружения, домашним адресом, адресом детского сада; формирование интереса к истории и достопримечательностям родного города, информации о наиболее значимых событиях в истории родного города; знакомство с выдающимися земляками, людьми, подвиги которых прославили родной край; формирование представлений о том, что каждый житель города должен активно участвовать в его благоустройстве в соответствии со своими возрастными возможностями.

Таким образом, примерные образовательные программы предоставляют общие требования по ознакомлению детей с ближайшим окружением и родным краем, на основании которых педагоги адаптируют задачи к особенностям конкретного региона. Исследования возможности постижения детьми истории и культуры родного края во второй половине XX в. (Н.Ф. Виноградова, С.А. Козлова и др.) выступили предпосылками для последующего изучения процесса приобщения детей к этой теме на уровне региона (Г.Н. Данилина, Л.Ю. Ильина, Ю.Н. Мамонова, М.Ю. Новицкая, А.А. Остапец, М.Е. Трубачева, Н.Г. Шейко и др.). Учёные пришли к выводу, что дошкольникам легче понять культуру своего близкого окружения. С позиции деятельностного подхода к содержанию патриотического воспитания подрастающего поколения может высту-

пить краеведческая работа. Краеведение – это многогранная познавательная, творческая и общественно полезная деятельность детей, направленная на комплексное изучение родного края (его природы, быта, хозяйства, культуры), активное участие детей в охране и сохранении природного и культурного наследия. Д.С. Лихачёв писал, что «краеведение учит людей любить не только свои родные места, но и знать о них, приучает их интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень» [5, с. 2].

В последнее десятилетие краеведение как особый образовательный ресурс вошло в практику работы дошкольных учреждений. Разработаны парциальные программы «Мир родного города», «Кругозор», «Крымский венок» и др. Значительным вкладом в методическое сопровождение краеведческой работы в дошкольном учреждении выступают пособия и региональные программы Л.Г. Мухомориной, М.А. Араджиони, А.А. Горькой (крымоведение) Н.Г. Шейко (петербургская модель краеведческой работы), Т.С. Комарова (московская модель краеведческой работы). Практический опыт работы педагогов представлен в многочисленных статьях (О.Н. Алексеева, Л.М. Захарова, Т.С. Комарова, Л.К. Стрататенко, Н.Н. Харитоновна и др.). Учитывая практическую ценность материалов статей, отметим региональный характер их содержания. Таким образом, содержание дошкольного образования в области ознакомления с родным городом, должно формироваться непосредственно каждой дошкольной организацией.

В соответствии с требованиями ФГОС ДО каждая дошкольная образовательная организация составляет свою программу. Программа состоит из обязательной части и части, формируемой участниками образовательных отношений. В части, формируемой участниками образовательных отношений, должны быть представлены выбранные и разработанные самостоятельно методики, формы организации образовательной работы, направленные на развитие детей в одной или нескольких образовательных областях, видах деятельности и культурных практиках.

В каждом городе есть свои особенности исторического развития, традиции и быт, специфические черты культуры и природы. Эти черты составляют тот феномен, который формирует в ребёнке интерес и привязанность к родному городу как основу патриотического чувства. Организация краеведческой работы может выступать как средство ознакомления дошкольников с родным городом. Поэтому так актуальна проблема разработки методических ре-

Таблица 1 – Сравнительный анализ образовательных программ в аспекте ознакомления дошкольников с родным городом

Название программы	Содержание работы	
	Старшая группа	Подготовительная группа
«Детство» (Т.И. Бабаева, А.Г. Гогоберидзе, О.В. Солнцева, 2014)	- ребёнок осваивает представления о своём городе: в названиях родного города, его достопримечательностях, в названиях ближайших улиц, назначении некоторых общественных учреждений города; - знает название своей страны, её государственные символы, проявляет интерес к жизни людей в других странах; - проявляет интерес к городу, в котором живёт, знает некоторые сведения о его достопримечательностях, событиях городской жизни.	- продолжается освоение представлений о родном городе – его гербе, названии улиц, некоторых архитектурных особенностях, достопримечательностях; - овладение представлениями об истории города и выдающихся горожанах, традициях городской жизни; - освоение представлений о родной стране – её государственных символах, проявление интереса к ярким фактам из истории и культуры страны и общества.
«Успех» (Н.В. Федина и др., 2015)	- формирование первичных представлений об объектах окружающего мира; - о малой родине и Отечестве, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках; - о собственном адресе (страна, город (село), улица, дом, квартира); - о родной стране, о государственных и народных праздниках, о символах государства (флаг, герб); - о Российской армии, о почётной обязанности защищать Родину; - о малой родине, достопримечательностях, культуре, традициях и некоторых выдающихся людях родного края.	- продолжается формирование представлений о собственном адресе (страна, город (село), улица, дом, квартира); - о своём месте в ближайшем социуме, государстве, его символах (флаг, герб, гимн); - закрепление и расширение представлений о столице России – Москве, - о государственных праздниках, о малой и большой родине, - достопримечательностях региона и страны, Российской армии; - воспитании уважения к защитникам Отечества; - о способах выражения уважения к памяти павших бойцов.
«Истоки» (Л.А. Парамонова, Т.И. Алиева, Т.В. Антонова, 2014)	- обсуждать с детьми некоторые важные общественные события, о которых говорят все вокруг (например, празднование определённой исторической даты, проведение спортивных соревнований, день города и т.п.); - продолжать знакомить детей с отечественной государственной символикой (флагом, гербом, гимном).	- продолжают знакомство с достопримечательностями родного города, с основной символикой родного города и государства (флаг, герб, гимн); - расширяют представления о профессиях взрослых и стремления ценить его общественную значимость; - дети знакомятся с государственным устройством России, с армией, флотом, воспитывается чувство гордости за достижения своей страны, её граждан.
«Детство с родным городом» (Т.И. Бабаева, А.Г. Гогоберидзе, О.В. Солнцева, 2014)	- развивать интерес к родному городу, его достопримечательностям, событиям прошлого и настоящего; - развивать способность чувствовать красоту природы, архитектуры своей малой родины и эмоционально откликаться на неё; - содействовать становлению желания принимать участие в традициях города и горожан, социальных акциях; - развивать чувство гордости, бережное отношение к родному городу; - познакомить детей с жизнью и творчеством некоторых знаменитых горожан.	- продолжать развивать у старших дошкольников интерес к родному городу, его достопримечательностям, событиям прошлого и настоящего; - расширять представления детей о том, что делает малую родину, родной город красивыми, развивать эмоциональную отзывчивость на красоту родного края; - содействовать проявлению инициативности и желанию принимать участие в традициях малой родины, культурных мероприятиях и социальных акциях; - формировать у детей представления о символике родного города (герб, флаг, гимн); - развивать чувство гордости за свою малую родину, её достижения и культуру, воспитывать бережное отношение к родному городу (селу); - продолжать знакомить детей с жизнью и творчеством некоторых знаменитых горожан.

Продолжение таблицы 1

Название программы	Содержание работы	
	Старшая группа	Подготовительная группа
«От рождения до школы» (под редакцией Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, М.А. Васильевой, 2014)	• дошкольникам рассказывают о самых красивых местах родного города, его достопримечательностях, дают детям доступные их пониманию представления о государственных праздниках; • рассказывают о Российской армии, о воинах, которые охраняют нашу Родину (пограничники, моряки, лётчики); • рассказывают детям о профессиях воспитателя, учителя, врача, строителя, о важности и значимости их труда; • расширяют представления о малой родине, формируют представления о том, что Российская Федерация (Россия) – огромная, многонациональная страна; • знакомят с флагом и гербом России, мелодией гимна.	• продолжать расширять представления о людях разных профессий; • расширять представления о родном крае, продолжать знакомить с достопримечательностями региона, в котором живут дети; • углублять и уточнять представления о Родине – России, закреплять знания о флаге, гербе и гимне России, расширять знания о государственных праздниках, углублять знания о Российской армии, воспитывать патриотические и интернациональные чувства, любовь к Родине; • воспитывать уважение к защитникам Отечества, к памяти павших бойцов.

комендаций на местном материале. В последнее десятилетие севастополеведение как особый образовательный ресурс вошло в практику работы школ и дошкольных учреждений города. С 2004 по 2013 гг. функционировала творческая группа педагогов-дошкольников под руководством известного автора серии книг по севастополеведению Е.Б. Алтабаевой. Методические разработки конспектов занятий, сценарий праздников, экскурсий по ознакомлению дошкольников с Севастополем систематизированы в шести выпусках сборника «Основы историко-краеведческой работы в дошкольном учебном учреждении». Модель направлений работы с дошкольниками по ознакомлению с родным городом представлена в первом сборнике (2006 год). Знакомясь с достопримечательностями родного города, ребёнок учится осознавать себя живущим в определённый временной период. Поэтому модель предполагает рассматривание с детьми содержательного материала сквозь призму прошлого, настоящего, будущего. Ознакомление детей с родным городом предполагается посредством трёх содержательных линий: «Картография, или мой дом, моя улица, мой район», «Люди моего города», «Разноцветная палитра города». Каждая содержательная линия, в свою очередь, делится на ряд тем. Ознакомление дошкольников с родным городом становится стержнем, вокруг которого интегрируются все виды деятельности. Модель представлена на рисунке 1.

Наиболее сложным вопросом остаётся отбор содержания тех знаний о родном городе, которые должны приобрести дети. В диссертационных исследованиях Н.А. Абрамовой, М.А. Горбовой указано, что диагностика результатов патриотического воспитания младших школьников включает следующие критерии: когнитивный (познавательный), мировоззренческо-ценностный, мотивационно-потребностный, деятельностно-поведенческий. Специфика дошкольного детства не позволяет полностью применить подобные методики. Вслед за Т.С. Комаровой [3] мы полагаем, что критериями оценки эффективности ознакомления дошкольников с родным городом выступают: знания о городе, в котором живёт ребёнок; проявление интереса и положительного эмоционального отношения к городу; деятельностно-поведенческие проявления. Говоря о первом критерии, необходимо отметить, что объём содержания знаний, например, о достопримечательностях родного города, имеет свою специфику для каждого региона и населённого пункта. Два последних критерия очень важны, но диагностика этих направлений может быть осуществлена только при условии постоянных наблюдений за детьми в процессе патриотического воспитания. Вместе с тем иллюстративно-объяснительный метод не должен выступать главным средством при формировании представлений. Исходя из возрастных особенностей дошкольников, основой построения работы по ознакомлению с родным городом является воспитание устойчиво-

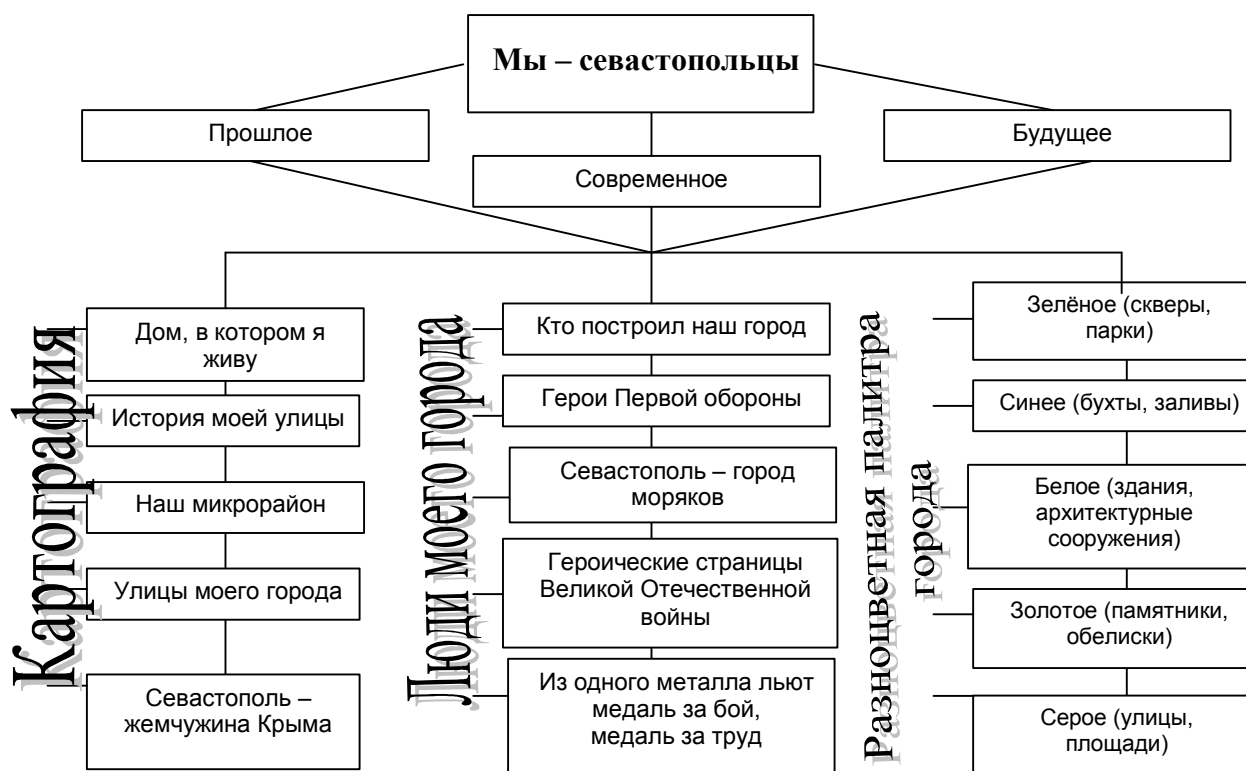


Рисунок 1 – Модель направлений работы с дошкольниками по ознакомлению с родным городом

го интереса к краеведческому материалу. Важное значение формирования у детей эмоционального отношения к родному городу подтверждено в работах исследователей в области краеведческой работы с дошкольниками (Н.Г. Волобуева [1], Л.М. Захарова [2], Е.Н. Коробкова, Н.Г. Шейко [4], О.В. Дорошенко, И.В. Максимова [6]).

Выводы. Краеведение является важным педа-

гогическим средством, расширяющим возможности ознакомления детей с родным городом, его историческим прошлым и особенностями современной действительности. Результаты работы с детьми по ознакомлению с родным городом – это наше будущее, это уверенность, что всё культурно-историческое и природное богатство, переданное нам по наследству, будет сохранено для потомков.

Список литературы

1. Волобуева, Н. Г. О региональном компоненте содержания дошкольного образования в области ознакомления детей дошкольного возраста с родным краем (Северо-восток России) / Н. Г. Волобуева // Материалы международной научной конференции «Педагогика: традиции и инновации», г. Челябинск, октябрь 2011 г., Т. I. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 68–71.
2. Захарова, Л. М. Историческое краеведение в работе с дошкольниками / Л. М. Захарова, И. Б. Мурабаракшина // Дет. сад от А до Я. – 2010. – № 4. – С. 4–14.
3. Комарова, Т. С. Организация педагогической работы по воспитанию любви к родному краю у старших дошкольников / Т. С. Комарова, Н. Г. Пантелеева // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2010. – № 1. – С. 30–35.
4. Коробкова, Е. Н. Город на ладошке. Культурно-образовательная программа для дошкольных учреждений с методическими рекомендациями / Е. Н. Коробкова, Н. Г. Шейко ; под науч. ред. Л. М. Ванюшкиной. – СПб. : СПб АППО, 2011. – 195 с.
5. Лихачёв, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М. : Искусство, 2000. – 440 с.
6. Максимова, И. В. Формирование патриотических чувств у старших дошкольников в процессе ознакомления с историей и культурой региона / И. В. Максимова, О. В. Дорошенко // Материалы IV международной научной конференции «Проблемы и перспективы развития образования», г. Пермь, июль 2013 г. – Пермь : Меркурий, 2013. – С. 40–43.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания

в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа : <http://www.firo.ru/>.

On the Problem of the Content of Pre-School Education for Children in the Field of Acquaintance with the Native City

O.Yu. Chervinskaya

Sevastopol State University
33 University str., Sevastopol, 299053, Russian Federation

M.V. Kalinchuk

Sevastopol State University
33 University str., Sevastopol, 299053, Russian Federation

Received 13.09.2016

Annotation. Patriotic upbringing is a long and complex process that has to be started with preschool age. Regional studies work can be performed as the point of activity approach to the preschool children's patriotic upbringing. The article discusses the possibility of local history work with pre-school children in the aspect of their acquaintance with the native city as one of the effective means of the patriotic education.

Keywords: patriotic upbringing, social and communicative development, the regional component of the content of knowledge of the native city.

For citation: Chervinskaya O. Yu., Kalinchuk M. V. On the Problem of the Content of Pre-School Education for Children in the Field of Acquaintance with the Native City. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 42–48 (in Russ.).

About authors: O. Yu. Chervinskaya, PhD (Pedagogics), Associate Professor of the Department "Pre-School and Primary Education" of the Institute of Humanities and Pedagogics of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", 13 Gagarina Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: olga-sgggu@yandex.ru; M. V. Kalinchuk, Second Year Student of the Master's Degree Courses, Department "Pre-School and Primary Education" of the Institute of Humanities and Pedagogics of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", 13 Gagarina Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: marina.kalinchuk@listl.ru.

References

1. Volobueva N. G. About Regional Component of the Maintenance of Pre-School Education in the Field of Acquaintance of Preschool Children with the Native Region (North-East of Russia). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pedagogika: traditsii i innovatsii», Chelyabinsk, oktyabr' 2011 g., T. I.* [Proceedings of the international. scientific. conf. "Education: Tradition and Innovation". Vol. I]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa Publ., 2011, pp. 68–71 (in Russ.).
2. Zakharova L. M., Murabarakshina I. B. Local History in Work with the Pre-School Children. *Istoricheskoe kraevedenie v rabote s doshkol'nikami*, 2010, no. 4, pp. 4–14 (in Russ.).
3. Komarova T. S., Panteleeva N. G. Organization of Pedagogical Work on Educating for Love of the Native Land at the Senior Preschool Children. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*, 2010, no. 1, pp. 30–35 (in Russ.).
4. Korobkova E. N., Sheiko N. G. *Kul'turno-obrazovatel'naya programma dlya doshkol'nykh uchrezhdenii s metodicheskimi rekomendatsiyami* [City on the Palm. Cultural and Educational Program for Pre-School Institutions with Methodological Recommendations. L. M. Vanyushkina, scientific. ed.]. St. Petersburg, St. Petersburg APPO Publ., 2011. 195 p.
5. Likhachev D. S. *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 440 p.
6. Maksimova I. V., Doroshenko O. V. Formation of Patriotism at the Senior Pre-School Children in the Course of Acquaintance with the History and Culture of the Region. *Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy i*

- perspektivy razvitiya obrazovaniya», g. Perm', iyul' 2013 g.* [Proceedings of the international. scientific. conf. "Problems and prospects of development of education"]. Perm, Mercury Publ., 2013, pp. 40–43 (in Russ.).
7. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29 maya 2015 g. № 996-r «Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Act of the Russian Federation from May 29, 2015 no. 996-r "Strategy of Development of Education in the Russian Federation for the Period till 2025"]. Available at: [Org.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html](http://org.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html).
 8. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart doskol'nogo obrazovaniya* [The Federal State Educational Standards of Preschool Education]. Moscow, 2013. Available at: <http://www.firo.ru/>.

Статью к печати рекомендовала Т. С. Науменко, кандидат педагогических наук, заведующая учебно-методической частью ЧУ СПО «Педагогический колледж № 2 г. Севастополя», e-mail: tata_naym@mail.ru.

UDC 811.111

Singular “They” in Gender Neutral Language

Aleksandra Nikolaevna Kuzmenko

*Sevastopol State University
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation*

Received 14.09.16

Abstract. In many languages the use of masculine pronouns for both genders was considered non-sexist according to historical and cultural backgrounds. However, with the rise of feminism the need for gender-neutral language has been awoken. The usage of singular “they” is the key feature of gender-neutral language as it allows avoidance of sexist “he” when the sex of a person is not known and of the excessive construction “he or she”. The aim of the article is to study the text materials used in the social spheres where gender neutral language is needed. In the process of investigation it has been found out that singular “they” is widely used in spheres of life where the official text refers to people in general.

Keywords: gender neutral language, singular “they”, feminism, sexism.

For citation: Kuzmenko A.N. Singular “They” in Gender Neutral Language. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 49–53.

About author: A. N. Kuzmenko, Assistant Lecturer of the Department “Foreign Languages and Teaching Methodology” of Institute of Humanities and Pedagogy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, 13 Gagarina Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: a-kuzmenko@list.ru.

Problem Statement. As it is clear from the grammar course of English Language, singular and plural personal pronouns are distinguished. Singular personal pronouns refer to one person or thing, and plural personal pronouns refer to more than one person or thing. It is also known that the pronouns of the third person usually refer back to some preceding noun or pronoun and ought to agree with them in person, number, and gender. For example, we would say:

“I will have an interview with an executive.” Still the person’s sex is not known and then, as it is right grammatically, one would say:

“I don’t know what he is like.”

Nowadays, the tendencies are that the language should be gender neutral. Gender-neutral language or gender-inclusive language is language that avoids bias toward a particular sex or social gender. If the sex of the person is not known, it is better to say:

“I don’t know what he/she is like.”

It is not the best solution as it is considered to be cumbersome. It is where singular “they” can be used.

Aim of the Article. To prove that singular “they” being the key-feature of gender neutral language finds an application in modern English language.

According to the Washington Post, singular “they,”

the gender-neutral pronoun, has been named the Word of the Year by a crowd of over 200 linguists at the American Dialect Society’s annual meeting in Washington, D.C. on January the 8th 2015 [6].

The Post’s style guide ratified this usage last, which caused some grammar pedants to protest. But as Post copy editor Bill Walsh explained, the singular they is “the only sensible solution to English’s lack of a gender-neutral third-person singular personal pronoun” [6].

In his guide to Good Writing Professor Marc A. Grinker states that the use of gender-neutral language may seem unnecessary to some writers, but the consistent use of masculine pronouns leaves the impression that women could not be among the group to which the writer is referring. While some may respond that the masculine pronouns “he” and “his” refer to men and women both, the impression left is in the eye of the reader, not that of the writer. Because many readers read masculine pronouns to refer only to men, the writer, perhaps inadvertently, will have created the wrong impression. Furthermore, in the practice of law, those who use only masculine pronouns may find later – to their great regret – that the supervising attorney or judge to whom the work was submitted would never use masculine pronouns as general terms in her work [5].

In English Grammar Today it is stated that the pronoun "it" can be used to refer to very small children and babies when they are generally spoken about, or when their gender. "It" is also used to refer to animals when they are not pets or when they are not personally known:

The baby in the flat next door is always awake and it just never seems to stop crying [4].

It is argued that the usage of singular "they" appears to be ungrammatical. However, it is stated that English speakers have used "they" and "their" for centuries to refer to someone of unknown gender, like in the sentence *"Everyone does their best"* [1].

In fact, the use of plural pronouns to refer back to a singular subject is not new: it represents a revival of a practice dating from the 16th century. It is increasingly common in current English and is now widely accepted both in speech and in writing [6].

British editor Tom Freeman: "Singular 'they' is over 600 years old, going back into Middle English. Great writers have used it, including Chaucer, Shakespeare, Swift, Fielding, Austen, Defoe, Byron, Thackeray and Shaw."

Neither of the sisters were very much deceived. – THACKERAY.

If the part deserve any comment, every considering Christian will make it themselves as they go. – DEFOE.

Every one must judge of their own feelings. – BYRON [3].

This method is proposed in An English Grammar, by W. M. Baskervill and J. W. Sewell where the authors state that another way of referring to an antecedent which is a distributive pronoun or a noun modified by a distributive adjective, is to use the plural of the pronoun following. This is not considered the best usage, the logical analysis requiring the singular pronoun in each case; but the construction is frequently found when the antecedent includes or implies both genders. The masculine does not really represent a feminine antecedent, and the expression his or her is avoided as being cumbersome [3].

Where she was gone, or what was become of her, no one could take upon them to say. – SHERIDAN [3].

Despite of singular "they" being used for many centuries, there are some opponents of this idea.

For example, as it is stated by Professor Marc A. Grinker in his The Law Student's Guide to Good Writing, "the key rule of thumb is to avoid using gender-specific language; resort to alternatives like "he or she" only if there is no way to write the sentence without the pronouns. In most cases, one can rewrite any sentence to

avoid the need for gender-based pronouns." He highlights the idea of avoiding "their" as an alternative to his or her. He states that "their" should be used only when referring to a plural subject [5].

English scholar Paul Brians says in *Common Errors in English Usage*: "It is wise to shun this popular pattern in formal writing" [9].

The writer Jen Doll: "Every time I see a singular *they*, my inner grammatical spirit aches ... The singular *they* is ear-hurting, eye-burning, soul-ravaging, mind-numbing syntactic folly" [9].

However, the usage of singular "they" is as popular as ever. Tom Chivers, a British poet, editor and live literature promoter, writing in London's daily *Telegraph* says: "If someone tells you that singular 'they' is wrong, you can firmly tell them to go to hell" [9].

As it has already been stated that according to the Washington Post, singular "they," the gender-neutral pronoun, has been named the Word of the Year at the American Dialect Society's annual meeting in Washington, D.C. on January the 8th 2015.

Attention should be drawn to the usage of singular "they" in practical terms.

As it is known, historically the usage of masculine pronouns was explained by androcentric society. The Feminism, that is a range of political movements, ideologies, and social movements that share a common goal: to define, establish, and achieve equal political, economic, personal, and social rights for women, has been fighting against the usage of sexist words especially since its third-wave. During the 1970s, feminists Casey Miller and Kate Swift created a manual, *The Handbook of Nonsexist Writing*, on gender neutral language that was set to reform the existing sexist language that was said to exclude and dehumanize women.

Nowadays singular "they" is widely used in social life, mass-media and legal acts of the USA, Britain, Canada, Western Europe etc.

To prove the above-mentioned fact the research of materials was conducted.

For instance, singular "they" is widely used in **Financial Planning**.

With a life interest trust, *the beneficiary* must be able to manage the income *they* receive (Spinal Muscular Atrophy Support UK: [www.smasupportuk.org.uk]. Retrieved from <http://www.smasupportuk.org.uk/protection-for-the-future-a-guide-to-trusts-and-wills>).

You may worry that if you leave your property (or your share in it) outright to your children, then you potentially create difficulties for your *spouse/partner* as *they* will be living in a house *they* do not fully own,

with all the insecurity that could bring (Trust Inheritance: [www.trustinheritance.com]. Retrieved from <http://www.trustinheritance.com/wp-content/uploads/2013/06/Will-Trusts-brochure.pdf>).

The *person* granting the power of attorney must be well enough to understand the document at the time *they* agree to it (Spinal Muscular Atrophy Support UK: [www.smasupportuk.org.uk]. Retrieved from <http://www.smasupportuk.org.uk/protection-for-the-future-a-guide-to-trusts-and-wills>).

Another popular area of neutral-language usage is **Teaching** (schools, universities, education articles etc.)

If you would like *another person* to collect your document for you, please email ssc@nottingham.ac.uk with *their* name, student number (if applicable), details of your order and the Centre that they will be collecting your order from. We will then be able to organise this for you (University of Nottingham Student Services Official Documents and Letters: [www.nottingham.ac.uk]. Retrieved from <https://www.nottingham.ac.uk/student-services/official-documents/index.aspx>).

Secret Student – choose *a student* and write *their* name on the cert at the start of the day (Teachers Pay Teachers: [www.teacherspayteachers.com]. Retrieved from <https://www.teacherspayteachers.com/Store/Rachel-Lynette>).

At McGill, *a student* is registered under *their* legal name as it appears on their legal document such as a birth certificate or study permit that have been provided to the University (McGill University. Student Records: [www.mcgill.ca]. Retrieved from <https://www.mcgill.ca/students/records/address>).

As it has been already shown in the examples of historical usage of singular "they", one of the most common are of usage is **Literature**.

These situations are difficult for *everyone* who finds *themselves* providing care for a person with AD (Death & Dying, Life & Living by Charles A. Corr, Donna M. Corr: [www.books.google.com]. Retrieved from https://books.google.com/books/about/Death_Dying_Life_Living).

As stated earlier, that is not the case for *everyone* who finds *themselves* behind the bars (Behind the Glass: Bad things happen to good people by Dr. Charlie B. Mayson: [www.books.google.com]. Retrieved from <https://books.google.com/books>).

The principle of universality, roughly speaking, upholds that a view that whatever is agreed or presented as being right must apply to *anyone* who finds *themselves* in the same situation (Sport, Ethics and Education by Peter Arnold: [www.books.google.com]. Retrieved from https://books.google.com/books/about/Sport_Ethics_and_Education).

The usage of gender-neutral language is needed in **Banking (Financies)**.

Please note that for tokenisation gateways, the *client* will need to pay an invoice manually using *their* credit card details before *their* information is transmitted to the merchant provider and a profile is created in their systems (The Complete Web Hosting Solution: [www.whmcs.com]. Retrieved from http://docs.whmcs.com/Payment_Gateways).

The client will see a \$0.50 charge on *their* card (uncaptured) which is released from Stripe after 7 days, that is used to validate *their* card (Managing a your scheduling is no small task, after all: [www.help.acuityscheduling.com]. Retrieved from <https://help.acuityscheduling.com/12344-diving-deeper/accept-payments>).

Challenge your *adviser* to see if *they* can justify or improve their service (Financial Website: [www.thisismoney.co.uk]. Retrieved from <http://www.thisismoney.co.uk/money/investing/article-2809925/How-make-sure-not-paying-commission-investments.html>).

Another sphere of wide use of singular "they" is **Proxy forms**. **Proxy forms** authorize third parties to vote on their behalf, thus, they are designed with the idea of the third parties' sex being unknown.

The person can only act as proxy if *they* are (or will be) registered individually (Government Services and Information: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/proxy-voting-application-forms>).

In addition, the *person* you wish to appoint as your proxy can only act as proxy if *they* are 18 (16 in Scotland) and are registered individually (About My Vote: [www.aboutmyvote.co.uk]. Retrieved from <http://www.aboutmyvote.co.uk/register-to-vote/apply-to-vote-by-proxy>).

It causes no doubt that the area of singular "they" extensive use is **Law**. Law is a system of rules that are enforced to govern behavior with the help of special law enforcement institutions. These rules are addressed to a vast quantity of people that makes it vital to use singular "they" to avoid the excessive usage of cumbersome phrases like "he or she", "his or her" etc.

The publications and policy papers were studied.

Those using this practice guidance will need to bear in mind when communicating with disabled children that *everyone* has the right to determine how *they* want to describe themselves (Departmental advice setting out how agencies and professionals should work together to safeguard the welfare of disabled children: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/safeguarding-disabled-children-practice-guidance>).

Where *a parent* is disabled it is important that *they*

are receiving support to meet their own needs, and are supported in *their* parenting role so that *they* are able to fulfill *their* responsibilities (Departmental advice setting out how agencies and professionals should work together to safeguard the welfare of disabled children: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/safeguarding-disabled-children-practice-guidance>).

When a *child* goes missing or runs away *they* are at risk (Statutory guidance for local authorities and their partners to stop children going missing and to protect those who do: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/children-who-run-away-or-go-missing-from-home-or-care>).

Missing from care: a looked after *child* who is not at *their* placement or the place *they* are expected to be (eg, school) and *their* whereabouts is not known (Statutory guidance for local authorities and their partners to stop children going missing and to protect those who do: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/children-who-run-away-or-go-missing-from-home-or-care>).

When a *child* has run away or is missing from home *they* should be able to easily access support services, such as help lines or emergency accommodation (Statutory guidance for local authorities and their partners to stop children going missing and to protect those who do: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/children-who-run-away-or-go-missing-from-home-or-care>).

Action should also be taken to promote the welfare of a *child* in need of additional support, even if *they* are not suffering harm or are at immediate risk (Keeping children safe in education: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/keeping-children-safe-in-education—2>).

It may involve conveying to a *child* that *they* are worthless or unloved, inadequate, or valued only insofar as they meet the needs of another person (Keeping children safe in education: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/keeping-children-safe-in-education—2>).

This part of the guidance is about managing cases of allegations that might indicate a *person* would pose a risk of harm if *they* continue to work in regular or close contact with children in their present position, or in any capacity (Keeping children safe in education: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/keeping-children-safe-in-education—2>).

With so many practitioners potentially involved in supporting children and families, it is essential that *everybody* is aware of *their* own areas of responsibility and those of others, how they interact and overlap with other roles, the skills and knowledge they require to do the job, and the limits to their competence (Healthy Child Programme: Pregnancy and the First 5 Years of Life: [www.gov.uk]. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/healthy-child-programme-pregnancy-and-the-first-5-years-of-life>).

Conclusions. Despite the historical usage of masculine pronouns for both genders and the controversy of singular “they” usage, with feminism rise and common gender-neutral tendency the usage of singular “they” when the constructions “he or she” or “he/she” seem excessive is widely common.

As it has been investigated, the singular “they” finds an extensive use in such spheres as Financial Planning, Banking, Teaching, Literature, Law etc. In other words, the area of usage is the spheres where it is addressed to many people whose sex is unknown, especially where the official text refers to people in general.

References

1. Abadi Mark. “They” was just named 2015’s Word of the Year. Business Insider Deutschland International, 2016. Available at : <http://www.businessinsider.de/the-word-they-named-2015-word-of-the-year-2016-1?r=US&IR=T> (accessed 12.09.2016).
2. Barabash T.A. *Posobie po grammatike sovremennogo anglijskogo yazyka* [Modern English Language Grammar Manual]. Moscow, YUNVES Publ., 2000, 329 p.
3. Baskervill W. M. and Sewell J. W. *An English Grammar*. Available at: http://www.proofreading-course.com/uploads/3/7/2/3372878/an_english_grammar_by_w._m._baskervill_and_j._w.pdf (accessed 12.09.2016).
4. *Cambridge Dictionary*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/us/grammar/british-grammar/> (accessed 12.09.2016).
5. Grinker Marc A. *The Legal Writing Teaching Assistant: The Law Student’s Guide to Good Writing*. Available at: <http://www.kentlaw.edu/academics/lrw/grinker/LWTA.htm> (accessed 12.09.2016).
6. Guo Jeff. *Sorry, Grammar Nerds*. The Singular ‘They’ Has Been Declared Word of the Year. The Washington Post, 2016. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/01/08/donald-trump-may-win-this-years-word-of-the-year/> (accessed 12.09.2016).
7. Krylova I.P. *Grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka*. [Grammar of Modern English]. Moscow, KDU Publ., 2005, 448 p.

8. *Oxford Dictionaries*. Language Matters. Oxford Dictionaries, 2016. Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/words/he-or-she-versus-they/> (accessed 12.09.2016).
9. Straus Jane. *How Can They Be Singular?* GrammarBook, 2015. Available at: <http://data.grammarbook.com/blog/pronouns/how-can-they-be-singular> (accessed 12.09.2016).

The article was recommended for publication by N.B. Samoilenko, Doctor of Science (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department "Foreign Languages and Teaching Methods" of Institute of Humanities and Pedagogy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", e-mail: sevschool@narod.ru.

УДК 811.111

Местоимение «They» в единственном числе в гендерно-нейтральном языке

Александра Николаевна Кузьменко

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Статья поступила 14.09.16

Аннотация. Во многих языках использование местоимений мужского рода для обоих полов не считается сексистским, что основывается на исторических и культурных традициях. Тем не менее, с возникновением феминистического течения появилась необходимость в гендерно-нейтральном языке. Использование местоимения «they» в единственном числе является ключевой особенностью гендерно-нейтрального языка, поскольку это позволяет избегать дискриминации по признаку пола, когда пол человека не известен, а также даёт возможность предотвратить чрезмерное употребление избыточной конструкции «he or she». Целью данной статьи является изучение текстовых материалов, используемых в социальных сферах, где необходим гендерно-нейтральный язык. В процессе исследования было установлено, что местоимение «they» в единственном числе широко используется в сферах жизни, где официальный текст предназначается для людей в целом.

Ключевые слова: гендерно-нейтральный язык, местоимение «they» в единственном числе, феминизм, сексизм.

Для цитирования: Kuzmenko A.N. Singular "They" in Gender Neutral Language. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 49–53.

Об авторе: А. Н. Кузьменко, ассистент кафедры «Иностранные языки и методика обучения» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: a-kuzmenko@list.ru.

UDC 378.2

Cultural Studies in Globalizing World

Natalia Borisovna Samoilenko

*Sevastopol State University
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation*

Received 12.09.2016

Abstract. In the article the information communication technologies as one of the pedagogical technologies in professional preparation of teacher is considered. The author exposes one of aspects of preparation of future specialists, related to integration of traditional and innovative methods of teaching. The basic tasks of using the project work are analysed: teacher's training to the professional using the project work on the basis of information communication technologies; forming for the teachers the abilities of using the project work in their professional activity; improving the educational process at the secondary and higher school on the basis of the project work; development of methods of using the project work in teaching foreign languages.

Keywords: information and communication technologies (ICT), educational project, project work, project activity, telecommunication project, professional activity.

For citation: Samoilenko N.B. Cultural Studies in Globalizing World. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 54–58.

About authors: N.B. Samoilenko, Doctor of Science (Pedagogy), Associate Professor, Professor of the Department "Foreign Languages and Teaching Methods" of Institute of Humanities and Pedagogy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", 13 Gagarina Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: sevschool@narod.ru.

Introduction. The contemporary teacher should focus on new pedagogical technology; remodel educational process and activity according to demands of the times; be able to work with modern information sources and information technologies; know how to include *information and communication technologies (ICT)* in students' work with the purpose of their learner-centered education [15].

It is very important to prepare students to compete in today's global economy by developing student competencies in cross-cultural awareness. As the pace of change quickens in today's world, the challenges of emerging technologies and a globally interdependent economy will demand much of students. They will need skills in technology, language and communication. To function effectively, they must understand and respect other cultures, be able to communicate with those who are culturally different, and understand events in other countries [16].

Today's learners have to navigate the world of work, study, and travel among people of diverse language backgrounds and unfamiliar cultures. Language and intercultural communication skills are considered to be

basic skills in our globalizing world. So cultural awareness is also a crucial 21st century skill. Being aware of other cultures and how they influence what people say, do or write is a key factor of critical literacy. Today we're going to look at the link between culture and language and the issue of raising cultural awareness in educational process and.

Sevastopol State University (SSU) is a scientific and educational complex, carrying out trainings for future specialists in different areas: pedagogy, psychology, philology, etc. Main fields and activities are multifaceted and include educational, methodological and scientific activities, as well as international cooperation. It offers academic programs at all levels including undergraduate, graduate, post-graduate ones.

At present SSU, Pedagogical Institution of Humanities (PIH) is actively modernising its academic models in line with the principles of the "Bologna process". The university extensively uses teaching quality management and student academic progress monitoring. Innovative teaching technologies are widely in use at SSU. The University has always put the importance of shaping intercultural communication with a global extension of

education at the forefront and support conducting various international educational and scientific programs.

Background. Anderson J. [1], Beer J.E. [2], Calloway-Thomas C. [4], Cooper P.J. state that shift of different populations within Europe due to social, cultural, commercial, educational, political reasons has caused language contact. Therefore, certain countries of distinct geographical areas serve as focal points due to their status and their languages have become ‘linguas francas’, i.e. mediums of communication of the wider areas they belong to. This entails that learning (a) second language(s) has become an issue more demanding than ever.

The language teaching profession’s interest in cross-cultural communication has increased during the past few decades. According to Kramsch, this development is due to political, educational, and ideological factors [14].

Further exploration of this aspect may be found in many sources. Intercultural communication has been described by a number of language educators, including Chen Guo-Ming [5], Stella Ting-Tomey [6], Cooper P.J., Calloway-Thomas C. & Simonds C.J. [7], William B. Gudykunst [8], William Starosta [9].

The primary characteristics of intercultural communication were summarized by James Neuliep. He provides a clear contextual circular model for examining communication within cultural, micro-cultural, environmental, socio-relational, perceptual contexts, and verbal and nonverbal codes, applies the model to the development and maintenance of intercultural relationships, the management of intercultural conflict, intercultural management, intercultural adaptation, culture shock, and intercultural competence [13].

Brinton, Snow, and Wesche state that in a content-based approach, the activities of the language class are specific to the subject matter being taught, and are geared to stimulate students to think and learn through the use of the target language [3].

Project work is viewed by most of its advocates “not as a replacement for other teaching methods” but rather as “an approach to learning which complements mainstream methods and which can be used with almost all levels, ages and abilities of students” [11].

The primary characteristics of project work summarized by Stoller are as follows: project work focuses on content learning through language learning; it is student-centered with the teacher playing a role in offering support and guidance throughout the process; it is cooperative rather than competitive; students can work on their own, in small groups, or as a class to complete a project; it leads to the authentic integration of skills and processing of information from varied sources, mirroring real-life tasks; it culminates in an end product

that can be shared with others; it is potentially motivating, stimulating, empowering, and challenging; students can build up confidence, self-esteem, and autonomy as well as improve their language skills, content learning, and cognitive abilities [17].

The main aim of teaching foreign languages is the formation of communicative competence. Project work (PW) in foreign language teaching allows the students to use a foreign language as means of learning, the way of expressing their own ideas, perception and comprehension of other peoples’ ideas and that is what develops students’ intellectual and creative abilities. The basis of PW is the development of cognitive skills of students, their critical and creative thinking, and the ability to build up their knowledge, skills to feel confident in the current volume of information.

Due to profound changes in the modern education system, a lot of new techniques have appeared which present an adequate approach to language teaching in modern conditions. Peculiarity of specialized students’ studying concerns the real possibility of practical skills application as well as of direct communication with native speakers. Personal-oriented technologies may form the conceptual basis for content determination of teaching strategies and selection of means of foreign language teaching [16].

Haines S. states that project work is becoming an increasingly popular feature within the ELT classroom. Common projects are class magazines, group wall displays about students’ countries and designs for cities of the future. A project involves students in deciding together what they want to do to complete a project whilst the teacher plays a more supporting role [12].

Some advantages of project work are:

- Increased motivation – learners become personally involved in the project.
- All four skills, reading, writing, listening and speaking, are integrated.
- Autonomous learning is promoted as learners become more responsible for their own learning.
- There are learning outcomes – learners have an end product.
- Authentic tasks and therefore the language input are more authentic.
- Interpersonal relations are developed through working as a group.
- Content and methodology can be decided between the learners and the teacher and within the group themselves so it is more learner centred.
- Learners often get help from parents for project work thus involving the parent more in the child’s learning. If the project is also displayed parents can see it at open days or when they pick the

child up from the school.

- A break from routine and the chance to do something different.
- A context is established which balances the need for fluency and accuracy.

Further exploration of this aspect may be found in many sources. Project work has been described by a number of language educators, including Carter and Thomas (1986), Ferragatti and Carminati (1984), Fried-Booth (1982, 1986), Haines (1989), Legutke (1984, 1985), Legutke and Thiel (1983), Papandreou (1994), Sheppard and Stoller (1995), and Ward (1988) [16].

Project work is potentially motivating, stimulating, empowering, and challenging. It usually results in building student confidence, self-esteem, and autonomy as well as improving students' language skills, content learning, and cognitive abilities.

Project work is work which focuses on completing a task. Project work normally involves a lot of resources – time, people and materials – and learners practice a range of skills and language systems.

Projects allow students to use their imagination and the information they contain does not always have to be factual. The students introduce themselves and their favourite things.

One of the great benefits of project work is its adaptability. You can do projects on almost any topic. They can be factual or fantastic. Projects can, thus, help to develop the full range of the learners' capabilities. Projects are often done in poster format, but students can also use their imagination to experiment with the form.

Project work, whether it is integrated into a content-based thematic unit or introduced as a special sequence of activities in a more traditional classroom, requires multiple stages of development to succeed. Fried-Booth (1986) proposes an easy-to-follow multiple-step process that can guide teachers in developing and sequencing project work for their classrooms. Similarly, Haines (1989) presents a straightforward and useful description of project work and the steps needed for successful implementation [10].

In our university and Sevastopol schools all students have to write a research work and to participate in the research work conference. When the time came to choose the research work theme, we decided to explore the impact of Internet assisted collaborative projects. The reason was that we had participated in several such projects myself and had got valuable knowledge and useful experience. Besides, we knew that universities and schools in many countries included such projects as the learning circles in their curriculum and it was also obvious for us that their role in the future would considerably increase taking into consideration

the processes of globalization and computerization.

That's why we decided to find out more about the value of collaborative Internet assisted projects as an educational method [15].

The aim of our research work was to find out how Internet collaborative projects affect the study process and what kind of benefits, if any, they give their participants. In our research work we focused on Internet collaborative projects of I*EARN (International Education and Resource Network), particularly on the concept of the Learning Circles and analyzed their role and benefits in education.

I*EARN is a non-profit global network that enables young people to use the Internet and other new technologies to engage in collaborative educational projects that both enhance learning and make a difference in the world [12].

We think the Learning Circle provides a structural approach to promoting cross-classroom collaboration with telecommunications. For teachers, it provides a way to team-teach with many different teachers in a virtual classroom. Developing working relationships with teachers all over the globe enables teachers to develop a very strong sense of the field of teaching. This professional development is more current and dynamic than more traditional avenues of education. For students, working in a collaborative setting with peers around the world gives them wider perspectives on issues and a greater understanding of similarities and differences. The work with others can be a powerful mirror that will help them see who they are, where they live, and who they live with in new way. This project will help students to find richness in cultures developed in different areas and aware they are not to be replaced by anything else, to develop their writing and communication skills in English, ICT skills.

The objectives we settled are:

- 1) getting information about different widely used Internet assisted collaborative projects, their history and implementation;
- 2) describing the projects in which Gymnasium № 24 and our university took part;
- 3) doing a research in order to compare the learning process and its results in the class that participated in My Hero project and in the class that studied using traditional methods;
- 4) summarizing students' and teachers' answers to find out their attitude towards collaborative projects, particularly My Hero, and their opinions about its benefits and effectiveness;
- 5) making a conclusion about the most important benefits of the project and its impact on the study process.

To achieve our aim and objectives, we used the following methods: searching and studying materials about collaborative projects on the Internet, making a questionnaire and conducting a survey, testing students' progress in learning English in the project and control classes using the tests elaborated at different Universities, consultations with the My Hero project coordinator and the teachers using the project method in their work.

Conclusion. In the process of our research work we came to the following conclusions:

- 1). Collaborative Internet assisted projects, My Hero in particular, are a really useful, effective method that can be integrated in the learning process. It brings students and teachers valuable benefits and stimulates students' learning.
- 2). The most valuable among the benefits are:
 - a) new knowledge and experience obtained while participating in the learning circles;
 - b) improved ICT skills and wider knowledge of computers and the Internet;
 - c) improved general language skills, especially reading and writing, and knowledge of the vocabulary of a specific topic;
 - d) experience and skills in teamwork;
 - e) getting acquainted with and learning about other world cultures;
 - f) contacts around the world.
- 3). Participating in My Hero and other projects

develops young people's personality, widens their outlook and makes the school life more interesting.

These conclusions can be proved by the results of the survey and tests which are reflected in numerous diagrammes we made. Analysing responses to the questionnaire, we found out that teachers' and students' attitude towards the project they implemented was positive. It's interesting that after its implementation students' evaluation of the project was much higher than before it, when we asked about their expectations. The survey we conducted in schools showed that ICT skills are better and progress in English language learning is faster in the class that participated in the project than in the control class. It can be explained by the longer time students spent working on the computers and by the challenging tasks they had to fulfill. As to the English learning, it was stimulated by the necessity to communicate with foreign partners and the intensive reading and writing assignments they had in the course of the project. Having written our research work, we had to present it at different research work conferences.

Doing it, we also mentioned some of such projects' problems the teams faced such as technical breakdowns or an irresponsible partner. But still we are strongly convinced that My Hero and other Internet assisted collaborative projects are a valuable and effective educational method which we hope will spread even wider in the nearest future.

References

1. Anderson Janice. *A Comparison of Arab and American Conceptions of 'Effective' Persuasion*. In *Intercultural Communication: A Reader*. Edited by Larry A. Samovar and Richard E. Porter. 8th ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 2002. 520 p.
2. Beer J.E. *Communicating Across Cultures: High and Low Context*. *Culture at Work*, 2003. 207 p.
3. Brinton D.M., Snow M.A. and Wesche M.B. (1989). *Content-based Second Language Instruction*. Boston: Heinle and Heinle Publishers.
4. Calloway-Thomas C., Cooper P. J., Blake C. *Intercultural Communication: Roots and Routes*, 1999. 307 p.
5. Chen Guo-Ming, Starosta William J. *Foundations of Intercultural Communication*, University Press of America, 2005. 205 p.
6. *Communicating Across Cultures*, Stella Ting-Tomey, 1999. 311 p.
7. Cooper P.J., Calloway-Thomas C., Simonds C.J. *Intercultural Communication: A Text With Readings*, 2007. 205 p.
8. *Cross-Cultural and Intercultural Communication*, William B. Gudykunst, 2003, 302 p.
9. *Foundations of Intercultural Communication*, Guo-Ming Chen and William Starosta, 2005, 340 p.
10. Fried-Booth, D. 1982. Project Work with Advanced Classes. *ELT Journal*, vol. 36, no. 2, pp. 98–103.
11. Haines S. 1989. *Projects for the EFL Classroom: Resource Material for Teachers*. Walton-on-Thames Surrey, U K: Nelson.
12. *I*EARN (International Education and Resource Network)*. Available at: <http://www.earn.org/>.
13. *About Intercultural Communication: A Contextual Approach* (4th ed.), James Neuliep, 2009, 415 p.
14. Kramsch C. *The Cultural Component of Language Teaching. Language, Culture and Curriculum*, 1995. Pp. 83–92.

15. Samoylenko N.B. Internet Collaborative Projects as an Effective Educational Method. "Building Bridges in ELT: Secondary School – University – Long-Life-Learning": *Proceedings International Conference Ukr. Depart. IATEFL (British Council)*. Kyiv, 2009, p. 5.
16. Samoylenko N.B. *Preparing Ukrainian Students for the Teaching Writing in Intercultural University Settings. Scientific Letters of Academic Society of Michal Baludansky*. Slovakia, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 114–117.
17. Stoller F. *Project Work: A Means to Promote Language and Content*. In: Richards J.C. & Renandya W.A., eds. *Methodology in Language Teaching: An Anthology of Current Practice*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 107–119.

УДК 378.2

Кросс-культурное обучение в глобализирующемся мире

Наталья Борисовна Самойленко

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Статья поступила 12.09.2016

Аннотация. В статье рассмотрены информационно-коммуникационные технологии как одна из составляющих инновационных педагогических технологий в профессиональной подготовке учителя. Автор раскрывает один из аспектов подготовки будущих специалистов, связанный с интеграцией традиционных и инновационных методов обучения. Анализируются основные задания применения метода проекта: подготовка учителя к профессиональному использованию метода проектов на основе использования информационных технологий; формирование у учителей умений применения метода проектов в профессиональной деятельности; совершенствование организации учебного процесса в средней и высшей школе на основе метода проекта; разработка методики применения метода проектов при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), учебный проект, метод проектов, проектная работа, телекоммуникационный проект, профессиональная деятельность.

Для цитирования: Samoilenko N.B. Cultural Studies in Globalizing World. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 54–58.

Об авторе: Н. Б. Самойленко, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки и методика обучения» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: sevschool@narod.ru.

УДК 811.161

Предикативное употребление компаратива с незнаменательной связкой «быть» в акмеистической поэзии С. М. Городецкого

Ольга Геннадьевна Твердохлеб

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»
ул. Советская 19, Оренбург, 460844, Российская Федерация

Статья поступила 27.07.2016

Аннотация. В статье предпринята попытка установить связь языковых особенностей поэтических текстов С. М. Городецкого с основными идейными установками акмеистов, среди которых требование внимания к вещным деталям и требование логичности. Приведены количественные данные об использовании компаративов в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого) с материально выраженной незнаменательной связкой *быть* с целью создания чёткой логической синтаксической структуры в поэзии Городецкого. Автор приводит иллюстративный материал, показывающий, что связка *быть* представлена в стихах Городецкого: а) в двусоставных предложениях, включающих сравнения трёх- и двухкомпонентной структуры; б) в форме изъявительного наклонения прошедшего времени единственного числа женского и мужского рода или будущего времени. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество С. М. Городецкого, а также поэзию Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: акмеизм, компаратив, С. М. Городецкий, вещьность, глагол-связка, логичность.

Для цитирования: Твердохлеб, О. Г. Предикативное употребление компаратива с незнаменательной связкой «быть» в акмеистической поэзии С. М. Городецкого / О. Г. Твердохлеб // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 59–65.

Об авторе: О. Г. Твердохлеб, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Языкознание и методика преподавания русского языка» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный педагогический университет», ул. Советская 19, Оренбург, 460844, Российская Федерация, e-mail: ogtwr@gmail.com.

Актуальность работы. Возросшее внимание лингвистов к проблемам художественной речи поэтов Серебряного века и особая значимость в современной науке междисциплинарных исследований на стыке литературоведения и лингвистики, требующих изучения лексики, семантики и стилистики художественного языка в единстве с поэтикой, делает наше исследование актуальным.

Обзор литературы. Изучение поэзии акмеизма, представителями которого были С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, М. А. Зенкевич, вызывает интерес критики со времени своего возникновения (см. сборник статей критиков-современников: [1]). На сегодня существуют серьёзные работы как литературоведов (В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, М. Л. Гаспаров, Л. Г. Кихней, О. А. Клинка, Е. В. Меркель, О. А. Лекманов, Р. Д. Тименчик, О. В. Червинская и мн. др.), так и лингвистов (В. В. Виноградов, С. С. Аверинцев и др.).

Исследования, посвящённые конкретным по-

этам, обычно литературоведческого направления.

Однако изучению поэзии одного из ведущих деятелей литературного Серебряного века Сергея Митрофановича Городецкого (1884–1967), оказавшего непосредственное влияние на формирование акмеизма, даже в литературоведческом аспекте посвящено небольшое количество работ: Т. В. Щербакова сделала попытку охарактеризовать эволюцию Городецкого с учётом изменений его творческих принципов от символизма к акмеизму [18]; в работе И. А. Островской основное внимание уделено образу автора и разработке мифа в творчестве поэта [11]; работа Л. В. Павловой отличается обстоятельным разбором начального этапа творческой деятельности Городецкого [12]; выбор определённых «акмеистических доминант» в творчестве поэтов-акмеистов описывает А. А. Чабан [17]; А. А. Моисеева делает попытку реконструировать прототипическую национальную картину мира, отображённую в поэзии Городецкого [9].

Работ же лингвистического характера до сих

пор практически нет.

Постановка проблемы. Ключевые идеи акмеистов находим в знаменитых программных манифестах акмеистов, написанных в начале прошлого века.

В журнале «Аполлон» за 1913 в № 1 было опубликовано две статьи: «Наследие символизма и акмеизм» Н.С. Гумилёва [4], «Некоторые течения в современной русской поэзии» С.М. Городецкого [3].

Статья «Утро акмеизма» О.Э. Мандельштама была напечатана в 1919 году [8].

Перечисленные работы включали целый ряд положений, среди которых были требование вещественной реальности и требование логичности.

Постулируя в своей программной декларации новые акмеистические установки, С.М. Городецкий заявляет о «бесповоротном приятии» акмеизмом мира «во всей совокупности красот и безобразий», мира «хорошего самого по себе», вне своих мистических «соответствий» [3, с. 205].

Поэтому доминантным для акмеистов становится художественное освоение мира, яркого и красочного, многообразного и определённого, отчётливого и зримо конкретного: осязаемого, видимого, слышимого.

Изображение этого вещного, предметного, реального земного мира потребовало замены «поэзии намёков и настроений» на «искусство точно вымеренных и взвешенных слов», когда особо ценится отточенность деталей, точно выстроенная композиция, предметная чёткость стиха, «живописная, графическая чёткость образов», «графичность в сочетании слов» [6, с. 31], а также логическая ясность.

Возникшее требование логичности обусловило вовлечение в поэтический текст определённых грамматических построений.

Как мы указывали ранее, «логико-лингвистическими построениями, свойственными русскому синтаксису, становятся у акмеистов разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику – степень сравнения имён прилагательных, наречий, слов категории состояния» [14].

В структуре сравнения обычно выделяют три элемента [5, с. 224], выражающихся эксплицитно или имплицитно: *субъект сравнения* (то, что сравнивается), *объект сравнения* (то, с чем сравнивается) и *основание (признак) сравнения* (общее у сравниваемых предметов).

Предназначенные для выражения градационного сравнения (по соотношению измеряемого) объектов реального мира, вне действия, статически,

компаративы оказываются весьма полезны для акмеистического обозначения предметов, «вещей» в состоянии статики.

Целью статьи является описание особенностей предикативного употребления компаратива в поэзии С.М. Городецкого в связи с основными идейными установками акмеистов, среди которых требование внимания к вещным деталям и требование логичности.

Объектом данной статьи стал язык поэзии С.М. Городецкого.

Предметом исследования стали компаративные конструкции с материально выраженной незначительной связкой *быть*, способствующие выполнению задач, заявленных акмеистами в их программных статьях.

Материалом исследования послужили более 2,5 тысяч конструкций с компаративами, обнаруженных нами путём сплошной выборки из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10] и с разной степенью частотности используемых поэтами-акмеистами (анализ некоторых количественных данных приводится в нашей предыдущей работе [15]).

При этом в подборке «компаративы» по подкорпусу «С.М. Городецкий» НКРЯ выдал:

- 116 документов из найденных 333 общим объёмом 4 103 предложения;
- 251 вхождение – 0,8% от 31 233 слов.

Под компаративами принято понимать являющиеся грамматическими омонимами имена прилагательные, наречия и слова категории состояния (безличные предикативы, предикативные наречия) в сравнительной степени.

Компаративы как логические грамматические средства выражения неравной меры проявления признака, присущего сопоставляемым предметам, в предложении номинируют основание сравнения. В предложении они выступают в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого), определения и обстоятельства.

Проведённый нами анализ полученных в результате этой выборки конструкций выявил, что в предикативном употреблении компаративы наиболее часто функционируют с нулевой связкой (около 70 случаев), гораздо реже с материально выраженной незначительной связкой *быть* (около 20).

В данной работе опишем детально только **модель «компаратив + быть»**.

Наиболее употребляемая в русском языке связка – материально выраженная незначительная связка *быть*, обозначающая «констатацию» наличия признака предмета в «чистом» виде [7, с. 96–97], в

компаративных конструкциях указанной модели в акмеистическом тексте С.М. Городецкого представлена небольшим количеством:

- 1) в двусоставных предложениях:
 - трёхкомпонентной структуры сравнения (состав: субъект сравнения + основание сравнения + объект сравнения), ср. конструкции, где в роли объекта сравнения представлены:

- о имя в форме родительного падежа (этот синтаксический способ В.В. Виноградов называл «одним из излюбленных Ахматовой средств нового, непривычного сцепления „фраз”» [2, с. 409]; по данным нашей картотеки, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени при компаративах в поэтических текстах А.А. Ахматовой почти пятьюдесятью случаями [16, с. 46]):

Прекрасен был их первый день.

Прекрасней всех пришедших дней...

[С.М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)];

- о лексемы *всего*, *всех*, при помощи которых обычно образуется сложная превосходная степень, выражающая «значение большой степени проявления признака» [13, § 1307]:

Прекрасен был их первый день.

<...>

Смелее всех и всех ясней.

[С.М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)];

- о сравнительный оборот с союзом *чем*:

И с утром ангел прилетел,

Готовя светлым их удел.

Он был чудесным и нагим,

Без пола, зависти и слёз,

Нежнее, чем стволы берёз...

[С.М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)];

- двухкомпонентной структуры сравнения (состав: субъект сравнения + основание сравнения), где объект сравнения не выражен, а компаратив в таких имплицитно релятивных (абсолютных) конструкциях опирается на абстрактную норму признака, ср.:

«Поцелуй, зацелуй до утормы! –

Молвил той, что постарше была.

[С.М. Городецкий. Древеницы (1906.06.19)];

- 2) в безличных предложениях, в частности, в отрицательных предложениях, напр.:

А ничего на свете не было

Ясней их вод прозрачно-солнечных,

Что в тишине своей неслыханной

Одну волну вздымали полночью.

[С.М. Городецкий. «Два озера в лесу задумались...» [Скорбящая весна, 5] (1911)].

В своих стихах поэт использует материально-

выраженную связку *быть* в разных временных формах с неодинаковой частотностью, что объясняется несколькими факторами.

1. Форма изъявительного наклонения прошедшего времени используется в ряде стихотворений. Поэт, анализируя ситуацию в прошлом логически, через сравнение, как бы оглядывается назад, а ведь то, что уже произошло, можно и охарактеризовать детальнее, и оценить. Такое сравнение явлений, имевших место в прошлом, для читателя достаточно реалистично, и потому закономерно. Напр.:

«Поцелуй, зацелуй до утормы! –

Молвил той, что моложе была.

[С.М. Городецкий. Древеницы (1906.06.19)].

Во всех случаях С.М. Городецкий использует формы прошедшего времени только единственного числа, но разного рода:

- а) женского рода, в частности, в конструкции, где субъектом сравнения является:

- лирическая героиня, ср. примеры с относительным местоимением (*что*) в именительном падеже, указывающем на лицо женского пола (*та*), напр., в стихе с повтором строф при смене только основания сравнения:

«Поцелуй, зацелуй до утормы! –

Молвил той, что постарше была. –

Залучу в золотые хоромы,

В жемчуга облеку до чела».

«Поцелуй, зацелуй до утормы! –

Молвил той, что моложе была. –

Залучу в золотые хоромы,

В жемчуга облеку до чела».

[С.М. Городецкий. Древеницы (1906.06.19)];

- б) мужского рода единственного числа – с субъектом сравнения, номинирующем:

- лирического героя – сверхъестественное существо, ср. пример с личным местоимением 3-го лица (*он*) в именительном падеже, указывающем на *ангела*:

Так прилетело утро к ним.

И с утром ангел прилетел,

Готовя светлым их удел.

Он был чудесным и нагим,

Без пола, зависти и слез,

Нежнее, чем стволы берёз.

[С.М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)];

- абстрактное понятие, ср. имена существительные в именительном падеже:

Прекрасен был их первый день,

Прекрасней всех пришедших дней...

[С.М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)];

- в) среднего рода единственного числа – с субъек-

ектом сравнения:

- отсутствующим, обозначенным отрицательным местоимением (*ничто*) в родительном падеже:

А ничего на свете не было

Ясней их вод прозрачно-солнечных,

Что в тишине своей неслыханной

Одну волну вздымали полночью.

[С.М. Городецкий. «Два озера в лесу задумались...» [Скорбящая весна, 5] (1911)].

Субъекты сравнения расположены по отношению к компаративу:

- контактно и дистантно;
- в пре- и в постпозиции.

2. Все обнаруженные нами случаи компаратива со связкой *быть* в форме будущего времени представлены в структуре только одного стихотворения.

Такое ограниченное использование при компаративе связки в будущем времени, на наш взгляд, обусловлено стремлением автора вызвать доверие у читателя, который из опыта знает, что будущее событие в какой-то степени лишь предсказание, которое может и не произойти.

Ср. компаративные конструкции:

- двухкомпонентной структуры сравнения (состав: субъект сравнения + основание сравнения) с семью с повторяющимися субъектами сравнения (*бровь, кровь, кров*) при разных основаниях сравнения (*смуглее, алее, острее, быстрее, теснее, любовней*) и в двух случаях с повторяющимися субъектами сравнения (*ров, скаты ров*) при компаративах (*страшнее, внезапней*) без связки, значение будущего времени в которых выводится контекстуально:

Сыпься, сыпься, белый снег!

Тем смуглее будет бровь.

Тем алее будет кровь.

Мчи нас, мчи нас, конский бег!

Тем острее будет бровь.

Тем быстрее будет кровь.

Бейся, бейся, женский крик!

Тем теснее будет кров.

Тем страшнее встречный ров.

Прячься, прячься, смуглый лик!

Тем любовней будет кров.

Тем внезапней скаты ров.

[С.М. Городецкий. Смуглая [Радуга, 2] (1907)].

Обратим внимание на паронюмию всех лексем, представленных в роли субъекта сравнения, номинирующих:

- часть тела лирического героя (*бровь, кровь*)
- здания и пространства (*кров, ров, скаты ров*).

Во всех случаях лексема *будет* расположена по отношению к компаративу:

- контактно;
- в постпозиции (обратный порядок слов подчёркивает эмоциональность).

3. Связка в форма настоящего времени (*есть*) при компаративе в нашем материале не обнаружена.

В современном русском литературном языке для выражения настоящего времени обычно связка опускается; отсюда и отсутствие стилистически окрашенной книжной связки настоящего времени *есть* в поэтическом языке С.М. Городецкого.

Выводы. Главные идеи акмеизма, выдвинутые в программных статьях акмеистов и связанные с логическим изображением реального мира, находят отражение в акмеистической поэзии в использовании сравнений как логико-лингвистических построений русского синтаксиса. С целью создания чёткой, логической синтаксической структуры С.М. Городецкий употребляет компаративы в функции сказуемого (именной части составного именного сказуемого) с материально выраженной незнаменательной связкой *быть*.

Связка *быть* при компаративах представлена:

а) в двусоставных предложениях со сравнениями трёх- и двухкомпонентной структуры; б) в форме изъяснительного наклонения прошедшего и будущего времени.

Предложенные здесь способы описания компаративных сравнений могут быть применены в дальнейшем при анализе поэтических текстов других поэтов-акмеистов.

Список литературы

1. Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан ; вступ. ст., примеч. О. А. Лекманова. – СПб. : Изд-во Тимофея Маркова, 2014. – 544 с.
2. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. – М. : Наука, 1976. – С. 367–459.
3. Городецкий, С. Некоторые течения в современной русской поэзии / С. М. Городецкий // Антология акмеизма : Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. – М. : Московский рабочий, 1997. – С. 202–207.

4. Гумилёв, Н. Наследие символизма и акмеизм [Электронный ресурс] / Н. Гумилёв // Аполлон. – 1913. – № 1. – С. 42–45. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 05.06.2016).
5. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М.: МГУ, 1961. – 508 с.
6. Жирмунский, В. М. Преодолевшие символизм [Электронный ресурс] / В. М. Жирмунский // Русская мысль. – М. – 1916. – № 12. – С. 25–56. – Режим доступа: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (дата обращения: 05.06.2016).
7. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. – М.: Высш. шк., 1976. – 143 с.
8. Мандельштам, О. Э. Утро акмеизма [Электронный ресурс] / О. Э. Мандельштам // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т. 1. – Режим доступа: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (дата обращения: 05.06.2016).
9. Моисеева, А. А. Реконструкции славянских мифов в поэтических циклах К. Бальмонта, С. Городецкого, А. Кондратьева // Филологические заметки. – 2012. – Т. 1. – № 10. – С. 177–181.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.11.2015).
11. Островская, И. А. Поэтическое творчество С. Городецкого (проблематика и эволюция) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Островская Ирина Александровна. – М.: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1988. – 17 с.
12. Павлова, Л. В. Парадигмы 1907 года: «Ярь» С. Городецкого и «Эрос» Вяч. Иванова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Павлова Лариса Викторовна. – Смоленск, 1994. – 272 с.
13. Русская грамматика [Электронный ресурс] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1–2. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения: 11.07.2016).
14. Твердохлеб, О. Г. Объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени в акмеистическом языке М. А. Зенкевича [Электронный ресурс] / О. Г. Твердохлеб // NovaInfo.Ru (Электронный журнал). – 2016. – № 47-3. – С. 199–205. – Режим доступа: <http://novainfo.ru/article/6704> – (дата обращения: 26.06.2016).
15. Твердохлеб, О. Г. Простые формы сравнительной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния в поэзии акмеистов (статистические данные) [Электронный ресурс] / О. Г. Твердохлеб // Научная интеграция. Сборник научных трудов. – М.: Перо, 2016. – С. 1170–1172. – Режим доступа: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf) (дата обращения: 05.06.2016).
16. Твердохлеб, О. Г. «Вещность» и объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени, в поэтическом языке акмеистов: А. А. Ахматова / О. Г. Твердохлеб // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2016. – № 2 (21). – С. 43–53.
17. Чабан, А. А. О «Поэтическом манифесте» акмеистов работы С. Городецкого / А. А. Чабан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 3. – С. 212–217.
18. Щербакова, Т. В. Поэзия С. М. Городецкого (1906–1918) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Щербакова Татьяна Валерьевна. – М., 2013. – 30 с.

Predicative Use of Comparative with Nonsignificant Copula “to be” in Poetry of S.M. Gorodetsky

O.G. Tverdokhlebo

*Orenburg State Teacher Training University
19 Sovetskay St., Orenburg, 460844, Russian Federation*

Received 27.07.2016

Abstract. The article makes an attempt to communicate linguistic characteristics of the poetry of S.M. Gorodetsky with the basic ideological attitudes of the acmeists, including the requirement of attention to real detail and the requirement of consistency. Quantitative data on the use of comparatives in the function of predicate (nominal part of compound nominal predicate) with financially expressed nezamenitelny ligament “to be” to create a clear and logical syntactical structure in poetry Gorodetsky. The author gives illustrative material, showing that the ligament “to be” represented in the poems by Gorodetsky: a) in a two-member sentences, including comparing three – and two-component structure; b) in the form of indicative mood past tense singular of the feminine and masculine. The results obtained in the work may be interesting for literary scholars that explore the work of S.M. Gorodetsky, and poetry of the Silver age. The obtained results can find application in the practice of compiling a dictionary of the poet.

Keywords: the Acmeism, comparativ, S.M. Gorodetsky, materiality, copula, logic.

For citation: Tverdokhlebl O.G. Predicative Use of Comparative with Nonsignificant Copula “to be” in Poetry of S.M. Gorodetsky. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 59–65 (in Russ.).

About author: O.G. Tverdokhlebl, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of “Linguistics and Methodology of Teaching Russian Language” of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Orenburg State Teacher Training University”, 19 Sovetskay St., Orenburg, 460844, Russian Federation, e-mail: ogtwr@gmail.com.

References

1. Lekmanov O.A., Chaban A.A. (comp.) *Akmeizm v kritike*. 1913–1917 [The Acmeism in criticism. 1913–1917]. St. Petersburg, Publ. Timofeya Markova, 2014. 544 p.
2. Vinogradov V.V. O poezii Anny Akhmatovoj (Stilisticheskie nabroski) [About the Poetry of Anna Akhmatova (Stylistic Sketches)]. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Poetika russkoj literatury* [The Poetics of Russian Literature: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 367–459.
3. Gorodetskiy S. Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoj poezii [Some Currents in Contemporary Russian Poetry]. *Antologiya akmeizma: Stikhi. Man ifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* [Acmeism Anthology: Poems. Mani Festos. Article. Notes. Memoirs]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1997. Pp. 202–207.
4. Gumilyov N. Nasledie simvolizma i akmeizm [The Heritage of Symbolism and Acmeism]. *Apollon*, 1913, no. 1, pp. 42–45. Available at: <http://www.gumilev.ru/clauses/2/> (accessed 05.06.2016).
5. Efimov A.I. Stilistika hudozhestvennoj rechi [Stylistics of Artistic Speech]. Moscow, Moscow State University Publ., 1961. 508 p.
6. Zhirmunskij V.M. Preodolevshe simvolizm [Overcame the Symbolism]. *Russkaya mysl'*, Moscow, 1916, no. 12, pp. 25–56. Available at: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (accessed 05.06.2016).
7. Lekant P.A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennoy russkom yazyke* [Types and Forms of the Verb in Modern Russian Language]. Moscow, Higher school Publ., 1976. 143 p.
8. Mandelstam O.E. Utro akmeizma [Morning of Acmeism] // *Sobranie sochinenij v 4 tt.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, Art-Business-Centre Publ., 1993, vol. 1. Available at: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm (accessed 05.06.2016).
9. Moiseeva A.A. Reconstruction of Slavic Myths in the Poetic Cycles by K. Balmont, S. Gorodetsky, A. Kondratyev. *Filologicheskie zametki*, 2012, vol. 1, no. 10, pp. 177–181 (in Russ.).
10. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru> (accessed 25.11.2015).
11. Ostrovskaya I.A. *Poeticheskoe tvorchestvo S. Gorodeckogo (problematika i ehvolyuciya). Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Poetry S. Gorodetsky (Issues and Evolution). Extended abstract of Cand. Sci. Diss. (Filol.)]. Moscow, 1988. 17 p. (in Russ.).
12. Pavlova L.V. *Paradigmy 1907 goda: “Yar” S. Gorodeckogo i “Eros” Vyach. Ivanova. Diss. kand. filol. nauk* [Paradigm 1907: “Yar” by S. Gorodetsky, and “Eros” Vyach. Ivanova. Cand Sci. Diss. (Filol.)]. Smolensk, 1994. 272 p.
13. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. In 2 vols. N.Yu. Shvedova (ed.) [et al.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1–2. Available at: <http://rusgram.narod.ru> (accessed 11.07.2016).
14. Tverdokhlebl O.G. Ob’ekty sravneniya, vyrazhennyye formoj roditel’nogo padezha imeni v akmeisticheskom yazyke M.A. Zenkevicha [The Objects of Comparison Expressed by the Genitive Form of the Name in Eclecticism Language M.A. Zenkevich]. *NovaInfo.Ru*, 2016, no. 47-3, pp. 199–205. Available at: <http://novainfo.ru/article/6704> (accessed 26.06.2016).
15. Tverdokhlebl O.G. *Prostye formy sravnitel’noj stepeni prilagatel’nyh, narechij i slov kategorii sostoyaniya v poezii akmeistov (statisticheskie dannye)* [Simple Forms of Comparative Degree Adjectives, Adverbs and Words of Category of State in the Poetry of Acmeists (Statistical Data)]. Nauchnaya integraciya. Sbornik nauchnyh trudov [Scientific Integration. Collection of Scientific Works]. Moscow, Publ. House “Pero”, 2016. Pp. 1170–1172. Available at: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf) (accessed 05.06.2016).
16. Tverdokhlebl O.G. “Veshchnost” i ob’ekty sravneniya, vyrazhennyye formoj roditel’nogo padezha imeni, v poeticheskom yazyke akmeistov: A. A. Akhmatova [“Materiality” and the Comparison Objects Expressed by the Genitive Form of the Name, in the Poetic Language of the Acmeists: A.A. Akhmatova]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel’nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*. Voronezh, 2016, no. 2 (21), pp. 43–53.
17. Chaban A.A. O “Poeticheskom manifeste” akmeistov raboty S. Gorodeckogo [About “Poetic Manifesto” of the

Acmeists Work S. Gorodetsky]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2010, no. 3, pp. 212–217.

18. Shcherbakova T.V. Poehziya S.M. Gorodeckogo (1906–1918). *Avtoreferat of Diss. kand. filol. nauk* [Poetry of S.M. Gorodetsky (1906–1918). Extended abstract of Cand. Sci. Diss. (Filol.)]. Moscow, 2013. 30 p. (in Russ.).

Статью к печати рекомендовала Л. А. Моря, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Журналистика и славянская филология» ГПИ СевГУ, e-mail: liliamor79@mail.ru.

УДК 72.009

Страницы крымской жизни М. И. Петипа. К вопросу о развитии курортных парков в Крыму

Екатерина Михайловна Коляда

*ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
набережная реки Мойки 48, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация*

Статья поступила 9.08.2016

Аннотация. На протяжении многих лет великий французский танцовщик и русский балетмейстер Мариус Петипа приезжал в Гурзуф для того, чтобы отдохнуть с семьёй и поправить своё здоровье. Об этой странице частной жизни Петипа известно очень мало. Статья посвящена архитектуре курортных городов Крыма, где в разное время семья балетмейстера проводила летнее время.

Ключевые слова: Петипа, Крым, Гурзуф, курорт, творчество, русский балет.

Для цитирования: Коляда, Е. М. Страницы крымской жизни М. И. Петипа. К вопросу о развитии курортных парков в Крыму / Е. М. Коляда // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 66–74.

Об авторе: Е. М. Коляда, доктор искусствоведения, профессор кафедры «Художественное образование и декоративное искусство» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, e-mail: ekaterinkolyada@yandex.ru.

Постановка проблемы. В конце XIX – начале XX века на Южном берегу Крыма отдыхали, поправляли здоровье, творили многие известные россияне. Среди людей искусства, чьё имя неразрывно связано с Южным берегом Крыма, оказался и Мариус Иванович Петипа (Marius Petipa, 1818–1910) – французский и русский балетный танцор, педагог, балетмейстер, видный театральный деятель. Если о частной жизни великого балетмейстера известно не очень много, то о том, как проводила время его семья, подолгу отдыхая в Крыму, публикаций вообще нет. К сожалению, ни одно здание, связанное с именем великого балетмейстера, до наших дней не сохранилось в том виде, в котором его видел Петипа. Но есть воспоминания о тех временах и сохранились старинные фотографии, которые хоть и с определённой степенью условности, но позволяют представить архитектурную среду южнобережных курортов того времени.

Цель статьи. Данная статья ставит целью определить места пребывания семьи Петипа на полуострове в разное время и проанализировать художественно-образную сторону архитектурных памятни-

ков, связанных с жизнью Мариуса Ивановича в Крыму.

В конце XIX в. Южный берег Крыма превращается в популярное место отдыха [1; 2; 8; 9]. Интерес к Крыму положил начало развитию курортного строительства [6; 7; 11; 19]. Хотя процесс организации курортов на полуострове протекал медленно и без должного внимания со стороны властей, для прибывающей публики открывали свои двери гостиницы, частные пансионаты, дачи, стремительно возникающие в местах паломничества туристов и рассчитанные на жильцов с разными доходами.

Посещение Крыма великим танцовщиком и балетмейстером Мариусом Петипа не было данью моде, а явилось жестокой необходимостью. Долгие годы Петипа страдал хроническим бронхитом и на Южный берег он приезжал лечиться и отдыхать с семьёй. Пребывание затягивалось на долгое время, семья жила в Крыму почти по полгода (с конца марта до конца августа)¹.

В Крым Мариус Петипа, его супруга Любовь Леонидовна и младшая дочь Вера впервые приехали на отдых в 1900 г.² В своём дневнике за 1903 г.

¹ Некоторые авторы пишут, что Петипа жил в Крыму, в частности в Гурзуфе, постоянно. Но отметки в паспорте, дневники балетмейстера, упоминания многих современников Петипа о его работе над балетами в Санкт-Петербурге в период с 1899 по 1910 гг. указывают, что балетмейстер всегда возвращался в столицу. Паспорт Петипа хранится в Российском государственном историческом архиве в Фонде Дирекции императорских театров в деле «О службе балетмейстера Мариуса Петипа. 1847–1910». Там же приказ по Дирекции от 14 июля за № 2000 об исключении М.И. Петипа из списков Дирекции императорских театров (л. 447). <http://www.1-yalta.com/gurzuf-history-7.html>.

² С 1900 г. в Крым семья Петипа приезжала ежегодно, за исключением 1905 г. Тогда Петипа отправился на отдых за рубеж. В этом году балетмейстер чувствовал себя значительно лучше, чем раньше. В своём дневнике он записал: «2 мая. Завтра едем в Париж. 18 августа. Вернулись из нашего путешествия, продолжавшегося 35 месяцев, – я, жена и дочь моя Вера. Прибыли в 8 часов 45 минут утра. Здоровье, принимая во внимание мой преклонный возраст, хорошее. ... Был убежден, что сдохну за границей. Слава богу, вернулся к себе, в Петербург». 23 августа Петипа был уже на первой репетиции «Баядерки» в театре.

Мариус Иванович написал: «24 мая. В 9S утра уезжаем – жена, дочь Вера и я в четвёртый раз в Крым» [16]³. Правда, на отдых балетмейстер отправлялся без своего ежедневника, что не позволяет во всех подробностях проследить крымскую жизнь маэстро⁴. Следующая запись уже относится к 31 августу того же года и касается исключительно вопросов работы.

Попасть на Южный берег Крыма в те времена можно было только через Севастополь, куда уже в 1875 г. была проложена железная дорога и ходили не только грузовые, но и пассажирские железнодорожные составы. Прибывали пассажиры на вокзал, здание которого было возведено в 1875 г. и уже тогда являлось своеобразной визитной карточкой города благодаря архитектуре и применённому при его постройке строительному материалу – инкерманскому камню⁵.

Путь из Севастополя на Южный берег для пожилого хореографа был достаточно утомителен. По прибытии в Севастополь семья селилась в самой лучшей гостинице города – отеле «Кист»⁶, расположенном на главной площади города – Екатерининской (сейчас площадь Нахимова) вблизи Графской пристани. Своё название отель получил по фамилии Фердинанда Киста – первого строителя и владельца гостиницы. Возведение гостиницы Кист начал ещё в середине XIX в. К началу XX столетия отель пережил несколько перестроек. В окончательном варианте гостиница представляла собой трёхэтажное здание, состоящее из трёх соединённых между собой корпусов, построенных из инкерманского камня в неоклассическом стиле. Всего здесь было 85 номеров. Часть из них выходила окнами на бухту, часть на площадь. Отель был хорошо известен не только в Крыму, но и за его пределами. Останавливаться здесь было очень престижно, хотя и очень дорого. Пластическое решение фасадов

здания отличалось соответственно тому, куда выходил фасад. Поскольку здание играло важную роль в формировании художественного облика центральной площади Севастополя, своими фасадами гостиница должна была стилистически и пластически согласовываться с главными доминантами этой части города. Фасад, обращённый к площади, благодаря введению в композицию мотива мощной полуциркулярной арки и балконов, обрёл торжественный, величественный характер. Не менее эффектно была исполнена восточная часть здания, которая получила два ряда лоджий [3].

Постояльцы могли совершать морские прогулки, экскурсии на Северную сторону бухты и к подножию Инкерманского монастыря⁷. Рядом с отелем размещалось Морское собрание, вызывающее повышенный интерес у обывателей и гостей города. Достопримечательностью этого района был Приморский бульвар – лучший городской сад не только Севастополя, но и всего полуострова [3, с. 10–12; 10]. На его территории находился городской театр и множество хорошо организованных мест для отдыха. Можно предположить, что семья Петипа осматривала основные достопримечательности центра города, в том числе и Приморский бульвар. Но Севастополь не был окончательной точкой путешествий балетмейстера в Крыму. Здесь ещё только начинали развиваться лечебные заведения, да и климатические условия оказались не столь комфортными для лечения лёгочных заболеваний, как на Южном берегу Крыма⁸, куда лежал путь семьи Петипа. Поэтому из Севастополя семья отправлялась в Ялту. Трудно сказать, каким путём, морским или сухопутным, добирались Петипа в Ялту. В те времена уже была проложена хорошая дорога на Южный берег через Байдарский перевал, а морской путь из Севастополя в Ялту существовал ещё в середине XIX в.

³ Так же скупко Петипа пишет о своем отъезде в Крым в 1904 году.

⁴ В своих дневниках Петипа пишет только о работе, встрече с учениками, композиторами, сотрудниками театра и т.д. Возможно, эти записи позволяли балетмейстеру проанализировать рабочие моменты, которые он считал самой важной частью своего существования.

⁵ Первый железнодорожный вокзал в Севастополе был построен в 1875 г. Он сразу стал важной транспортной развязкой города. Прямо к его центральному входу по специальному пандусу подъезжали экипажи знатных пассажиров. Перед зданием вокзала была организована просторная площадь, где ожидали извозчики. В начале XX в. к зданию вокзала была проложена трамвайная ветка, что было удобно для пассажиров и сделало вокзал ещё более популярным.

⁶ О его красоте, комфортабельности и высоком уровне сервиса писали многочисленные путеводители по Крыму. В разное время постояльцами гостиницы были: Л.Н.Толстой, М. Горький, Ф.И. Шальпин, А.Н. Вертинский, Л. Украинка, А.П. Чехов, К.С. Станиславский, П.Н. Врангель и многие известные люди. После революции здесь располагались разные структуры: Дворец труда, санаторий. Во время Великой Отечественной войны здание бывшей гостиницы «Кист» было сильно разрушено. После перестройки здесь размещался штаб Черноморского флота, позже судостроительный техникум, Техническое управление Черноморского флота Российской Федерации. Сейчас это так называемый «Дом Москвы».

⁷ Нет никакой достоверной информации о посещении М. Петипа достопримечательностей Севастополя, но вместе с ним в Крым ездили жена и дочь – юная и любознательная барышня. Трудно представить, что дамы не интересовались знаковыми местами города, о которых с восторгом писали не только авторы путеводителей, но и многие путешественники.

⁸ Желаящие поправить здоровье концентрировались в Ялте, где климат был более мягким и считался целебным. В Ялту ехали больные со всей страны. Описанные в путеводителях красивые сады с множеством экзотических растений, аромат лечебных трав в соединении с морским воздухом обещали выздоровление. К сожалению, обещанное нередко не соответствовало действительности. Высокая стоимость земли делала частную застройку Ялты невероятно скудной, лишая владельцев возможности создать хоть какое-то подобие паркового пространства, а постояльцев – прогулок на свежем воздухе. Архивные документы свидетельствуют о том, что городской сад был мал и тесен, с узкими аллеями и очень сырой по вечерам. Доктора рекомендовали избегать вечерних посещений сада, указывая на опасность холодного вечернего воздуха для здоровья отдыхающих. Ялта долгое время была самым неустроенным российским курортом, с крайне неблагоприятной санитарной обстановкой (Государственный архив автономной республики Крым. Ф. 522. Оп. 1, д. 343, л. 1–2, 7).

Известно, что в 1900 и 1901 г. Петипа отдыхали в Ялте, сначала в гостинице «Франция», а позже в отеле «Джалита»⁹. Обе гостиницы были хорошо известны за пределами полуострова и считались самыми комфортабельными отелями своего времени¹⁰.

Гостиница «Франция» была одной из самых фешенебельных в Ялте [21]. Расположена она была на набережной, рядом с городским садом и театром. Строили гостиницу в 1884–1886 гг. архитекторы Н. А. Штакеншнейдер и П. К. Тербенев по заказу П. Г. Робина и Е. И. Латри. Сначала это было одноэтажное здание, которое вскоре было надстроено вторым этажом и флигелем во дворе. К 1886 г. на берегу Чёрного моря вырос комплекс из трёх зданий в классическом стиле с выразительными фронтонами. Гостиница имела сорок пять хорошо меблированных комнат, из окон которых открывался прекрасный вид на море¹¹. На первом этаже гостиницы «Франция» работали многочисленные магазины, в том числе первый книжный магазин, известный под названием «Русская избушка»¹², и музыкальный магазин. Помимо своей основной деятельности, магазины играли роль своеобразных культурных центров, являясь местами встречи ялтинской и приезжей интеллигенции. Возможно, что Петипа был наслышан об этом отеле от кого-то из своих знакомых и принял решение останавливаться здесь ещё до прибытия в Ялту. При гостинице имелась стоянка автомобилей для поездок по Южному берегу, что было большим прорывом в гостиничном сервисе того времени. Поблизости находилось ванное заведение Рофе, построенное в 1897 г. в мавританском стиле, привлекавшее посетителей не только экзотическими формами, но разнообразием предлагаемых услуг. Здесь можно было не только принять лечебные процедуры, но и узнать самые свежие новости. Рядом на набережной находился павильон-кондитерская «Поплавок». Своё название павильон получил благодаря размещению в

береговой зоне. Это заведение работало только в летний период и было очень популярно в среде творческой интеллигенции. Сюда часто заходили гости художника А. Е. Чернявского, дом которого располагался недалеко от «Франции». Удобное расположение, прекрасная архитектура, грамотная реклама делали гостиницу привлекательной для постояльцев, давая возможность её владельцам получать стабильный доход¹³. Но всё, что так радовало отдыхающих «Франции», вероятно, не привлекало самого Петипа, так как известно, что, хотя его семья и останавливалась в этом отеле, пребывание их здесь было недолгим. Видимо, более привлекательной пожилому балетмейстеру казалась гостиница «Джалита», получившая известность среди отдыхающих уже в конце 1880-х гг.

Свою историю гостиница «Джалита» вела с той поры, когда в прибрежной зоне образовалась небольшая группа домиков, некогда бывших дачами, сдаваемыми постояльцам¹⁴. Со временем дачи превратились в комплекс из нескольких корпусов, расположенных на стыке улицы Набережной и Пушкинского бульвара, напротив Александровского сквера. Здания гостиницы утопали в зелени цветников, украшением которых являлись прекрасные фонтаны. Для любителей активного отдыха была сделана площадка для крокета и тенниса. Возле одного из корпусов было обустроено место для скеттинга¹⁵. Постройки возводились по мере расширения бизнеса владельцами гостиницы. Так, в 1905 г. Н.П. Краснов построил оригинальное здание в швейцарском стиле на 150 номеров, которые оборудовали современной по тем временам техникой и меблировали по европейским стандартам. В гостинице работала подъёмная машина. В номерах был водопровод, электричество, вентиляция. Посетителям нравилось, что гостиница хоть и находится в центре города, рядом с морем, но защищена и от городского шума, и от холодных ветров. На плоской крыше была организована смотровая площадка для прове-

⁹ Проследить за местопребыванием семьи можно, благодаря регистрационным книгам гостиниц Севастополя, Ялты, Гурзуфа, в которых с большой тщательностью фиксировались все события внутреннего распорядка.

¹⁰ В Ялте лучшие частные и общественные сооружения (Городская дума и управа, Крымско-Кавказский горный клуб и музей, театр, библиотека, курзал, городской сад, гостиницы, банки и магазины) находились на набережной и прилегающих к ней улицах. В этом городе к услугам отдыхающих в начале XX столетия было несколько прекрасных гостиниц, в том числе «Франция», «Джалита», «Санкт-Петербург», «Марино».

¹¹ Стоимость номеров во «Франции» зависела от оснащённости и времени года и варьировалась от 1 до 15 рублей за сутки. Электрическое освещение и бельё предоставлялись обитателям бесплатно. Завтраки для постояльцев состояли из двух, а обеды из 3–5 блюд.

¹² Книжный магазин принадлежал местному книготорговцу И.А. Синани и получил название «Русская избушка», поскольку вход в него был оформлен как вход в русскую избу, а у входа была установлена скамья, названная впоследствии «писательской». «Русская избушка» создавала своеобразную рекламу гостинице. В магазине Синани можно было не только купить книжные новинки и заказать театральные билеты, но и поучаствовать в суждениях и спорах.

¹³ После установления в Крыму советской власти в 1922 г. гостиница была национализирована. Во время Великой Отечественной войны здание было сильно разрушено, поэтому при восстановлении города гостиницу разобрали до основания. В 1970-е гг. на этом месте была разбита аллея из сосен и тamarиска.

¹⁴ До превращения «Джалиты» в гостиницу дачами здесь владели А.Н. Витмер, М.Я. Пешковский, О.П. Бартоломео. Потом все эти домики приобрёл агент страхового общества «Россия» в Москве помещик Н.Н. Волков. Своё приобретение Волков не спешил оформить как гостиничный комплекс, чтобы не платить за него большой налог, поэтому номера здесь были дешевле, чем в гостиницах города. Дачный комплекс был не только местом обитания отдыхающих, но и своего рода центром интеллектуальной жизни Ялты. В одном из зданий размещалась редакция газеты «Ялтинский листок», редактором которой была известная благотворительница Ф.К. Татаринова. Позже здесь было издательство «Джалита», выпускавшее множество интересных книг. В частности, здесь были опубликованы дневники художницы Марии Башкирцевой.

¹⁵ Скеттинг-ринг – катание на роликовых коньках, входившее тогда в моду.

дения танцевальных вечеров и обозрения окрестностей Ялты. На первом этаже размещалась гостиная с фортепьяно, ресторан, аптека, парикмахерская, магазины. Большие подвальные помещения служили кладовыми для продуктов и различных товаров. В корпусах гостиницы «Джалита» в разное время останавливались известные деятели культуры, проводились выставки произведений русских художников и литературно-артистические вечера. Цены на проживание зависели от времени года, срока проживания и требований, предъявляемых постояльцами¹⁶. При гостинице была остановка автомобилей для поездок в Севастополь. Неподалёку работал ресторан и американский бар, где играл струнный оркестр. Чуть поодаль находились две морские купальни и ванны. В 1907 г. рядом с гостиницей начал работать первый ялтинский синемаграф «Иллюзион» П.К. Чепати. А чуть дальше на набережной находился летний электротئاتр «Одеон» И.А. Салтыковой. При гостинице работало экскурсионное бюро Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба [2; 4]. В это время «Джалита» принадлежала А.Н. Вимеру – человеку незаурядному, интересному собеседнику и внимательному хозяину¹⁷. Можно предположить, что «Джалита» казалась М.И. Петипа наиболее удобным и приятным местом пребывания в Ялте, так как в ней его семья отдыхала не единожды. К сожалению, этой гостиницы уже давно нет на карте Ялты и увидеть, как выглядели её корпуса, можно только на старинных фотографиях¹⁸.

С 1902 и до 1910 гг. Петипа местом отдыха выбирали Гурзуф¹⁹, по дороге в который ненадолго останавливались в разных ялтинских отелях. В Ялте, помимо отелей «Франция» и «Джалита», семья периодически останавливалась в гостиницах «Санкт-Петербург» и «Мариино».

Гостиница «Санкт-Петербург» принадлежала петербургскому купцу С.И. Шахназарову²⁰. Трёхэтажное здание гостиницы, занимавшее престижное место рядом с городским садом, на углу улиц

Набережной и Екатерининской, считалось одной из красивейших ялтинских гостиниц. Отель был построен архитектором Н.П. Красновым из белого бутового камня в стиле итальянского Возрождения. Заказчик хотел, что бы здание стало украшением Ялты, что прекрасно удалось зодчему. Несмотря на то, что строительство происходило на длинном и неровном участке, в непосредственной близости от моря, Краснову удалось не только вписать здание гостиницы в ландшафт, но и визуально соединить его с домом владельца гостиницы. Главный вход в отель был устроен со стороны улицы Набережной, на которую выходила великолепная терраса, опирающаяся на колонны. Здание с этой стороны венчали две башенки, придававшие постройке оригинальный и выразительный силуэт. Между постройками (гостиницей и домом) устроили небольшой озеленённый двор с бассейном и скульптурами, который служил местом отдыха постояльцев. Открытой частью двор был обращён к Екатерининской улице, более тихой по сравнению с Набережной. Два верхних этажа гостиницы занимали номера первого класса (50 номеров). К услугам отдыхающих была библиотека с читальным залом и бильярдной комнатой. Круглый год жильцы могли принимать горячие ванны. Кроме того, в гостинице был телефон. Подняться в комнаты первого класса можно было по четырём белокаменным лестницам как со стороны входа, устроенного с Набережной улицы, так и через вход со стороны внутреннего садика. Большинство номеров имело балконы, выходившие на набережную. Остальные номера окнами были обращены во внутридомовую двор или к городскому саду. Благодаря наличию балконов и больших окон, в номерах было много света и свежего воздуха. С восточной стороны через специальную калитку можно было сразу выйти в городской сад [23]²¹. На первом этаже гостиницы был большой зал с эстрадой, где проходили концерты и музыкальные вечера. Со стороны набережной на первом этаже размещались модные магазины и другие необходимые отдыхающим

¹⁶ Стоимость проживания в «Джалите» колебалась от 1 до 15 рублей в зависимости от времени года. Можно было жить на полном пансионе (зимой от 25 рублей в месяц, осенью – от 35 рублей). В эту цену входили, помимо прочего, отопление, освещение и самовар.

¹⁷ А.Н. Витмер – генерал в отставке, военный историк, коллекционер, художник-любитель. Он считался вторым богатым человеком в городе после графа А.А. Мордвинова и мог себе позволить украшать как саму гостиницу, так и её сады произведениями искусства.

¹⁸ После революции в гостинице размещалась редакция газеты «Ялтинский курьер», Трудовое общество русских женщин, пансионат. В 1934 г. бывшая гостиница «Джалита» получила статус санатория им. И.В. Сталина. Во время Великой Отечественной войны перед приходом немецких войск гостиница была разрушена. После войны гостиницу не восстанавливали. Сохранившиеся подвалы были засыпаны, и на месте некогда столь известного ялтинского отеля построили кафе.

¹⁹ В 1902 году Петипа уже фигурируют в регистрационной книге Гурзуфского имения Ялтинского уезда. В своем путеводителе по Крыму А.Я. Безчинский писал, что в эти годы в гурзуфском курорте «цены колеблются, смотря по времени года, но, в общем, очень дорогие. С апреля по август плата понижается на 40 %». Семейство Петипа отдыхало там в то время, когда цены на жилье и обслуживание значительно падали, да и в столице театральный сезон уже заканчивался. Любопытно, что в своих воспоминаниях Вера Мариусовна пишет только об отдыхе в Гурзуфе.

²⁰ Шахназаров Сергей Иванович – петербургский предприниматель, содержавший в столице кондитерские заведения и собственные магазины. Он жил в собственном доме на Театральной площади д. № 15. В Ялте Шахназаров не только отдыхал, но и приумножал свои капиталы. Сначала он купил для себя двухэтажный дом на ялтинской набережной в стиле венецианской готики. Позже вблизи собственного дома Шахназаров построил гостиницу, которую назвал в честь родного города – «Санкт-Петербург». Оба здания построил ялтинский архитектор Н.П. Краснов.

²¹ За выход в сад и использование его территорий постояльцами собственник гостиницы Шахназаров платил Ялтинской городской управе специальный налог.

заведения²². При гостинице работали рестораны «Аврора» и «Мраморный» со столиками и отдельными кабинетами, предлагавшие гостям блюда русской и французской кухни²³. В залах ресторанов до двух часов ночи поочередно играли салонные струнные оркестры, а в ресторане «Мраморный» иногда показывали «живые» картины синемаатографы «Иллюзион» и «Электро-Биограф».

Шахназаров был владельцем отеля, но руководить бизнесом в Санкт-Петербурге и в Ялте ему было трудно, поэтому помещения гостиницы сдавались в аренду. Так, после открытия весной 1901 г. второй и третий этажи были арендованы членом Ялтинской управы М.А. Вивьеном. Высокий уровень гостиницы обеспечивал прекрасный отдых, правда, довольно дорогой²⁴. Гостиница располагалась в той части городского пространства, где для отдыхающих были созданы самые комфортные условия. Так, напротив гостиницы работала одна из городских купален, услугами которой с удовольствием пользовались обитатели «Санкт-Петербурга». Со временем сменился не только владелец гостиницы, но и её название²⁵. Но М.И. Петипа уже не застал этих изменений.

Ещё одна гостиница Ялты, ставшая местом пребывания семьи М.И. Петипа в 1909 г. почти на четыре с половиной месяца – «Мариино». Как и предыдущие отели, она была расположена на набережной, в самом центре города, на пересечении улицы Набережной и Морской²⁶. История «Мариино» восходит к середине 1880-х гг., когда на этом месте размещалась дача Бентковского, комнаты которой

сдавались постояльцам. В те времена эта дача воспринималась наравне с первоклассными гостиницами города²⁷. Как тогда выглядело владение Бентковского сейчас представить трудно, так как в 1895 г. архитектор Н.П. Краснов перестроил дачу, превратив её в трёхэтажное здание²⁸. Два верхних этажа заняла гостиница на семьдесят номеров, а на первом разместились многочисленные магазины. Славу «Мариино» снискало не только её расположение в центре города и панорамные виды на море и горы, но и прекрасный сервис по весьма демократичным ценам²⁹. Гостиница предоставляла отдыхающим множество услуг, к числу которых относились электрификация номеров, услуги реставрации, морские и пресные ванны, телефон, стоянка автомобилей. Владельцами гостиницы была прекрасно налажена реклама её деятельности. В гостинице в разное время останавливались известные деятели русской культуры³⁰.

Как бы хороша и благоустроена ни была Ялта, но для человека, ищущего спокойного отдыха в кругу семьи, она была слишком шумной и душной. Возможно, что для пожилого и страдающего серьёзным недугом балетмейстера ялтинский климат просто не подходил. Так или иначе, но вскоре местом его ежегодного отдыха стал курорт Гурзуф³¹, расположенный в двенадцати километрах от Ялты в живописной долине реки Авунды. Посёлок Гурзуф являлся первым курортом Крыма и долгое время был самым благоустроенным на Южном берегу Крыма [22]. Своим появлением посёлок обязан герцогу Арману де Ришелье, который построил здесь свою

²² Среди них модно-мануфактурный магазин купца Е.О. Майтопа, модно-галантерейный и обувной магазин купца Я.В. Айваза, модно-галантерейный и игрушечный магазин Ф.П. Петренко, магазин тканей М.Б. Максимаджи, магазин посуды А. Бекирова, магазин торговли мраморными статуями работ известных итальянских скульпторов, аптекарский магазин Г.И. Мизуча, «Специальный Кавказский магазин» А.А. Сарибегова, предлагавший большой выбор золотых, серебряных и других кавказских изделий. Помимо магазинов здесь работали институт врачебной косметики и при нем магазин московского провизора А.М. Остроумова, ателье модных шляп, контора «Общества взаимного кредита», ателье-фотография М.В. Миткина.

²³ Оба ресторана принадлежали местному предпринимателю И. Зудину.

²⁴ Стоимость проживания в гостинице «Санкт-Петербург» в осенне-зимний период была от 1 руб. 25 коп. в сутки, а в купальный сезон – от 2 руб. 50 коп. в сутки. Отдельно оплачивалось электричество.

²⁵ В 1913 г. Шахназаров продал гостиничный комплекс купцу П.А. Верниக்குму. А после переименования в 1914 г. столицы государства Санкт-Петербурга в Петроград, ялтинская гостиница П.А. Верницкого также стала именоваться «Петроградом». Когда в Ялту с фронта для лечения начали прибывать раненые и больные воины, в гостинице обособилось Общество «Помощь армии». В 1920 г. гостиница была национализирована. После смерти Ленина и переименовании Петрограда в Ленинград, ялтинская гостиница также сменила свое название. Позже гостиница превратилась в дом отдыха «Приморский» Российского Общества Красного Креста. В 1930-е гг. дом отдыха снова стал гостиницей «Ленинград», позже «Интурист». Здесь были проведены ремонтные работы, номера обставлены модной по тем временам мебелью, украшены панно и картинами. Здесь появилось много нового (ванн, душевых, противопожарный водопровод и т.д.). Гостиница отличалась редкой для советского времени роскошью. Как в дореволюционное время на первом этаже работали магазины, косметический кабинет и фотомастерская. А в ресторане «Мраморный» всё также работала бильярдная и играл оркестр. В годы Великой Отечественной войны гостиница сильно пострадала. В период послевоенного восстановления Ялты гостиницу отремонтировали. Но в 1950-е гг. в связи с расширением набережной, почти треть гостиничного комплекса была снесена. Сохранилась только часть здания, некогда выходившая на улицу Екатерининскую, где некогда работал ресторан «Мраморный». Там разместилась столовая и жилые квартиры.

²⁶ В отличие от разрушенных временем «Франции» и «Санкт-Петербурга», «Мариино» продолжает украшать город, являясь старейшей гостиницей Ялты.

²⁷ Статус дачи позволял владельцам экономить на налогах, а постояльцам – получать качественные услуги по низкой цене.

²⁸ Во время ялтинского землетрясения 1927 г. гостиница получила некоторые повреждения и с её крыши сняли декоративные вазы и бордюры, некогда придававшие ей выразительный и нарядный вид. В 1950-е гг. балконы третьего этажа переделали в лоджии. Изменилось и оформление первого этажа.

²⁹ Стоимость проживания в гостинице «Мариино» колебалась от 1 до 8 рублей. Но после перестройки и дальнейшего благоустройства цены на проживание в бархатный сезон, осенью и на Пасху выросли до 20 рублей за номер.

³⁰ В советское время гостиница стала одним из корпусов санатория «Киев».

³¹ В Гурзуфе Петипа проживали с 1902 по 1910 г., за исключением 1905 г. и 1909 г. В 1905 г. Петипа отдыхали за границей, а в 1909 г. почти четыре месяца семья проживала в ялтинской гостинице «Мариино». Территории бывшего гурзуфского курорта теперь находятся в ведении санаториев «Гурзуфский» и «Пушкинский».

усадьбу. Благодаря кипучей деятельности Ришелье, благоприятному климату, красивейшим природным видам и разнообразию растительных форм, усадьба прославилась как лучшее поместье своего времени [13]. В начале XIX столетия здесь отдыхали А.С. Пушкин, герой Отечественной войны Н.Н. Раевский с семьёй и многие другие известные люди. Для многих посетителей этот район Южнобережья всегда был окрашен пленительным романтическим ореолом. В течение всего XIX столетия Гурзуф привлекал многих представителей русской культуры, навсегда оставивших в истории этого посёлка неизгладимый след.

В конце XIX века, благодаря П.И. Губонину, Гурзуф превратился в фешенебельный курорт [14]. В 1903 г. к услугам отдыхающих здесь уже было готово несколько комфортабельных гостиниц с разным ценовым диапазоном³², дачный район (десять дач с полным оборудованием и обслуживанием), казино, курзал и ресторан³³, благоустроена набережная. Архитектурный облик губонинских гостиниц отличался романтизированным характером, которому соответствовала стилистическая оригинальность зданий, разнообразие архитектурных форм. Эстетику курортной среды дополняла парковая территория [12], которая простиралась от морского берега вверх, по горному склону. Сеть аллей была организована таким образом, что посетители могли то приближаться к берегу, то подниматься вверх по склонам холма. Тенистые уголки чередовались с открытыми территориями, закрытые пространства перемежались с панорамными видами. Лучшим уголком парка являлась смотровая площадка «Бельвю» (bell-vue), устроенная на высоте 230 футов над уровнем моря, с которой открывался прекрасный вид на море. В парке было множество скульптур и малых архитектурных объектов, произрастали экзотические растения. В настоящее время из пяти скульптур, установленных в гурзуфском парке, сохранилось лишь две статуи. Одна из них – скульптурная композиция «Ночь», выполненная немецким скульптором Бергером из тугоплавкой стали и установленная в 1889 г., – является шедевром мирового значения. Множество вечнозелёных деревьев и кустар-

ников радовало посетителей круглый год. Гордостью гурзуфского парка были газоны – очень редкое для крымских парков явление, а в розарии парка насчитывалось около 150 сортов роз.

Отдыхающие в Гурзуфе могли посетить владение генерала Бороздина Суук-Су, парковая территория которого площадью 45 га включала в себя большую приморскую полосу с эффектными по форме скалами и красивый особняк, построенный по проекту Н.П. Краснова на террасированном склоне [5; 15]. Интерьеры здания имели богатую внутреннюю отделку в восточном стиле. Террасы комплекса были украшены скульптурой и малыми архитектурными формами. При планировке террас Суук-Су максимально использовались особенности ландшафта, для которого характерны перепады уровней, давшие архитектору возможность организовать красивые виды на природные доминанты – скалы Адалары. Любимым развлечением гурзуфских отдыхающих были Пушкинский и Изумрудный гроты (естественные ниши-пещеры, расположенные на скалистом обрывистом морском берегу)³⁴.

Возможно, что красота гурзуфских пейзажей явилась причиной того, что дочь М.И. Петипа Вера в своих воспоминаниях о поездке в Крым упоминает только световые и цветовые эффекты, наблюдаемые ею именно здесь. «Когда я жила с отцом в Гурзуфе, он останавливал моё внимание на лучезарных красках юга, на богатстве света и тени, воспринимаемой всем существом радости бытия, что так связано с искусством танца», – вспоминала Вера Мариусовна [18; 20]. Эти впечатления, вероятно, послужили почвой для появления множества преданий о жизни семьи Петипа в Гурзуфе. Так, существует легенда, согласно которой М.И. Петипа купил в Гурзуфе домик с садом³⁵, где жил, не выезжая за пределы Крыма, последние несколько лет своей жизни³⁶. Известно, что в 1909 г. Петипа почти четыре месяца проживали не в Гурзуфе, а в Ялте, что вряд ли случилось бы при наличии у семьи гурзуфской собственности.

В 1910 г. семья Петипа, как обычно, отдыхала в Гурзуфе. В июне хронический бронхит, которым много лет страдал балетмейстер, перешёл в воспа-

³² Общее число номеров в гостиницах Губонина составляло 200 номеров. Стоимость каждого номера в гостиницах, в зависимости от клиентуры, была установлена от 15 до 300 рублей в месяц. Стоимость аренды дач в дачном поселке составляла от 100 до 1000 рублей в месяц. Бывший дом Ришелье стал личной губонинской дачей, которую хозяин курорта сдавал по договорной цене для высочайших гостей и высокопоставленных чинов.

³³ В здании ресторана сейчас находится столовая санатория «Гурзуфский».

³⁴ Основные природные достопримечательности Гурзуфа как и многие из построек того времени сохранились до наших дней, что позволяет в какой-то мере погрузиться в жизнь отдыхающих начала XX в.

³⁵ Подтвердить этот факт до сих пор никто не смог.

³⁶ Вероятно, именно эта легенда дала основание в 1986 г. Ялтинскому горсовету ходатайствовать о переименовании улицы Виноградской и переулка в улицу и переулок Мариуса Петипа. (Решение Ялтинского горсовета от 25 апреля 1986 года № 161). Интересно, что местные жители оказались против, и переименование не состоялось.

ление лёгких. 1 июля Мариуса Петипа не стало. «Возвращение» маэстро в столицу оказалось сложным делом, а потому обросло множеством мифов [17]. Вскоре скорбный поезд прибыл в Санкт-Петербург. Погребён М.И. Петипа был 8 июля 1910 года на Волковском лютеранском кладбище рядом с отцом Жаном Антуаном Петипа (1787– 1855) и дочерью Евгенией (1877–1892). В 1948 году М.И. Петипа был перезахоронен в Некрополь мастеров искусств в Свято-Троицкую Александро-Невскую Лавру.

К сожалению, на сегодняшний момент восстановить хронологию событий, связанных с жизнью Петипа в Крыму, не представляется возможным. Многие материалы, которые могли бы пролить свет на жизнь М.И. Петипа в Крыму, разрозненны и их ещё предстоит найти и ввести в научный обиход. Хочется верить, что это обязательно произойдёт и тогда, возможно, откроются новые, интересные факты не только частной жизни великого балетмейстера, но и его творческой биографии.

Список литературы

1. Бернов, М. А. Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского путешественника / М. А. Бернов. – СПб. : Тип. Глазунова, 1896. – 218 с.
2. Вебер, Ф. История развития деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба / Ф. Вебер. – Одесса : Б.и., 1916. – 17 с.
3. Веникеев, Е. В. Архитектура Севастополя / Е. В. Веникеев. – Симферополь : Таврия, 1983. – 208 с.
4. Гурьянова, Н. М. Памятники Большой Ялты. Справочник-путеводитель / Н. М. Гурьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 143 с.
5. Коляда, Е. М. Архитектурные образы прошлого в садово-парковом строительстве Южного берега Крыма первой половины XIX века / Е. М. Коляда // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – Т. 186. – С. 111–118.
6. Коляда, Е. М. История развития курортного строительства на Южном берегу Крыма / Е. М. Коляда // Теорія і практика матеріально-художньої культури. Харківська державна академія дизайну і мистецтв. – Харків, 2003. – С. 66–71.
7. Коляда, Е. М. Особенности развития курортного паркостроения западного побережья Крыма во второй половине XIX века / Е. М. Коляда // Традиции художественной школы и педагогика искусства. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – С. 192–195.
8. Коляда, Е. М. Особенности развития садово-паркового искусства Южного берега Крыма второй половины XIX – начала XX века / Е. М. Коляда // Традиції та новачі у вищій архітектурно-художній освіті. Харківський художньо-промисловий інститут. – Харків, 2000. – С. 141–143.
9. Коляда, Е. М. Особенности формирования и развития садово-паркового искусства Крыма. К вопросу о становлении ландшафтной архитектуры на полуострове [Электронный ресурс] / Е. М. Коляда // Научный журнал European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 7. – Т. 2. – С. 391–398. – Режим доступа : <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-7-2.pdf> (дата обращения: 14.07.2016).
10. Коляда, Е. М. Парки Севастополя. К вопросу типологии городского паркостроения в Крыму XIX – начале XX века / Е. М. Коляда // Теорія і практика матеріально-художньої культури. Харківська державна академія дизайну і мистецтв. – Харків, 2003. – С. 105–111.
11. Коляда, Е. М. Проблемы городского и курортного строительства в Крыму в XIX – XX веках. / Е. М. Коляда // Теорія і практика матеріально-художньої культури. VII електронна наукова конференція. Харківська державна академія дизайну і мистецтв. – Харків, 2005. – С. 22–24.
12. Коляда, Е. М. Развития городского паркостроения в Крыму в XIX – начале XX века. / Е. М. Коляда // Строительство и техногенная безопасность. Сборник научных трудов. Крымская академия природоохранного и курортного строительства. – Симферополь, 2002. – С. 114–116.
13. Коляда, Е. М. «Романтические» парки Южного берега Крыма XIX – XX веков / Е. М. Коляда // Искусствознание и педагогика. Диалектика взаимосвязи и взаимодействия. – СПб., 2005. – С. 41–47.
14. Коляда, Е. М. Стилистическая характеристика памятников садово-паркового искусства Крыма XIX века / Е. М. Коляда // Архитектура эпохи историзма: традиции и новаторство. – СПб., 2012. – С. 298–309.
15. Коляда, Е. М. Штрихи к творческому портрету Н. П. Краснова. Усадебная застройка Крымского полуострова конца XIX – начала XX в. / Е. М. Коляда // Лига культуры. – 2015. – № 6. – С. 181–184.
16. Мариус Петипа. Материалы, воспоминания, статьи / М. Петипа. – Л. : Искусство, 1971. – 445 с.
17. Он создал русский балет и отдыхал в Гурзуфе // «Ялтинский курьер». – 2009. – № 14. – 8 июля.
18. Петипа В. Наша семья / В. Петипа // Мариус Петипа. Материалы, воспоминания, статьи. – Л. : Искусство, 1971. – 445 с.
19. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Новороссия и Крым. Т. 14. – СПб. : Б.и., 1910. – 983 с.

20. Полубнева, Ю. А. «Волшебное зеркало» Мариуса Петипа. История семьи через коллекцию фотографий / Ю. А. Полубнева // Библиотечное дело. – 2010. – № 4 (118). – С. 2–7.
21. Суханова, С. Н. Ялта: город чудный, город бедный / С. Н. Суханова. – Симферополь : Таврия, 1989. – 144 с.
22. Щепетов, В. А. Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные свойства / В. А. Щепетов. – Одесса : Б.и., 1890. – 184 с.
23. Ялтинский городской парк. К вопросу об устройстве парка в г. Ялте. – Симферополь : Тип. Вересотской, 1898. – 17 с.

Pages of the Crimean Life of M.I. Petipa. To the Question About Resorts Parks in the Crimea

E.M. Kolyada

*Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Received 9.08.2016

Abstract. During many years the great French dancer and Russian ballet master Marius Petipa came to Gurzuf to have a rest with family and to correct for the health. About private life of Petipa it is known very little. Article is devoted to architecture and parks of resorts of Crimea where at various times the family of the ballet master spent summer time.

Keywords: Petipa, Crimea, Gurzuf, a resort, creativity, Russian ballet.

For citation: Kolyada E.M. Pages of the Crimean Life of M.I. Petipa. To the Question About Resorts Parks in the Crimea. *Gumanitarnopedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 66–74 (in Russ.).

About author: E.M. Kolyada, Doctor of Arts, Professor of the Department of Art Education and Decorative Arts of Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: ekaterinkolyada@yandex.ru.

References

1. Bernov M.A. *Iz Odessi pescom po Krimu. Pisma russkogo putesestvennitsa* [From Odessa to the Crimea on Foot. Letters of a Russian Traveler]. Saint-Petersburg, 1896. 218 p.
2. Veber F. *Istoria razvitiya deyatelnosti Yaltinskogo otdeleniya Krimsko-Kavkazskogo gornogo kluba* [History of the Development Activities of the Yalta Branch of the Crimean-Caucasian Mountain Club]. Odessa, 1916. 17 p.
3. Venikeev E.V. *Architectura Sevastopolya* [Sevastopol Architecture]. Simferopol. 1983. 208 p.
4. Gurianova N.M. *Pamyatniki Bolsoy Yalti. Spravochnik* [Monuments of the Greater Yalta. Reference and Guide]. Simferopol, 2008. 143 p.
5. Kolyada E.M. *Architecturnii obrazi proslogo v sadovo-parcovom stroitelstve Uznogo berega Krima pervoi poloviny XIX veka* [Architectural Images of the Past in the Landscape Construction of the Southern Coast of the First Half of the XIX Century]. *Trudi Saint-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2009, vol. 186, pp. 111–118.
6. Kolyada E.M. *Istoria razvitiya kurortnogo stroitelstva na Uznom beregu Krima* [The History of the Construction of the Resort on the Southern Coast of Crimea]. *Teoria i praktika materialno-hudogestvennoi kultury. Harkovskaya gosudarstvennaya akademiya dizayna i iskusstv* [Theory and Practice Material and Artistic Culture. Kharkov State Academy of Design and Arts]. Kharkov, 2003, pp. 66–71.
7. Kolyada E.M. *Osobennosti razvitiya kurortnogo parcostroeniya zapadnogo pobereziya Krima vo vtoroy polovine XIX veka* [Features Resort Park Construction of the West Coast of the Crimea in the Second Half of the XIX Century]. *Tradicii hudogestvennoy shkoly i pedagogicheskoy iskusstva. Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena* [The Tradition of Art School and Art Pedagogy. Russian State Pedagogical University named after Herzen]. Saint-Petersburg, 2006, pp. 192–195.
8. Kolyada E.M. *Osobennosti razvitiya sadovo-parcovogo iskusstva Uznogo berega Krima vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Features of Development of Landscape Art of the Southern Coast of the Second Half of XIX – Early XX Century]. *Tradicii ta novatsii u vishney arkhitekturno-hudogestvennoy osvity. Kharkivskiy khudozhen'no-promislovyy institut* [Tradition and Innovation in Higher Architectural and Artistic Education. Kharkov Art-Industrial Institute]. Kharkov, 2000, pp. 141–143.
9. Kolyada E.M. Features of formation and development of landscape art of the Crimea. To a question about the formation of landscape architecture on the peninsula. *European Social Science Journal*, 2014, vol. 2, no. 7, pp. 391–398 (in Russ.).

Russ.). Available at: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-7-2.pdf> (accessed 14.07.2016).

10. Kolyada E.M. Parki Sevastopoly. K voprosu tipologii gorodskogo parcostroenia v Krimu XIX – nachala XX veka [Sevastopol Parks. On the Question of the Typology of the Urban Park Construction in Crimea XIX – Early XX Century]. *Teoriya i praktika material'no-khudozhn'oi kul'turi. Kharkivs'ka derzhavna akademiya dizainu i mistetstv* [Theory and practice material culture. Kharkov State Academy of Design and Arts]. Kharkov, 2003, pp. 105–111. (in Russ.).
11. Kolyada E.M. Problems of Urban and Resort Construction in the Crimea in XIX–XX Centuries. *Teoriya i praktika material'no-khudozhn'oi kul'turi. VII elektronna naukova konferentsiya* [Theory Practice Material and Artistic Culture. Elektronna VII Scientific Conference]. Kharkov, Kharkov State Academy of Design and Arts Publ., 2005, pp. 22–24.
12. Kolyada E.M. Razvitiya gorodskogo parkostroeniya v Krymu v XIX – nachale XX veka [Development of Urban Park Construction in the Crimea in XIX – Early XX Century]. *Trudy Krymskaya akademiya prirodookhrannogo i kurortnogo stroitel'stva "Stroitel'stvo i tekhnogennaya bezopasnost'"* [Proc. of Crimean Academy of Environmental and Resort Construction]. Simferopol, 2002, pp. 114–116.
13. Kolyada E.M. «Romanticheskie» parki Yuzhnogo berega Kryma XIX–XX vekov. Iskusstvoznanie i pedagogika. Dialektika vzaimosvyazi i vzaimodeistviya [“Romance” Parks Southern coast XIX–XX centuries. Art studies and pedagogy. The dialectic of the relationship and interaction]. Saint-Petersburg, 2005, pp. 41–47.
14. Kolyada E.M. Stilisticheskaya kharakteristika pamyatnikov sadovo-parkovogo iskusstva Kryma XIX veka. Arkhitektura epokhi istorizma: traditsii i novatorstvo [The Stylistic Characteristics of Monuments of Landscape Art Crimea XIX Century. The Architecture of the Era of Historicism: Tradition and Innovation]. Saint-Petersburg, 2012, pp. 298–309.
15. Kolyada E.M. Strokes to the Portrait of the Creative N.P. Krasnov. Manor Buildings of the Crimean Peninsula Late XIX – Early XX Century. *Liga kul'tury*, 2015, no. 6, pp. 181–184 (in Russ.).
16. Marius Petipa. *Materialy, vospominaniya, stat'i* [Materials, Memoirs, Articles]. Leningrad, 1971. 445 p.
17. He Created the Russian Ballet and the Rest in Gurzuf. *Yaltinskii kur'er*, 2009, no. 14, July 8 (in Russ.).
18. Petipa V. Nasa semia. Marius Petipa. Materialy, vospominaniya, statiy [Our Family. Marius Petipa. Materials, Memoirs, Articles]. Leningrad, 1971. 445 p.
19. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga. T. 14: Novorossiia i Krym. [Complete Geographical Description of our Fatherland. Desktop and Road Book, Vol. 14: New Russia and the Crimea]. Saint-Petersburg, 1910. 983 p.
20. Polubneva Yu.A. “Magic Mirror” by Marius Petipa. Family History Through a Collection of Photos. *Bibliotechnoe delo*, 2010. no. 4 (118), pp. 2–7 (in Russ.).
21. Sukhanova S.N. *Yalta: gorod chudnyi, gorod bednyi* [Yalta: a wonderful city, a city poor] Simferopol, Tavriya Publ., 1989. 144 p.
22. Shchepetov V.A. *Gurzuf na Yuzhnom beregu Kryma i ego lechebnye svoystva* [Gurzuf on the Southern Coast of Crimea and its Medicinal Properties]. Odessa, 1890. 184 p.
23. *Yaltinskii gorodskoi park. K voprosu ob ustroistve parka v g. Yalte* [Yalta City Park. To a Question About the Structure of the Park in Yalta]. Simferopol, 1898. 17 p.

УДК 94(47).01:257.7(47)

Мировоззренческие представления и верования поздних язычников Древней Руси (на примере Збручского культового центра)

Михаил Николаевич Козлов

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация*

Статья поступила 20.06.2016

Аннотация. Проведена историческая реконструкция верований и культов восточных славян-язычников раннехристианской эпохи. Главным источником исследования стали материалы археологических раскопок городищ-святилищ Збручского культового центра и письменные источники XI – середины XIII века.

Ключевые слова: верования, культы, обряды, традиции, поздние языческие общины.

Для цитирования: Козлов, М. Н. Мировоззренческие представления и верования поздних язычников Древней Руси (на примере Збручского культового центра) / М. Н. Козлов // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 75–80.

Об авторе: М. Н. Козлов, доктор исторических наук, профессор кафедры «Исторические, философские и соци-альные науки» Гуманитарно-педагогического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», пр. Гагарина 13, Севастополь, 299028, Российская Федерация, e-mail: kmn_75@mail.ru.

Постановка проблемы. Тема места и роли поздних язычников в религиозной жизни Древней Руси остаётся малоисследованной, хотя в разные времена отдельные её аспекты привлекали внимание историков. Мировоззрение восточных славян в раннехристианскую эпоху во многом предопределяло не только религиозную, но и политическую историю наших предков. Особый интерес в этом отношении вызывает период с конца X ст. по середину XIII ст., то есть эпоха становления христианства на восточнославянских землях. Как свидетельствуют письменные источники и данные археологии, значительная часть населения Киевской Руси отказалась от принятия новой веры и под руководством языческих жрецов мигрировала в малонаселённые лесистые районы восточнославянского мира. Консолидируясь, языческие жрецы и их паства сформировали на почве синтеза культов многих языческих богов принципиально новую систему мировоззренческих представлений и верований, продолжившую существовать вплоть до конца XIII ст. Эта модель нашла своё отражение в верованиях и культах поздних восточнославянских языческих религиозных общин. Реконструкция мировоззренческих представлений восточнославянских языческих общин конца X –

середины XIII веков – главная цель данной статьи.

К сожалению, в большинстве работ современных отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых теме восточнославянского язычества, мировоззренческие представления наших предков рассматриваются как устоявшаяся метафизическая система, которая окончательно сформировалась в IX–X вв. и трансформировалась, приобретая синкретический характер, только после официального принятия Киевской Русью христианства [7, с. 17]. При этом вне поля зрения исследователей остаётся мировоззренческие представления и верования восточнославянских языческих общин конца X – конца XIII ст. Исключение составляют лишь труды современных археологов Б.А. Тимощука и И.П. Русановой, в которых авторы впервые обозначили проблему существования особых поздних верований и культов в восточнославянских языческих общинах конца X первой половине XIII века [12; 13, с. 110–122].

Мировоззрение поздних восточнославянских язычников можно проследить на примере верований и культов представителей языческих общин, группировавшихся вокруг Збручского культового цент-

ра, исследованного отечественными учёными в 80–90 гг. XX века. Согласно данным археологии, подавляющее большинство жертвоприношений в языческих городищах-святилищах Збручского культового центра конца X – середины XIII ст., были связаны с поклонением Роду и рожаницам – божествам олицетворением умерших предков, хлеба и растительности вообще. На это указывает обычай приношения жертв (в том числе и человеческих) печам, в которых выпекали хлеб на территории древнерусских городищ-святилищ. Так, вблизи жертвенной площадки городища-святилища Звенигород археологи зафиксировали оригинальную хлебную печь. Вокруг неё были разложены части туш коров и семь коровьих черепов. Неподалёку лежал скелет мужчины с отрубленной головой [11, с. 56].

Печь восточнославянского типа диаметром 1,4 м обнаружена на территории городища-святилища Богид – в одной из материковых стен длинного дома в центре святилища. В помещении найдены обломки гончарной миски конической формы, куски лепной жаровни с сильно обожжёнными стенками, обломки больших горшков X–XI вв., кости животных [10, с. 97]. Зафиксирована хлебная печь восточнославянского типа также в насыпи вала, окружавшего третье городище-святилище Збручского центра Говда. Перед ней была устроена жертвенная площадка, на которых найдены кости животных, обломки посуды XI–XII вв. [13, с. 117].

В сознании наших предков языческого и раннехристианского периодов печи, видимо, считались оберегом. Современные археологи зафиксировали в полу древнерусских домов ямы, со специально зарытыми там фрагментами печей. Наши предки ещё в XIX–XX вв. верили, что земля, вырытая под печью, имела магический смысл. Её зашивали в мешочек-ладанку, отправляясь в странствия, или при переезде из старого дома в новый [1, с. 145]. Возможно, что печи в сознании наших предков были символом добродетельных духов и богинь-рожаниц.

Обращает на себя внимание также тот факт, что довольно часто в поздних восточнославянских городищах-святилищах останки людей, принесённых в жертву, были посыпаны зерном. Вблизи посыпанных зерном останков людей археологи фиксировали серпы. Примером в этом отношении могут послужить останки жертвоприношений людей в крытом храме городища-святилища Звенигород. Согласно реконструкции исследователей, сначала на полу храма развели костёр и на его угли рассыпали обожжённые хлебные зёрна. На них положили два перекрёстных серпа, два человеческих черепа и верхнюю часть скелета [10, с. 96].

Таким образом, главным объектом почитания язычников раннехристианской эпохи, как и ранее, оставались народные божества Род и рожаницы – антропоморфные олицетворения умерших предков-берегинь, божества плодородия.

Среди богов, особо почитаемых восточнославянскими язычниками с конца X по середину XIII ст., особое место, очевидно, занимало какое-то божество, связанное со скотоводством. Возможно, что это был скотий бог Велес. Прямых указаний на то, что языческие общины, проживавшие в раннехристианскую эпоху на территории нынешней западной Украины, в Поднестровье и Прикарпатье, почитали Велеса – нет. Вместе с тем, в тех регионах Северо-Восточной Руси, где находились крупные языческие общины, доминировал культ именно данного божества. Так, в поселении язычников Медвежий угол существовало капище Велеса [4, с. 8–9]. Велеса, в соответствии с «Житием Авраамия Ростовского», почитала и языческая община Ростова [2, с. 224].

В XI ст. служители Велеса – волхвы – были хорошо известны в Киеве, Новгороде и других восточнославянских городах. Именно они смогли организовывать восстания в Новгороде, Ростове, Суздальской и Белозёрской земле в конце 60 – начале 70-ых годов XI века. Возможно, что полоцкие волхвы были причастны к государственному перевороту в Киеве в 1068 году. Воскресенская и Софиевская летописи сообщают, что в 1071 г. волхв – адепт Велеса, призывал к восстанию жителей Киева от имени пяти языческих божеств: «Приде Волхв прельщенный бесом, и пришед в Киев, говоря яко пришлет вот пяти богов» [6, с. 198; 8, с. 126]. Таким образом, на восточнославянских землях в то время существовал некий жреческий союз, объединяющий служителей пяти языческих божеств и их сторонников. Возможно, что именно волхвы – служители Велеса – возглавляли этот союз.

Очевидно, что и западные языческие общины Киевской Руси почитали данного бога. Так, некое хтоническое божество – житель подземного мира, поддерживающее реальный и небесный миры, было изображено на трёх гранях Збручского идола. В X–XIII вв. этот древний артефакт находился в городище святилище Богид. Согласно данным археологии, Богид и соседние городища – святилища Звенигород и Говда посещали паломники из всех районов восточнославянского мира. Таким образом, и божества, изображённые на Збручском идоле, должны были почитаться всеми восточнославянскими языческими общинами того времени. Вполне возможно, что хтоническое божество, изображённое на Збручском идоле и было летописным Веле-

сом. В пользу данной гипотезы свидетельствует факт существования на территории поздних городищ-святилищ обычая приносить в жертву какому-то хтоническому подземному божеству в жертву черепа домашних животных и людей.

Так, в Звенигороде на дне жертвенной ямы № 3 в один ряд были уложены разрубленные туши коров (черепа, позвонки с ребрами таза, бедренные кости и четыре нижние челюсти). В этой же яме находился череп и скелет подростка, лежащего в скорченном виде на правом боку [11, с. 55]. Во втором капище святилища Звенигород были найдены более чем 30 черепов и расчленённых детских скелетов, сложенных в ямы с сопровождаемым материалом [9, с. 155]. Черепа домашних животных и их фрагменты обнаружены в больших количествах в жертвенных ямах городища-святилища Богид. Так, например, в центре одного из местных длинных домов были обнаружены череп лошади, челюсти свиньи и коровы, обломки посуды XII–XIII вв. [13, с. 115].

Череп лошади, коровы, свиньи или человека считались вместилищем «костной» души и, по мнению наших предков, он продолжал существовать в некоем костном антимире, ожидая возвращения в реальный мир. Властителем умерших людей и животных в подземном мире считался у восточных славян Велес. От него якобы зависело плодородие земли, здоровье и благополучие животных и людей. Таким образом, вполне возможно, что одним из самых почитаемых божеств в городищах-святилищах западной Руси, как и Руси Северо-Восточной, был скотий бог Велес.

Важную роль в пантеоне восточнославянских языческих общин играли также старые родовые культы берегинь солнца и огня. На тыльной стороне верхнего яруса Збручского идола изображено мужское божество, на одежде которого можно разглядеть знак солнца: круг с шестью лучами внутри. Гипотезу о почитании солнца в поздних языческих городищах-святилищах подтверждает и тот факт, что большинство из них расположены на высоких местах, обращённых в сторону восходящего солнца. Примером в этом отношении может выступить городище-святилище X–XII вв., открытое археологами вблизи поселка Кулешовка Сокирянского района Черновицкой области [14, с. 161–174]. Кроме того, на территории городищ-святилищ конца X – середины XIII ст. найдено значительное количество стеклянных браслетов – символов солнца и возрождения. В частности, обломки стеклянных браслетов в большом количестве зафиксированы исследователями на территории городища-святилища Звенигород [11, с. 54].

Необычный круглый стеклянный браслет был найден в жилище служителя языческого городища-святилища Богид. Он настолько мал (диаметр 4 см), что не мог служить украшением даже детской руке. По мнению современных исследователей, это был специальный культовый предмет, служивший символом солнца. Обломки стеклянных браслетов в огромном количестве находятся на капищах других поздних городов-святилищ [11, с. 54]. Таким образом, неслучайно неизвестный автор восточнославянской вставки к апокрифическому произведению «Хождение Богородицы по мукам» обвиняет своих соотечественников в том, что они солнце на бога обратили [15, с. 170].

Достаточно отчётливо просматривается в поздних восточнославянских городищах-святилищах культ огня, как некой охранительной и очистительной стихии. Сакральная часть поздних городищ-святилищ окружена валами и рвами. На вершинах валов и на дне рвов горели огни, а в некоторых местах на площадках-алтарях были положены кости жертв. Валы святилищ, как правило, имеют плоскую вершину или ступеньку на склоне, где горели огни. Их рвы неглубокие, с плоским дном, на котором многократно разгорались костры. Здесь находились, вероятно, «пылающие жертвенники». В костёр бросали мясо жертвенных животных и фрагменты специально разбитой посуды [14, с. 172]. Так, на валах и рвах Кулишовского святилища были оборудованы специальные места, где разжигали ритуальный огонь. Языческий храм в городище-святилище в селении Рудники Снятинского района Ивано-Франковской области был окружён рвом, в котором на каменных вымостках многократно разжигался огонь [14, с. 167–169].

Почитали, очевидно, языческие общины конца X – середины XIII ст. и духов водных источников – вил. Об этом свидетельствует наличие в поздних городищах-святилищах священных колодцев, выбитых в скалах. Так, при раскопках городища-святилища Богид рядом с одним из длинных домов сохранился колодец глубиной 3,8 м, прямоугольной формы (3,2 x 3,2 м). Он был выбит в скале. Второй колодец, сделанный в скале, находится на самом городище возле главного вала. Его размеры 2,6 x 1,4 м, глубина 5 м. Подобные колодцы, выбитые в скалах (что требовало огромных усилий), были зафиксированы исследователями и во многих других святилищах. Так, например, в городище-святилище Зелёная Липа он достигает глубины 14,5 м. Все эти колодцы не доходят до уровня воды и использовались в ритуальных целях [10, с. 96–97]. Очевидно, подобные ритуальные сооружения были связаны с почитани-

ем вил-русалок и использовались для обрядов вызывания дождя.

Кроме родовых и традиционных народных культов божеств плодородия (Рода и рожаниц), подземного божества Велеса – скотьего бога, духов солнца, огня и водных источников при анализе материалов, полученных при раскопках поздних восточнославянских городищ-святилищ, отчётливо просматриваются культы воинственных божеств-покровителей дружинников и княжеской власти. Некоторые городища-святилища по своей форме напоминают святилища Перуна. Так, при раскопках городища-святилища Богид, исследователи обнаружили восемь корытообразных и овальных в плане углублений диаметрами 3 x 5 м и 40 см от уровня окружающей почвы, аналогичных восьми выемкам-лепесткам Перыньского святилища в Новгороде и шести лепесткам Киевского святилища, построенных Владимиром [10, с. 90]. Кроме того, при раскопках поздних восточнославянских городищ-святилищ фиксируется оружие, в том числе и топоры – символы Перуна.

Выводы. Таким образом, мировоззрение поздних язычников после христианизации Руси подверглось определённой трансформации. К традиционным уже родовым культам духов-берегинь и народных божеств добавились культы дружинных богов, также нашедших своё почётное место в пантеоне уцелевших язычников. На фоне долгого военного противостояния с великокняжескими дружинами и христианским духовенством языческий культ в поздних восточнославянских общинах стал более жёстким. Значительно увеличилось количество человеческих жертвоприношений.

Наибольшим почитанием среди поздних язычников пользовались народные божества – олицетворение умерших предков и плодородия (Род, рожаницы, Велес) и духи-берегини, символизировавшие природные стихии – солнце, огонь, воду. Чествовали в поздних языческих святилищах и дружинных божеств, что убедительно свидетельствует об определённой консолидации различных групп восточнославянского жречества.

Список источников

1. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 192 с.
2. Житие преподобного отца нашего Авраамия архимандрита Ростовского // Жития святых в XII книгах. – К. : Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Кн. 2. – С. 224–227.
3. Кузьмин, А. К. Крещение Руси / А. К. Кузьмин. – М. : Алгоритм, 2004. – 416 с.
4. Лебедев, А. Н. Храмы Власьевского прихода в Ярославле // А. Н. Лебедев. – Ярославль, 1877. – С. 8–9.
5. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
6. Полное собрание русских летописей : в 23 томах. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Том 7. – 987 стб.
7. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства / О. М. Рапов. – М. : Наука, 1988. – 416 с.
8. Российская летопись по списку Софийскому великого Новгорода. – СПб. : Изд-во АН, 1795. – Ч. 1. – 876 с.
9. Русанова, И. П. Во времена Збручского идола / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 153–157.
10. Русанова, И. П. Збручское святилище (предварительное сообщение) / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук // Советская археология. – 1986. – № 4. – С. 90–100.
11. Русанова, И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. / И. П. Русанова // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 50–68.
12. Русанова, И. П. Языческие святилища древних славян // И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. – М. : Ладога. – 2007. – 303 с.
13. Тимошук, Б. А. Языческое жречество древней Руси (по материалам городищ-святилищ) / Б. А. Тимошук. – Российская археология. – 1993. – № 4. – С. 110–122.
14. Тимошук, Б. А. / Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова // Советская археология. – 1983. – № 4. – С. 161–174.
15. Хождение Богородицы по мукам // Срезневский И. И. Памятники древнерусского письма и языка. – СПб., 1863. – С. 170–171.

Ideological Views and Beliefs of the Later Pagans of Ancient Russia (On the Example Zbrutsky Cult Center)

M.N. Kozlov

Sevastopol State University 33
Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation

Received 20.06.2016

Abstract. Conducted historical analysis of ideological representations of our ancestors-pagans in the early Christian era, embodied in the beliefs and cults of the representatives of the late pagan communities. For the solution of research problems applied problem-chronological, analytical research methods, and the methods of analogies, interpretive synthesis and generalization. The main source of study was based on data of archaeological excavations of the ancient city of temples and ancient shrines Zbruch cult center, and written documents of XI – mid. XIII centuries. As one of the important aspects of the East Slavic pagan cult deals with the question of human sacrifice in the late pagan communities.

The author came to the conclusion that the worldview of the later pagans, after the Christianization of Russia has undergone a certain transformation. To the traditional cults of the ancestral spirits and guardians of folk deities were added the cults of the retinue of the gods, also found a place of honor in the Pantheon of surviving pagans. On the background of long military confrontation with the princely retinues and the Christian clergy of the pagan cult in the later Eastern Slavic communities became more rigid. Significantly increased the number of human sacrifices.

The greatest veneration among the later pagans used the folk deity – the personification of deceased ancestors and of fertility (B, [rozhanitsy], Veles) and spirits of women, guards, symbolizing the natural elements – sun, fire, water. I read in the late pagan shrines and mundane deities, which is convincing evidence that some consolidation of the various groups of East Slavic priests.

Keywords: beliefs, cults, rituals, traditions, late pagan community.

For citation: Kozlov M.N. Ideological Views and Beliefs of the Later Pagans of Ancient Russia (On the Example Zbrutsky Cult Center). *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 75–80 (in Russ.).

About author: M.N. Kozlov, Doctor of Science (History), Professor of the Department “History, Philosophy and Social Studies” of Institute of Humanities and Pedagogy of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, 13 Gagarin Ave., Sevastopol, 299028, Russian Federation, e-mail: kmn_75@mail.ru.

References

1. Baiburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Residence in the Rites and Beliefs of Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 192 p.
2. *Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Avraamiya arkhimandrita Rostovskogo. V kn.: Zhitiya svyatykh: v 12 knigakh. Kn. 2* [The Life of Our Venerable Father Abraham, Archimandrite of Rostov. In: Lives of the Saints in 12 Books. Bk. 2]. Kiev, Kiev-Pechersk Lavra Publ., 1855. Pp. 224–227.
3. Kuz'min A.K. *Kreshchenie Rusi* [Baptism of Russia]. Moscow, Algoritm Publ., 2004. 416 p.
4. Lebedev A.N. *Khramy Vlas'evskogo prikhoda v Yaroslavle* [Temples Vlasievsky Arrival in Yaroslavl]. Yaroslavl, 1877. Pp. 8–9.
5. *Povest' vremennykh let. Pod red. i s pred. V.P. Adrianovoi-Peretts* [Adrianova-Peretz V.P., ed. The Tale of Bygone Years]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 239 p.
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 23 t. T. 7* [Complete Collection of Russian Chronicles: in 23 volumes. Vol. 7]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 987 cols.
7. Rapov O.M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoi treti XII v. Prinyatie khristianstva* [Russian Church in IX – the First Third of the XII Century. The Adoption of Christianity]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 416 p.
8. *Rossiiskaya letopis' po spisku Sofiiskomu velikogo Novgoroda. Chast' I* [Russian Annals on the List of the Great St. Sophia Novgorod. Part 1]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1795. 876 p.
9. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. In *Times Zbruch Idol. Voprosy istorii*, 1990, no. 8, pp. 153–157 (in Russ.).
10. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Zbruch Sanctuary (Preliminary Report). *Sovetskaya arkheologiya*, 1986, no. 4, pp. 90–100 (in Russ.).

11. Rusanova I.P. Religious places and pagan sanctuary of the Slavs VI–VIII centuries. *Rossiiskaya arkheologiya*, 1992, no. 4. pp. 50–68 (in Russ.).
12. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan Sanctuary of the Ancient Slavs]. Moscow, Ladoga Publ., 2007. 303 p.
13. Timoshchuk B.A. The Pagan Priests of Ancient Russia (Based on Settlements, Shrines). *Rossiiskaya arkheologiya*, 1993, no. 4. pp. 110–122 (in Russ.).
14. Timoshchuk B.A., Rusanova I.P. Slavic Sanctuary in the Middle Dniester and Prut River Basin. *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 4, pp. 161–174 (in Russ.).
15. *Khozhdenie Bogoroditsy po mukam. V kn.: Sreznevskii I.I. Pamyatniki drevnerusskogo pis'ma i yazyka* [Walking Lady Through Hell. In: Sreznevsky I.I. Monuments of Old Russian Writing and Language]. St. Petersburg, 1863. Pp. 170–171.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Журнал «Гуманитарно-педагогическое образование» принимает ранее не опубликованные научные статьи по психологии, педагогике, филологии, культурологии и искусствоведению в документах формата .doc текстового редактора Microsoft Word 2003 for Windows в неархивированном виде (имя файла, например, **Ivanov-I-article.doc**). Рукописи всех статей, поступивших в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

I. Требования к содержанию статьи. Представляемая для публикации статья должна:

- быть актуальной, обладать новизной;
- содержать постановку задач (проблем), цель статьи, описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;
- соответствовать требованиям к оформлению.

II. Требования к оформлению статьи:

1. Оптимальный объем статьи вместе с таблицами и иллюстрациями 5–7 (не менее 5) страниц формата А4, поля 2 см, межстрочный интервал 1; шрифт TNR 11. Таблицы и иллюстрации имеют название и порядковый номер, выполнены в Microsoft Word 2003 for Windows, не выходят за поля страницы, шрифт TNR, 10.

III. Сопроводительные документы к статье: сканированная рецензия для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук, подписанная рецензентом и заверенная печатью учреждения (имя файла **Ivanov-I-review.doc**); данные об авторе (Ф.И.О., учёное звание, должность, название и адрес места работы, номер моб. телефона (имя файла **Ivanov-I-author.doc**)) – присылаются ответственному секретарю журнала по адресу: **sggu-rio@mail.ru**.

IV. Общий вид статьи:

УДК статьи

Название статьи
Иван Иванович Иванов
Аффилиация 1-го автора

(место работы, полные адресные данные организации, в которой на данный момент работает автор: улица, город, почтовый индекс, страна)

Пётр Петрович Петров
Аффилиация 2-го автора

Статья поступила _____; после доработки _____

Аннотация. Аннотация на языке основного текста статьи.

Ключевые слова: 6–10 ключевых слов на языке статьи.

Для цитирования: Иванов, И. И. Название статьи / И. И. Иванов, П. П. Петров // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. –.

Об авторе(ах): указывается полная информация об авторе: Ф.И.О., учёная степень, звание, должность, место работы с указанием кафедры и адреса места работы, если он не совпадает с адресом в аффилиции, e-mail автора.

Далее следует структурированный текст статьи с озаглавленными частями «Постановка проблемы», «Цель статьи», «Выводы» и др.

Список литературы

После «Списка литературы» указывается изложенная выше информация на английском языке и References:

Title of the Article (название статьи на англ. яз., используется правило капитализации в англ. яз.)

I.I. Ivanov (транслитерация с помощью конвертера сайта <http://translit.ru/>, вариант BSI)

First author affiliation (аффилиция автора на англ. яз.)

P.P. Petrov

Second author affiliation

Received _____; received in final form _____

Abstract. Abstract in English, volume – not less than 500 characters (краткое структурированное содержание статьи, не менее 500 символов).

Keywords: 6–10 words (число ключевых слов определяется автором, как правило, не более 10 слов).

For citation: Ivanov I.I., Petrov P.P. Title of the Article. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. – (in Russ.).

About author(s): на английском языке полная информация об авторе, e-mail автора.

References

После References на языке статьи указываются данные учёного (учёная степень, должность, название вуза, личный e-мэйл), рекомендовавшего статью (рецензента).

Перепечатки и переводы материалов разрешаются только с согласия автора и редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Авторы несут ответственность за достоверность фактов, цитат, имён собственных, географических (и прочих) названий и другой информации.

Редакция оставляет за собой право редактирования представленных текстов статей.

Статьи в журнал проходят обязательное рецензирование членами редколлегии или учёными, являющимися ведущими специалистами в соответствующих областях науки

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология

Научный журнал

Т. 2, № 3, 2016

Ответственный секретарь Н. К. Почтовенко, e-mail: sggu-rio@mail.ru

Литературная редакция – Л. А. Моря

Корректура, компьютерная вёрстка – Н. К. Почтовенко

Идея и концепция – И. Н. Авдеева

Фотография – Ю. Данилевский

Учредитель и издатель

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Адрес издателя: ул. Университетская 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Формат – 60х84/8. Бумага офсетная. Гарнитура – Times New Roman. Усл. печ. л. – 10

Тираж – 65 экз. Бесплатно. Подписано в печать 30.09.2016 г.

Изготовлено с готового оригинал-макета на полиграфической базе редакционно-информационного издательского центра «Медиацентр» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Адрес типографии: ул. Курчатова 7, Севастополь, 299015, Российская Федерация